

М. БУЛГАКОВЪ

РОКОВЫЯ ЯЙЦА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТЕРАТУРА“
РИГА, ЦЕРКОВНАЯ УЛИЦА, 11

Типографія „Vārds“, Рига,
Бл. Плавучая ул. № 24.
Телефонъ 2-3-4-0-9.

„НАША БИБЛИОТЕКА“
XXI

Мих. Булгаковъ

РОКОВЫЯ ЯЙЦА

Вступительная статья **Петра Пильскаго.**

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТЕРАТУРА“
РИГА, ЦЕРКОВНАЯ УЛ. 4а
1 9 2 8

Иронія и фантастика.

О Мих. Булгаковѣ, „Роковыхъ яйцахъ“
и „Дьяволадѣ“.

Не только книги, но и писательскія репутаціи имѣютъ свою судьбу. Случай и здѣсь играетъ значительнѣйшую роль.

Какъ-то неразрывно, — и уже теперь надолго, — имя Мих. Булгакова будетъ связано съ его романомъ „Бѣлая Гвардія“ („Дни Турбиныхъ“), съ его пьесой, получившей исключительный успѣхъ, прошедшей чрезъ цензурныя мытарства совѣтскихъ ущемленій, проникшей на зарубежныя сцены.

Такъ создалась извѣстность писателя.

Въ общемъ пониманіи Булгаковъ предсталъ беллетристомъ — реалистомъ, художникомъ потрясеннаго быта, добросовѣстнымъ изобразителемъ революціонной эпохи, кровавыхъ украинскихъ дней.

„Дни Турбиныхъ“ подкупаютъ своей правдивостью. И романъ, и пьеса волнуютъ и будятъ воспоминанія объ этихъ недавнихъ событіяхъ. Авторъ нашелъ счастливую тему, отлично справился съ ней, получилъ широкую популярность.

Но это только одна сторона его таланта. Мих. Булгаковъ не только реалистъ, — онъ еще и фантастъ. Его манитъ вымысль, интригуетъ сюжетъ, интересуетъ и возбуждаетъ фабула, а это не такъ часто встрѣ-

чается въ русской литературѣ. Выдумка у насъ была рѣдкой гостьей.

Русская литература знала только одного Бога,— правду. Цѣлый вѣкъ мы распластывались передъ этимъ кумиромъ, въ его честь создавались литературные завѣты, и жрецы этого храма были неумолимы и безпощадны. Этотъ гнетъ, наконецъ, почувствовали сами писатели.

Лѣтъ пять тому назадъ въ Россіи образовался кружокъ „Серапіоновыхъ братьевъ“ — но это же Гофманъ, это фантастика, это—фабула! Задачи были поставлены правильно,—результаты оказались ничтожными. Увы, все это та же старая рать со старыми навыками, со старымъ тяготѣніемъ къ обыденщинѣ, реализму, точности, знакомая бытовая беллетристика безъ композиціи, безъ раздольной смѣлости, безъ красочности, безъ воображенія, пригвожденная къ землѣ и дню, совсѣмъ не искусная, вся во власти фотографіи, замѣнившая яркость вымысла хитрымъ вычуромъ словесныхъ раскопокъ.

Отдѣльные дарованія, строки, лица не спасали группы, не оправдывали ея имени, не роднили ее съ чудеснымъ талантомъ Гофмана. Это сразу же поняли сами „Серапіоны“, и одинъ изъ нихъ, самый молодой, рано умершій Левъ Лунцъ справедливо и откровенно указывалъ своимъ собратьямъ на безвыходный и скорбный, все тотъ же старый тупикъ: „Нѣтъ занимательности!“ — жаловался онъ. — „Скучно, скучно!“ Упрекалъ въ отсутствіи интриги, подчеркивалъ бѣдность замысловъ, — „самое большое — анекдотикъ, отдѣльный мотивъ: двухъ мотивовъ связать уже не умѣютъ“.

И, въ самомъ дѣлѣ, современная русская проза не только не излѣчилась отъ прежнихъ, застарѣлыхъ недуговъ, но заразилась новыми, еще болѣе прискорбными и трудно излѣчимыми. Все то же народничество, все тотъ же бытъ, скука и глухой, дошлый про-

винціалізмъ! Литературная отсталость у нынѣшнихъ совѣтскихъ беллетристовъ еще больше расширилась, увеличилась и углубилась.

Здѣсь все примитивно. Примитивны сюжеты, тяжелъ ходъ, рисунокъ мелокъ и не твердъ, примитивно пониманіе примитивныхъ литературныхъ задачъ. Идетъ настоящее одичаніе. Новая литература тащится въ унылую и дремотную, безпросвѣтную чашобу, въ мракъ и тьму, къ развалившейся избушкѣ на курьихъ, дурьихъ ножкахъ, къ хлебанью литературныхъ щей изъ свалывшагося лаптя, — все то же неискоренимое поклоненіе курносому идолу нищей, деспотической повседневности, для всѣхъ нерадостной и никого не окрыляющей, и на нашихъ глазахъ происходитъ тихое, медленное, но явное угасаніе, — угасаніе творческаго духа, фантазіи, дерзости, мастерства, и все дальше и дальше отлетаютъ прелесть фабулы, энергія интриги, золотая роскошь вымысла.

Мих. Булгаковъ — счастливое исключеніе.

Онъ рвется. Изъ тѣсной кельи бытовой обыденщины онъ ищетъ выхода на широкий просторъ. „Рокковыя яйца“ — превосходная повѣсть. Въ ней много смѣлости, она не страшится собственнаго риска, ея выдумка смѣла, легокъ темпъ и вся она развертывается и увлекательно и убѣдительно.

Уже только потому, послѣ ея прочтенія, оглядываясь назадъ, понимаешь и оцѣниваешь ея фантастичность, невѣроятность, неправдоподобіе, ея чудесный плѣняющій обманъ. Какъ всегда у талантливыхъ искусниковъ, — все держится на пустякѣ, на какомъ-то маленькомъ красномъ лучѣ, величиной съ иголку, обладающемъ чудодѣйственной животворной силой головокругительнаго размноженія.

Затѣмъ — пустякъ второй, — случайность, перепутанные ящики съ яйцами, — и, вотъ, фантазіи открыты самыя несбыточныя возможности, самыя заманчивыя пути, происходятъ „страшнѣйшія и необъяснимыя“ событія, удивительные „сюрпризы“, все ста-

новится вдругъ „поистинѣ изумительно“, пробѣгаютъ токи, въ яйцахъ слышится „тріумфальный стукъ“ и „въ загадочномъ мерцающемъ свѣтѣ созрѣваютъ малиновые яйца“. Все фантастично, необыкновенно и въ то же время такъ просто и такъ притягательно, что не хочется ни контролировать, ни сомнѣваться, потому что нѣтъ силъ и нѣтъ охоты оторваться отъ этихъ страницъ, отъ этого разсказа, ведущагося въ самомъ серьезномъ тонѣ, оснащенного внѣшне-ученымъ глубокомысліемъ, именами профессоровъ, упоминаніемъ научныхъ теорій, работой надъ микроскопическими изслѣдованіями.

Между тѣмъ все повѣствованіе втайнѣ иронично. Все время мелькаютъ авторскія улыбки. Свершается ласковый, добродушный и самый радостный обманъ, — обманъ занимательности, обманъ вымысла, и очаровательная иронія звучитъ и въ этомъ выдуманномъ „Доброкурѣ“, охраняющемъ пѣтуховъ и куръ отъ повального мора, и въ эффектѣ перепутанныхъ ящиковъ, и въ сказочной неожиданности результатовъ этой ошибки, и въ фигурѣ профессора Персикова, и въ картинахъ будущей, будто бы расцвѣтшей Москвы, и въ изображеніи военного похода на земныхъ гадовъ.

Но иронія, соединенная тоже съ фантастикой, наполняетъ и освѣщаетъ лукавымъ огнемъ и „Дьяволаду“, — повѣсть о томъ, какъ близнецы погубили дѣлопроизводителя. И здѣсь все построено на случайности, — на случайномъ, внѣшнемъ сходствѣ двухъ людей, на случайномъ созвучіи двухъ фамилій. Отсюда — всѣ „происшествія“, и этимъ словомъ — „происшествіе“ — повѣсть открывается, цѣпью происшествій развертывается, чтобъ кончиться тоже чрезвычайнымъ потрясающимъ происшествіемъ.

Опять — мелочь, опять — пустякъ, снова — случайность, но все — вымыселъ, выдумка, занимательность, упитательный и ласковый обманъ, — упитательный потому, что все повѣствованіе ведется въ quasi-

серьезномъ тонѣ, съ соблюденіемъ полной внѣшней естественности и достовѣрности, въ согласіи со всѣми деталями совѣтскаго быта. Все фантастично и въ то же время все допустимо, все художественно оправдано и примирено. Въ этомъ и состоитъ тайна мастерства.

А иронія повсюду. Иронично отношеніе автора къ этой жизни, къ ея укладамъ, къ ея распорядку, кутерьмъ, растерянности, путаницѣ, безразсудной суетѣ, общему замѣшательству. Ироничны названія главъ, насмѣшливо описаны „продукты производства“, выдающіеся вмѣсто денегъ, — эти не горящія спички, дурманящее церковное вино, — но самая острая и глубокая иронія заключается именно въ фантастикѣ всей этой жизни, въ ея иллюзорности, ея выдуманности, ея родствѣ съ кошмаромъ.

Есть что-то злобно-ироническое въ этихъ двойникахъ, призрачности лицъ, даже въ ихъ именахъ (Кальсонеръ, Янъ Собѣсскій), въ этомъ общемъ взаимномъ непониманіи.

Мих. Булгаковъ, это — ироническая фантастика.

Эта черта у него повсюду. Она и въ „Роковыхъ яйцахъ“, и въ „Дьяволадѣ“, и въ его полу-фельетонѣ, полу-разказѣ „Похожденія Чичикова“, вдругъ чудеснымъ образомъ воскресшаго въ Совѣтской Россіи, и тамъ отлично приспособившагося, благодаря влиятельнымъ связямъ съ Ноздревымъ, Собакевичемъ, Неуважай-Корытомъ, Кувшиннымъ Рыломъ, наконецъ, съ предсѣдателемъ тарифно-расцѣночной комиссіи, Елизаветой Воробей. Но и тутъ Чичикова погубила Коробочка.

И въ этомъ разказѣ все — иронія, только иронія, неизмѣнно иронія. Но и она, при всей своей остротѣ, при всей колючести, мягка, не груба, она зла, но не подчеркнута. У Мих. Булгакова большой литературно-мимическій талантъ. Онъ

умѣть улыбаться слегка и въ то же время вырази-
тельно. Его насмѣшка улавливается, но не дерзить.
Онъ ирониченъ, но не смѣшливъ, умѣть ласково
насмѣхаться и непримѣтно издѣваться, въ немъ
сильна лукавая осторожность, — въ искусствѣ она
называется почетнымъ и похвальнымъ именемъ: чув-
ство мѣры.

Петръ Пильскій.

Роковые яйца.

Г л а в а I

Профессоръ Персиковъ.

16 апрѣля 1928 года, вечеромъ, профессоръ зоологiи IV государственнаго университета и директоръ зооинститута въ Москвѣ, Персиковъ, вошелъ въ свой кабинетъ, помѣщающійся въ зооинститутѣ, что на улицѣ Герцена. Профессоръ зажегъ верхній матовый шаръ и оглядѣлся.

Начало ужасающей катастрофы нужно считать заложеннымъ именно въ этотъ злосчастный вечеръ, равно какъ первопричиною этой катастрофы слѣдуетъ считать именно профессора Владиміра Ипатьевича Персикова.

Ему было ровно 58 лѣтъ. Голова замѣчательная, толкачомъ, лысая, съ пучками желтоватыхъ волосъ, торчащими по бокамъ. Лицо гладко выбритое, нижняя губа выпячена впередъ. Отъ этого персиковское лицо вѣчно носило на себѣ нѣсколько капризный отпечатокъ. На красномъ носу старомодныя маленькія очки въ серебряной оправѣ, глазки блестящіе, небольшіе, росту высокаго, сутуловатъ. Говорилъ скрипучимъ, тонкимъ, квакающимъ голосомъ и среди другихъ странностей имѣлъ такую: когда говорилъ что-либо вѣско и увѣренно, указательный палецъ правой руки превращалъ въ крючокъ и щуриль глазки. А такъ какъ онъ говорилъ всегда увѣренно, ибо эрудиція въ его области у него была совершенно феноме-

нальная, то крючокъ очень часто появлялся передъ глазами собесѣдниковъ профессора Персикова. А внѣ своей области, т.-е. зоологіи, эмбриологіи, анатоміи, ботаники и географіи, профессоръ Персиковъ почти ничего не говорилъ.

Газетъ профессоръ Персиковъ не читалъ, въ театръ не ходилъ, а жена профессора сбѣжала отъ него съ теноромъ оперы Зимина въ 1913 году, оставивъ ему записку такого содержанія:

„Невыносимую дрожь отвращенія возбуждаютъ во мнѣ твои лягушки. Я всю жизнь буду несчастна изъ-за нихъ.

Профессоръ больше не женился и дѣтей не имѣлъ. Былъ очень вспыльчивъ, но отходчивъ, любилъ чай съ морошкой, жилъ на Пречистенкѣ, въ квартирѣ изъ 5 комнатъ, одну изъ которыхъ занимала сухенькая старушка, экономка Марья Степановна, ходившая за профессоромъ, какъ нянька.

Въ 1919 году у профессора отняли изъ 5 комнатъ 3. Тогда онъ заявилъ Марьѣ Степановнѣ:

— Если они не прекратятъ эти безобразія, Марья Степановна, я уѣду за границу.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы профессоръ осуществилъ этотъ планъ, ему очень легко удалось бы устроиться при кафедрѣ зоологіи въ любомъ университетѣ міра, ибо ученый онъ былъ совершенно первоклассный, а въ той области, которая такъ или иначе касается земноводныхъ или голыхъ гадовъ, и равныхъ себѣ не имѣлъ за исключеніемъ профессоровъ Ульяма Векля въ Кембриджѣ и Джіакомо Бартоломео Беккари въ Римѣ. Читалъ профессоръ на 4 языкахъ, кромѣ русскаго, а по-французски и нѣмецки говорилъ, какъ по-русски. Намѣренія своего относительно заграницы Персиковъ не выполнилъ, и 20-й годъ вышелъ еще хуже 19-го. Произошли событія и притомъ одно за другимъ. Большую Никитскую переименовали въ улицу Герцена. Затѣмъ часы, врѣзанные въ стѣну дома на углу Герцена и Моховой, остановились

на 11 съ $\frac{1}{4}$ и, наконецъ, въ терраріяхъ зоологическаго института, не вынеся всѣхъ пертурбацій знаменитаго года, издохли первоначально 8 великолѣпныхъ экземпляровъ квакшей, затѣмъ 15 обыкновенныхъ жабъ и, наконецъ, исключительнѣйшій экземпляръ жабы Суринамской.

Непосредственно вслѣдъ за жабами, опустошившими тотъ первый отрядъ голыхъ гадовъ, который по справедливости названъ классомъ гадовъ безхвостыхъ, переселился въ лучшій міръ безсмѣнный сторожъ института старикъ Власъ, не входящій въ классъ голыхъ гадовъ. Причина смерти его, впрочемъ, была та же, что и у бѣдныхъ гадовъ, и ее Персиковъ опредѣлилъ сразу:

— Безкормица!

Ученый былъ совершенно правъ: Власа нужно было кормить мукой, а жабъ мучными червями, но поскольку пропала первая, постольку исчезли и вторые. Персиковъ оставшіеся 20 экземпляровъ квакшъ попробовалъ перевести на питаніе тараканами, но и тараканы куда-то провалились, показавъ свое злостное отношеніе къ военному коммунизму. Такимъ образомъ и послѣдніе экземпляры пришлось выкинуть въ выгребныя ямы на дворѣ института.

Дѣйствіе смертей и въ особенности Суринамской жабы на Персикова не поддается описанію. Въ смертяхъ онъ дѣликомъ обвинилъ тогдашняго наркома просвѣщенія.

Стоя въ шапкѣ и калошахъ въ коридорѣ выставящаго института, Персиковъ говорилъ своему ассистенту Иванову, изящнѣйшему джентльмену съ острой бѣлокурой бородкой:

— Вѣдь за это же его, Петръ Степановичъ, убить мало! Что же они дѣлають? Вѣдь, они жъ погубять институтъ! А? Безподобный самецъ, исключительный экземпляръ Пипа американа, длиной въ 13 сантиметровъ...

Дальше пошло хуже. По смерти Власа окна въ институтѣ промерзли насквозь, такъ что цвѣтистый ледъ сидѣлъ на внутренней поверхности стеколъ. Издохли кролики, лисицы, волки, рыбы, и всѣ до одинаго ужи. Персиковъ сталъ молчать цѣлыми днями, потомъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, но не умеръ. Когда оправился, приходилъ 2 раза въ недѣлю въ институтъ и въ кругломъ залѣ, гдѣ было всегда, почему-то не измѣняясь, 5 градусовъ мороза, независимо отъ того, сколько на улицѣ, читалъ въ калошахъ, въ шапкѣ съ наушниками и въ кашнѣ, выдыхая бѣлый паръ, 8 слушателямъ циклъ лекцій на тему „Пресмыкающіяся жаркаго пояса“. Все остальное время Персиковъ лежалъ у себя на Пречистенкѣ на диванѣ, въ комнатѣ до потолка набитой книгами, подъ пледомъ, кашлялъ и смотрѣлъ въ пастъ огненной печурки, которую золочеными стульями топила Марья Степановна, вспоминалъ Суринамскую жабу.

Но все на свѣтѣ кончается. Кончился 20-й и 21-й годъ, а въ 21-мъ началось какое-то обратное движеніе. Во-первыхъ: на мѣстѣ покойнаго Власа появился Панкратъ, еще молодой, но подающій большія надежды зоологическій сторожъ, институтъ стали топить понемногу. А лѣтомъ Персиковъ, при помощи Панкрата, на Клязьмѣ поймалъ 14 штукъ вульгарныхъ жабъ. Въ терраріяхъ вновь закипѣла жизнь... Въ 23-мъ г. Персиковъ уже читалъ 8 разъ въ недѣлю — 3 въ институтѣ и 5 въ университетѣ, въ 24-мъ году 13 разъ въ недѣлю и кромѣ того на рабфакахъ, а въ 25-мъ, весной, прославился тѣмъ, что на экзаменахъ срѣзалъ 76 человѣкъ студентовъ и всѣхъ на голыхъ гадахъ:

— Какъ, вы не знаете чѣмъ отличаются голые гады отъ пресмыкающихся? — спрашивалъ Персиковъ. — Это просто смѣшно, молодой человѣкъ. Тазовыхъ почекъ нѣтъ у голыхъ гадовъ. Онѣ отсутствуютъ. Такъ-то-съ. Стыдитесь. Вы, вѣроятно, марксистъ?

— Марксистъ, — угасая, отвѣчалъ зарѣзанный.

— Такъ воть, пожалуйста, осенью, — вѣжливо говорилъ Персиковъ и бодро кричалъ Панкрату: — давай слѣдующаго!

Подобно тому, какъ амфибіи оживаютъ послѣ долгой засухи, при первомъ обильномъ дождѣ, ожилъ профессоръ Персиковъ въ 1926 году, когда соединенная американо-русская компанія выстроила, начавъ съ угла Газетнаго переулка и Тверской, въ центрѣ Москвы, 15 пятнадцатипятиэтажныхъ домовъ, а на окраинахъ 300 рабочихъ коттеджей, каждый на 8 квартиръ, разъ и навсегда прикончивъ тотъ страшный и смѣшной жилищный кризисъ, который такъ терзалъ москвичей въ годы 1919 — 1925.

Вообще это было замѣчательное лѣто въ жизни Персикова, и порою онъ съ тихимъ и довольнымъ хихиканьемъ потиралъ руки, вспоминая, какъ онъ жался съ Марьей Степановной въ 2 комнатахъ. Теперь профессоръ всѣ 5 получилъ обратно, расширился, расположилъ 2^{1/2} тысячи книгъ, чучела, діаграммы, препараты, зажегъ на столѣ зеленую лампу въ кабинетѣ.

Институтъ тоже узнать было нельзя: его покрыли кремовою краской, провели по спеціальному водопроводу воду въ комнату гадовъ, смѣнили всѣ стекла на зеркальныя, прислали 5 новыхъ микроскоповъ, стеклянные препаратіонные столы, шары по 2.000 лампъ съ отраженнымъ свѣтомъ, рефлекторы, шкапы въ музей.

Персиковъ ожилъ, и весь міръ неожиданно узналъ объ этомъ, лишь только въ декабрѣ 1926 года вышла въ свѣтъ брошюра:

„Еще къ вопросу о размноженіи бляшконосныхъ или хитоновъ“ 126 стр. „Извѣстія IV Университета“.

А въ 1927, осенью, капитальный трудъ въ 350 страницъ, переведенный на 6 языковъ, въ томъ числѣ японскій:

„Эмбриологія пипъ, чесночницъ и лягушекъ“.
Цѣна 3 руб. Госиздатъ.

А лѣтомъ 1928 года произошло то невѣроятное,
ужасное . . .

Глава II.

Цвѣтной завитокъ.

Итакъ, профессоръ зажегъ шаръ и оглядѣлся. Зажегъ рефлекторъ на длинномъ экспериментальномъ столѣ, надѣлъ бѣлый халатъ, позвенѣлъ какими-то инструментами на столѣ . . .

Многіе изъ 30 тысячъ механическихъ экипажей, бѣгавшихъ въ 28-мъ году по Москвѣ, проскакивали по улицѣ Герцена, шурша по гладкимъ торцамъ, и черезъ каждую минуту съ гуломъ и скрежетомъ скатывался съ Герцена къ Моховой трамвай 16, 22, 48 или 53 го маршрута. Отблески разноцвѣтныхъ огней забрасывалъ въ зеркальныя стекла кабинета и далеко и высоко былъ виденъ рядомъ съ темной и грузной шапкой храма Христа туманный, блѣдный мѣсячный серпъ.

Но ни онъ, ни гулъ весенней Москвы нисколько не занимали профессора Персикова. Онъ сидѣлъ на винтящемся трехногомъ табуретѣ и побурѣвшими отъ табаку пальцами вертѣлъ кремальеру великолѣпнаго Цейсовскаго микроскопа, въ который былъ заложенъ обыкновенный неокрашенный препаратъ свѣжихъ амебъ. Въ тотъ моментъ, когда Персиковъ мѣнялъ увеличеніе съ 5 на 10 тысячъ, дверь пріоткрылась, показалась остренькая борода, кожаный нагрудникъ и ассистентъ позвалъ:

— Владиміръ Ипатьичъ, я установилъ брыжжейку, не хотите ли взглянуть?

Персиковъ живо сползъ съ табурета, бросивъ кремальеру на полдорогѣ и, медленно вертя въ рукахъ папиросу, прошелъ въ кабинетъ ассистента. Тамъ, на стеклянномъ столѣ, полузадушенная и обмершая отъ страха и боли лягушка была распята на пробковомъ штативѣ, а ея прозрачныя слюдяныя внутренности вытянуты изъ окровавленнаго живота въ микроскопъ.

— Очень хорошо — сказала Персиковъ и припаль глазомъ къ окуляру микроскопа.

Очевидно что-то очень интересное можно было рассмотреть въ брыжжейкѣ лягушки, гдѣ какъ на ладони видныя, по рѣкамъ сосудовъ бойко бѣжали живые кровяные шарики. Персиковъ забылъ о своихъ амѣбахъ и въ теченіе полутора часа по очереди съ Ивановымъ припадалъ къ стеклу микроскопа. При этомъ оба ученые перебрасывались оживленными, но непонятными простымъ смертнымъ словами.

Наконецъ Персиковъ отвалился отъ микроскопа, заявивъ:

— Сворачивается кровь, ничего не подѣлаешь.

Лягушка тяжело шевельнула головой и въ ея потухающихъ глазахъ были явственны слова: „сволочи вы, вотъ что...“

Разминая затекшія ноги, Персиковъ поднялся, вернулся въ свой кабинетъ, зѣвнулъ, потеръ пальцами вѣчно воспаленныя вѣки и, присѣвъ на табуретъ, заглянулъ въ микроскопъ, пальцы онъ наложилъ на кремальеру и уже собирался двинуть винтъ, но не двинулъ. Правымъ глазомъ видѣлъ Персиковъ мутноватый бѣлый дискъ и въ немъ смутныхъ блѣдныхъ амѣбъ, а посрединѣ диска сидѣлъ цвѣтной завитокъ, похожій на женскій локонъ. Этотъ завитокъ и самъ Персиковъ и сотни его учениковъ видѣли очень много разъ и никто не интересовался имъ, да и незачѣмъ было. Цвѣтной пучочекъ свѣта лишь мѣшала наблюдению и показывала, что препаратъ не въ фокусѣ. Поэтому его безжалостно стирали однимъ поворотомъ винта, освѣщая поле ровнымъ бѣлымъ свѣтомъ. Длинные

пальцы зоолога уже вплотую легли на наръзку винта и вдругъ дрогнули и слѣзли. Причиной этого былъ правый глазъ Персикова, онъ вдругъ насторожился, изумился, налился даже тревогой. Не бездарная посредственность сидѣла у микроскопа. Нѣтъ, сидѣлъ профессоръ Персиковъ! Вся жизнь, его помыслы сосредоточились въ правомъ глазу. Минуть пять въ каменномъ молчаніи высшее существо наблюдало низшее, мучая и напрягая глазъ надъ стоящимъ внѣ фокуса препаратомъ. Кругомъ все молчало. Панкратъ заснулъ уже въ своей комнатѣ въ вестибюль и одинъ только разъ въ отдаленіи музыкально и нѣжно прозвѣнѣли стекла въ шкафахъ — это Ивановъ, уходя, заперъ свой кабинетъ. За нимъ простонала входная дверь. Потомъ уже послышался голосъ профессора. У кого онъ спросилъ — неизвѣстно.

— Что такое? Ничего не понимаю. . .

Запоздалый грузовикъ прошелъ по улицѣ Герцена, колыхнувъ старыя стѣны института. Плоская стеклянная чашечка съ пинцетами и звякнула на столѣ. Профессоръ поблѣднѣлъ и занесъ руки надъ микроскопомъ, такъ, словно мать надъ дитятей, которому угрожаетъ опасность. Теперь не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы Персиковъ двинулъ винтъ, о нѣтъ, онъ боялся уже, чтобы какая нибудь посторонняя сила не вытолкнула изъ поля зрѣнія того, что онъ увидалъ.

Было полное бѣлое утро съ золотой полосой, перерѣзавшей кремовое крыльцо института, когда профессоръ покинулъ микроскопъ и подошелъ на онѣмѣвшихъ ногахъ къ окну. Онъ дрожащими пальцами нажалъ кнопку и черныя глухія шторы закрыли утро и въ кабинетѣ ожила мудрая ученая ночь. Желтый и вдохновенный Персиковъ растопырилъ ноги и заговорилъ, уставившись въ паркетъ слезящимися глазами.

— Но какъ же это такъ? Вѣдь, это же чудовищно! . . Это чудовищно, господа, — повторилъ онъ, обращаясь къ жабамъ въ терраріи, но жабы спали и ничего ему не отвѣтили.

Онъ помолчалъ, потомъ подошелъ къ выключателю, поднялъ штору, потушилъ всѣ огни и заглянулъ въ микроскопъ. Лицо его стало напряженнымъ, онъ сдвинулъ кустоватыя желтыя брови.

— Угу, угу, — пробурчалъ онъ, — пропаль. Понимаю. По-о-нимаю, — протянулъ онъ сумасшедше и вдохновенно глядя на погасшій шаръ надъ головой, — это просто.

И онъ вновь опустилъ шипящія шторы и вновь зажегъ шаръ. Заглянулъ въ шаръ, радостно и какъ бы хищно, осклабился.

— Я его поймаю, — торжественно и важно сказалъ онъ, поднимая палецъ кверху — поймаю. Можетъ быть и отъ солнца.

Опять шторы взвились. Солнце теперь было налицо. Вотъ оно залило стѣны института и косякомъ легло на торцахъ Герцена. Профессоръ смотрѣлъ въ окно, соображая, гдѣ будетъ солнце днемъ. Онъ то отходилъ, то приближался, легонько пританцовывая, и наконецъ животомъ легъ на подоконникъ.

Приступилъ къ важной и таинственной работѣ. Стекляннымъ колпакомъ накрылъ микроскопъ. На синеватомъ пламени горѣлки расплавилъ кусокъ сургуча и края колокола припечаталъ къ столу, а на сургучныхъ пятнахъ оттиснулъ свой большой палецъ. Газъ потушилъ, вышелъ, и дверь кабинета заперъ на англійскій замокъ.

Полусвѣтъ былъ въ коридорахъ института. Профессоръ добрался до комнаты Панкрата и долго и безуспѣшно стучалъ въ нее. Наконецъ, за дверью послышалось урчанье какъ бы щѣпного пса, харканье и мычанье, и Панкратъ въ полосатыхъ подштанникахъ, съ завязками на щиколоткахъ предсталъ въ свѣтломъ пятнѣ. Глаза его дико уставились на ученаго, онъ еще легонько подвывалъ со сна.

— Панкратъ, — сказала профессоръ, глядя на него поверхъ очковъ, — извини, что я тебя разбудилъ. Вотъ что, другъ, въ мой кабинетъ завтра утромъ не

ходить. Я тамъ работу оставилъ, которую сдвигать нельзя. Поняль.

— У-у-у, по-по-поняль, — отвѣтилъ Панкратъ, ничего не понявъ. Онъ пошатывался и рычалъ.

— Нѣтъ, слушай, ты проснись, Панкратъ, — молвилъ зоологъ и легонько потыкалъ Панкрата въ ребра, отчего у того на лицѣ получился испугъ и нѣкоторая тѣнь осмысленности въ глазахъ. — Кабинетъ я заперъ, — продолжалъ Персиковъ, — так убирать его не нужно до моего прихода. Поняль?

— Слушаю-сь, — прохрипѣлъ Панкратъ.

— Ну вотъ и прекрасно, ложись спать.

Панкратъ повернулся, исчезъ въ двери и тотчасъ обрушился на постель, а профессоръ сталъ одѣваться въ вестибюль. Онъ надѣлъ сѣрое лѣтнее пальто и мягкую шляпу, затѣмъ, вспомнивъ про картину въ микроскопъ, уставился на свои калоши и нѣсколько секундъ глядѣлъ на нихъ, словно видѣлъ ихъ впервые. Затѣмъ лѣвую надѣлъ и на лѣвую хотѣлъ надѣть правую, но та не полѣзла.

— Какая чудовищная случайность, что онъ меня отозвалъ, — сказала ученый, — иначе я его такъ бы и не замѣтилъ. Но что это сулитъ?.. Вѣдь это сулитъ чортъ знаетъ что такое!..

Профессоръ усмѣхнулся, прищурился на калоши и лѣвую снялъ, а правую надѣлъ. — Боже мой! Вѣдь даже нельзя представить себѣ всѣхъ послѣдствій... — Профессоръ съ презрѣніемъ ткнулъ лѣвую калошу, которая раздражала его, не желая налѣзать на правую, и пошелъ къ выходу въ одной калошѣ. Тутъ же онъ потерялъ носовой платокъ и вышелъ, хлопнувъ тяжелой дверью. На крыльцѣ онъ долго искалъ въ карманахъ спичекъ, хлопая себя по бокамъ, нашель и тронулся по улицѣ съ незажженной папирсой во рту.

Ни одного человѣка ученый не встрѣтилъ до самаго храма. Тамъ профессоръ, задравъ голову, при-

ковался къ золотому шлему. Солнце сладостно лизало его съ одной стороны.

— Какъ же раньше я не видалъ его, какая, случайность? . . . Тьфу, дуракъ, — профессоръ наклонился и задумался, глядя на разное обутия ноги, — гм . . . какъ же быть? Къ Панкрату вернуться? Нѣтъ, его не разбудишь. Бросить ее, подлую, жалко. Придется въ рукахъ нести. — Онъ снялъ калошу и брезгливо понесъ ее.

На старенькомъ автомобилѣ съ Пречистенки выѣхали трое. Двое пьяненькихъ и на колѣняхъ у нихъ ярко раскрашенная женщина въ шелковыхъ шароварахъ по модѣ 28 го года.

— Эхъ, папаша! — крикнула она низкимъ сиповатымъ голосомъ, — что жъ ты другую-то калошку пропилъ!

— Видно въ Альказарѣ набрался старичокъ, — завылъ лѣвый пьяненькій, правый высунулся изъ автомобиля и прокричалъ:

— Отецъ, что ночная на Волхонкѣ открыта? Мы туда!

Профессоръ строго посмотрѣлъ на нихъ поверхъ очковъ, выронилъ изо рта папиросу и тотчасъ забылъ объ ихъ существованіи. На Пречистенскомъ бульварѣ рождалась солнечная прорѣзь, а шлемъ Христа началъ пылать. Вышло солнце.

Глава III.

Персиковъ поймалъ.

Дѣло было вотъ въ чемъ. Когда профессоръ приблизилъ свой геніальный глазъ къ окуляру, онъ впервые въ жизни обратилъ вниманіе на то, что въ разноцвѣтномъ завиткѣ особенно ярко и жирно выдѣлялся одинъ лучъ. Лучъ этотъ былъ ярко краснаго цвѣта и изъ завитка выпадалъ, какъ маленькое остріе, ну, скажемъ, съ иголку, что ли.

Просто ужъ такое несчастье, что на нѣсколько секундъ лучъ этотъ приковалъ наметанный глазъ виртуоза.

Въ немъ, — въ лучѣ, профессоръ разглядѣлъ то, что было въ тысячу разъ значительнѣе и важнѣе самаго луча, непрочнаго дитяти, случайно родившагося при движеніи зеркала и объектива микроскопа. Благодаря тому, что ассистентъ отозвалъ профессора, амѣбы пролежали полтора часа подѣ дѣйствіемъ этого луча и получилось вотъ что: въ то время, какъ въ дискѣ внѣ луча зернистыя амѣбы валялись вяло и безпомощно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ пролегалъ красный заостренный мечъ, происходили странныя явленія. Въ красной полосочкѣ кипѣла жизнь. Сѣренькія амѣбы, выпуская ложноножки, тянулись изо всѣхъ силъ въ красную полосу и въ ней (словно волшебнымъ образомъ) оживали. Какая-то сила вдохнула въ нихъ духъ жизни. Онѣ лѣзли стаей и боролись другъ съ другомъ за мѣсто въ лучѣ. Въ немъ шло бѣшеное, другого слова не подобрать, размноженіе. Ломая и опрокидывающая всѣ законы, извѣстные Персикову, какъ свои пять пальцевъ, онѣ почковались на его глазахъ съ молниеносной быстротой. Онѣ разваливались на части въ лучѣ и каждая изъ частей въ теченіе 2 секундъ становилась новымъ и свѣжимъ организмомъ. Эти организмы въ нѣсколько мгновеній достигали роста и зрѣлости лишь затѣмъ, чтобы въ свою очередь тотчасъ же дать новое поколѣніе. Въ красной полосѣ, а потомъ и во всемъ дискѣ стало тѣсно и началась неизбѣжная борьба. Вновь рожденные яростно набрасывались другъ на друга и рвали въ клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибшихъ въ борьбѣ за существованіе. Побѣждали лучшія и сильныя. И эти лучшія были ужасны. Во-первыхъ, онѣ объемомъ приблизительно въ два раза превышали обыкновенныхъ амѣбъ, а, во-вторыхъ, отличались какою-то особенной злобѣй и рѣзвостью. Движенія ихъ были стремительны, ихъ ложноножки гораздо длиннѣе нормаль-

ныхъ, и работали онѣ ими, безъ преувеличенія, какъ спруты щупальцами.

Во второй вечеръ профессоръ, осунувшійся и поблѣднѣвшій, безъ пищи, взвинчивая себя лишь толстыми самокрутками, изучалъ новое поколѣніе амебъ, а въ третій день онъ перешелъ къ первоисточнику, т. е. къ красному лучу.

Газъ тихонько шипѣлъ въ горѣлкѣ, опять по улицѣ шаркало движеніе и профессоръ отравленный со-той папиросою, полузакрывъ глаза, откинулся на спинку винтового кресла.

— Да, — теперь все ясно. Ихъ оживилъ лучъ. Это новый, неизслѣдованный никѣмъ, никѣмъ не обнаруженный лучъ. Первое, что придется выяснить, это — получается ли онъ только отъ электричества или также и отъ солнца, — бормоталъ Персиковъ самому себѣ.

И въ теченіе еще одной ночи это выяснилось. Въ три микроскопа Персиковъ поймалъ три луча, отъ солнца ничего не поймалъ и выразился такъ:

— Надо полагать, что въ спектрѣ солнца его нѣтъ... гм... ну, однимъ словомъ, надо полагать, что добыть его можно только отъ свѣта. — Онъ любовно поглядѣлъ на матовый шаръ вверху, вдохновенно подумалъ и пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ Иванова. Онъ все ему рассказалъ и показалъ амебъ.

Приватъ-доцентъ Ивановъ былъ пораженъ, совершенно раздавленъ: какъ же такая простая вещь, какъ эта тоненькая стрѣла, не была замѣчена раньше, чортъ возьми! Да кѣмъ угодно, и хотя бы имъ, Ивановымъ, и дѣйствительно это чудовищно! Вы только посмотрите!..

— Вы посмотрите, Владиміръ Ипатьичъ! — говорилъ Ивановъ, въ ужасѣ прилипая глазомъ къ окуляру, — что дѣлается?! Онѣ растутъ на моихъ глазахъ... Гляньте, гляньте...

— Я ихъ наблюдаю уже третій день, — вдохновенно отвѣтилъ Персиковъ.

Затѣмъ произошелъ между двумя учеными разговоръ; смыслъ котораго сводился къ слѣдующему: приватъ-доцентъ Ивановъ беретъ соорудить при помощи линзъ и зеркалъ камеру, въ которой можно будетъ получить этотъ лучъ въ увеличенномъ видѣ и внѣ микроскопа. Ивановъ надѣется, даже совершенно увѣренъ, что это чрезвычайно просто. Лучъ онъ получить, Владиміръ Ипатьичъ можетъ въ этомъ не сомнѣваться. Тутъ произошла маленькая заминка.

— Я, Петръ Степановичъ, когда опубликую работу, напишу, что камеры сооружены вами, — вставилъ Персиковъ, чувствуя, что заминочку надо разрѣшить.

— О, это не важно... Впрочемъ, конечно...

И заминочка тотчасъ разрѣшилась. Съ этого времени лучъ поглотилъ и Иванова. Въ то время, какъ Персиковъ, худѣя и истощаясь, просиживалъ дни и половину ночей за микроскопомъ, Ивановъ возился въ въ сверкающемъ отъ лампъ физическомъ кабинетѣ, комбинируя линзы и зеркала. Помогалъ ему механикъ.

Изъ Германіи, послѣ запроса черезъ комиссаріатъ просвѣщенія Персикову прислали три посылки, содержащія въ себѣ зеркала, двояко-выпуклыя, двояко-вогнутыя и даже какія-то выпукло-вогнутыя шлифованныя стекла. Кончилось все это тѣмъ, что Ивановъ соорудилъ камеру и въ нее дѣйствительно уловилъ красный лучъ. И надо отдать справедливость, уловилъ мастерски: лучъ вышелъ жирный, сантиметра 4 въ перечникъ, острый и сильный.

1-го іюня камеру установили въ кабинетъ Персикова и онъ жадно началъ опыты съ икрой лягушекъ, освѣщенной лучомъ. опыты дали потрясающіе результаты. Въ теченіе 2-хъ сутокъ изъ икринокъ вылупились тысячи головастиковъ. Но этого мало, въ теченіе однѣхъ сутокъ головастики выросли необычайно въ лягушекъ и до того злыхъ и прожорливыхъ, что половина ихъ тутъ же была перелопана другой половиной. Зато оставшіяся въ живыхъ начали безъ всякихъ спо-

ковъ метать икру и въ 2 дня уже вѣ всякаго луча вывели новое поколѣніе и при этомъ совершенно безчисленное. Въ кабинетѣ ученаго началось чортъ знаетъ что: головастики расплзались изъ кабинета повсему институту, въ терраріяхъ и просто на полу, во всѣхъ закоулкахъ, завывали зычные хоры, какъ на болотѣ. Панкратъ, и такъ боявшійся Персикова, какъ огня, теперь испытывалъ по отношенію къ нему одно чувство: мертвенный ужасъ. Черезъ недѣлю и самъ ученый почувствовалъ, что онъ шалѣетъ. Институтъ наполнился запахомъ эфира и ціанистаго кали, которымъ чуть-чуть не отравился Панкратъ не во-время снявшій маску. Разросшееся болотное поколѣніе, наконецъ удалось перебить ядами, кабинеты провѣтрить.

Иванову Персиковъ сказалъ такъ :

— Вы знаете, Петръ Степановичъ, дѣйствіе луча на дейтероплазму и вообще на яйце-кѣтку изумительно.

Ивановъ, холодный и сдержанный джентльмэнъ, перебилъ профессора необычнымъ тономъ :

— Владиміръ Ипатьичъ, что же вы толкуете о мелкихъ деталяхъ, объ дейтероплазмѣ. Будемъ говорить прямо : вы открыли что-то неслыханное, — видимо съ большой потугой, но все же Ивановъ выдавилъ изъ себя слова : — профессоръ Персиковъ, вы открыли лучъ жизни !

Слабая краска показалась на блѣдныхъ, небритыхъ скулахъ Персикова.

— Ну-ну-ну, — пробормоталъ онъ.

— Вы, — продолжалъ Ивановъ, — вы приобрѣтете такое имя. . . У меня кружится голова. Вы понимаете, — продолжалъ онъ страстно, — Владиміръ Ипатьичъ, герои Уэльса по сравненію съ вами просто вздоръ. . . А я-то думалъ, что это сказки. . . Вы помните его „Пищу боговъ ?“

— А, это романъ, — отвѣтилъ Персиковъ.

— Ну да, господи, извѣстный же !. .

— Я забылъ его, — отвѣтилъ Персиковъ, — помню, читалъ, но забылъ.

— Какъ же вы не помните, да вы гляньте, — Ивановъ за ножку поднялъ со стекляннаго стола не вѣроятныхъ размѣровъ мертвую лягушку съ распухшимъ брюхомъ. На мордѣ ея даже послѣ смерти было злобное выраженіе, — вѣдь это же чудовищно!

Глава IV.

Попадья Дроздова.

Богъ знаетъ почему, Ивановъ ли тутъ былъ виновать, или потому, что сенсаціонныя извѣстія передаются сами собой по воздуху, но только въ гигантской кипящей Москвѣ вдругъ заговорили о лучѣ и о профессорѣ Персиковѣ. Правда, какъ-то вскользь и очень туманно. Извѣстіе о чудодѣйственномъ открытіи прыгало, какъ подстрѣленная птица въ свѣтящейся столицѣ, то исчезая, то вновь взвиваясь до половины іюля, когда на 20-й страницѣ газеты „Извѣстія“ подѣ заголовкомъ „Новости науки и техники“ не появилась короткая замѣтка, трактующая о лучѣ. Сказано было глухо, что извѣстный профессоръ IV университета изобрѣлъ лучъ, невѣроятно повышающій жизнедѣятельность низшихъ организмовъ и что лучъ этотъ нуждается въ провѣркѣ. Фамилія, конечно, была переврана и напечатано: „Певсиковъ“.

Ивановъ принесъ газету и показалъ Персикову замѣтку.

— „Певсиковъ“ — проворчалъ Персиковъ, возясь съ камерой въ кабинетѣ, — откуда эти свистуны все знаютъ?

Увы, перевранная фамилія не спасла профессора отъ событій и они начались на другой же день, сразу нарушивъ всю жизнь Персикова.

Панкратъ, предварительно постучавшись, явился въ кабинетъ и вручилъ Персикову великолѣпнѣйшую атласную визитную карточку.

— Онъ тамотко, — робко прибавилъ Панкратъ. На карточкѣ было напечатано изящнымъ шрифтомъ :

*Альфредъ Аркадьевичъ
Бронскій.*

Сотрудникъ московскихъ журналовъ — „Красный Огонекъ“, „Красный Перець“, „Красный Журналъ“, „Красный Проекторъ“ и газеты „Красная Вечерняя Москва“.

— Гони его къ чортовой матери, — монотонно сказала Персиковъ и смахнулъ карточку подъ столъ.

Панкратъ повернулся, вышелъ и черезъ пять минутъ вернулся со страдальческимъ лицомъ и со вторымъ экземпляромъ той же карточки.

— Ты что же, смѣешься? — прокричалъ Персиковъ и сталъ страшень.

— Изъ гелею они говорятъ... — блѣднѣя отвѣтилъ Панкратъ.

Персиковъ ухватился одной рукой за карточку, чуть не перервалъ ее пополамъ, а другой швырнулъ пинцетъ на столъ. На карточкѣ было приписано кудрявымъ почеркомъ: „Очень прошу и извиняюсь, принять меня, многоуважаемый профессоръ на три минуты по общественному дѣлу печати и сотрудникъ сатирическаго журнала „Красный Воронъ“, изданія ГПУ“.

— Позови-ка его сюда, — сказала Персиковъ и задохнулся.

Изъ-за спины Панкрата тотчасъ вынырнулъ молодой человекъ съ гладко-выбритымъ маслянистымъ лицомъ. Поражали вѣчно поднятыя, словно у китайца, брови и подъ ними ни секунды не глядящія въ глаза себе-сѣднику агатовые глазки. Одѣтъ былъ молодой человекъ совершенно безукоризненно и модно. Въ узкій и длинный до колѣнъ пиджакъ, широчайшія штаны

колоколомъ и неестественной ширины лакированные ботинки съ носами, похожими на копыта. Въ рукахъ молодой человѣкъ держалъ трость, шляпу съ острыми верхомъ и блокъ-ноть.

— Что вамъ надо?—спросилъ Персиковъ такимъ голосомъ, что Панкратъ мгновенно ушелъ за дверь,— вѣдь вамъ же сказали, что я занятъ?

Вмѣсто отвѣта молодой человѣкъ поклонился профессору два раза на лѣвый бокъ и на правый, а затѣмъ его глазки колесомъ прошлись по всему кабинету и тотчасъ молодой человѣкъ поставилъ въ блокъ-ноть знакъ.

— Я занятъ, — сказала профессоръ, съ отвращеніемъ глядя въ глазки гостя, но никакого эффекта не добился, такъ какъ глазки были неуловимы.

— Прошу тысячу разъ извиненія, глубокоуважаемый профессоръ, — заговорилъ молодой человѣкъ тонкимъ голосомъ, — что я врываюсь къ вамъ и отнимаю ваше драгоценное время, но извѣстіе о вашемъ міровомъ открытіи, прогремѣвшее по всему міру, заставляетъ нашъ журналъ просить у васъ какихъ-либо объясненій.

— Какія такія объясненія по всему міру? — занылъ Персиковъ визгливо и пожелтѣвъ, — я не обязанъ вамъ давать объясненія и ничего такого... Я занятъ... страшно занятъ.

— Надъ чѣмъ же вы работаете? — сладко спросилъ молодой человѣкъ и поставилъ второй знакъ въ блокъ-ноть.

— Да я... вы что? Хотите напечатать что-то?

— Да, — отвѣтилъ молодой человѣкъ и вдругъ застрочилъ въ блокъ-ноть.

— Во-первыхъ, я не намѣренъ ничего опубликовать, пока я кончу работы... тѣмъ болѣе въ этихъ вашихъ газетахъ... Во-вторыхъ, откуда вы все это знаете?.. — И Персиковъ вдругъ почувствовалъ, что теряется.

— Вѣрно ли извѣстіе, что вы изобрѣли лучъ новой жизни?

— Какой такой новой жизни? — остервенился профессоръ; — что вы мелете чепуху! Лучъ, надъ которымъ я работаю, еще далеко не изслѣдованъ и вообще ничего еще не извѣстно! Возможно, что онъ повышаетъ жизнѣдѣтельность протоплазмы...

— Во сколько разъ? — торопливо спросилъ молодой человѣкъ.

Персиковъ окончательно потерялся... „Ну типъ. Вѣдь это чортъ знаетъ что такое!“

— Что за обывательскіе вопросы?... Предположимъ, я скажу, ну, въ тысячу разъ!..

Въ глазкахъ молодого человѣка мелькнула хищная радость.

— Получаются гигантскіе организмы?

— Да ничего подобнаго! Ну, правда, организмы, полученные мною, бѣльше обыкновенныхъ... Ну, имѣютъ нѣкоторыя новыя свойства... Но вѣдь тутъ же главное не величина, а невѣроятная скорость размноженія, — сказалъ на свое горе Персиковъ и тутъ же ужаснулся. Молодой человѣкъ исписалъ цѣлую страницу, перелистнулъ ее и застрочилъ дальше.

— Вы же не пишите! — уже сдаваясь и чувствуя, что онъ въ рукахъ молодого человѣка, въ отчаяніи просипѣлъ Персиковъ, — что вы такое пишете?

— Правда ли, что въ теченіе двухъ сутокъ изъ икры можно получить 2 милліона головастиковъ?

— Изъ какого количества икры? — вновь взбѣлѣняясь, закричалъ Персиковъ, — вы видѣли когда-нибудь икринку... ну, скажемъ, — квакши?

— Изъ полуфунта? — не смущаясь спросилъ молодой человѣкъ.

Персиковъ побагровѣлъ.

— Кто же такъ мѣряетъ? Тьфу! Что вы такое говорите? Ну, конечно, если взять полфунта лягушачьей икры... тогда пожалуй... чортъ, ну около этого количества, а, можетъ-быть, и гораздо больше!

Бриллианты загорѣлись въ глазахъ молодого человѣка и онъ въ одинъ взмахъ исчеркалъ еще одну страницу.

— Правда ли, что это вызоветъ міровой переворотъ въ животноводствѣ?

— Что это за газетный вопросъ, — завылъ Персиковъ, — и вообще я не даю вамъ разрѣшенія писать чепуху. Я вижу по вашему лицу, что вы пишете какую-то мерзость!

— Вашу фотографическую карточку, профессоръ, убѣдительнѣйше прошу, — молвилъ молодой человѣкъ и захопнулъ блокъ-нотъ.

— Что? Мою карточку? Это въ ваши журнальчики? вмѣстѣ съ этой чертовщиной, которую вы тамъ пишете. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... И я занятъ... попрошу васъ!..

— Хотя бы старую. И мы вамъ ее вернемъ ментально.

— Панкратъ! — закричалъ профессоръ въ бѣшенствѣ.

— Честь имѣю кланяться, — сказалъ молодой человѣкъ и пропалъ.

Вмѣсто Панкрата послышалось за дверью странное мѣрное скрипѣнье машины, кованое постукиванье въ полъ и въ кабинетъ появился необычайной толщины человѣкъ, одѣтый въ блузу и штаны, сшитыя изъ одѣяльнаго драпа. Лѣвая его, маханическая нога щелкала и громыкала, а въ рукахъ онъ держалъ портфель. Его бритое круглое лицо, налитое желтоватымъ студнемъ, являло привѣтливую улыбку. Онъ по военному поклонился профессору и выпрямился, отчего его нога пружинно щелкнула. Персиковъ онѣмѣлъ.

— Господинъ профессоръ, — началъ незнакомецъ пріятнымъ сиповатымъ голосомъ, — простите простого смертнаго, нарушившаго ваше уединеніе.

— Вы репортеръ? — спросилъ Персиковъ, — Панкратъ!!

— Никакъ нѣтъ, господинъ профессоръ, — отвѣтилъ толстякъ, — позвольте представиться — капитанъ дальняго плаванія и сотрудникъ газеты „Вѣстникъ Промышленности“ при совѣтѣ народныхъ комиссаровъ.

— Панкратъ!! — истерически закричалъ Персиковъ и тотчасъ въ углу выкинулъ красный сигналъ и мягко прозвенѣлъ телефонъ. — Панкратъ! — повторилъ профессоръ, — я слушаю.

— Ферцайенъ зи битте, херръ профессоръ, — захрипѣлъ телефонъ по-нѣмецки, — дасъ ихъ штере. Ихъ бинъ митарбейтеръ десъ Берлинеръ Тагеблатъ . . .

— Панкратъ! — закричалъ въ трубку профессоръ, — бинъ моментанъ зеръ бешефтигтъ ундъ канъ зи десхальбъ етцтъ нихтъ эмфангенъ!.. Панкратъ!!

А на парадномъ ходѣ института въ это время начались звонки.

* * *

— Кошмарное убійство на Бронной улицѣ!! — завывали неестественные сильные голоса, вертясь въ гущѣ огня между колесами и вспышками фонарей на нагрѣтой июньской мостовой, — кошмарное появленіе болѣзни куръ у вдовы попадѣи Дроздовой съ ея портретомъ!.. Кошмарное открытіе луча жизни профессора Персикова!!

Персиковъ мотнулся такъ, что чуть не попалъ подъ автомобиль на Моховой и яростно ухватился за газету.

— 3 копѣйки, гражданинъ! — закричалъ мальчишка и вжимаясь въ толпу на тротуарѣ вновь завывъ: „Красная Вечерняя Газета“, открытіе иксъ-луча!!

Ошеломленный Персиковъ развернулъ газету и прижался къ фонарному столбу. На второй страницѣ въ лѣвомъ углу въ смазанной рамкѣ глянулъ на него лысый, съ безумными и незрячими глазами, съ повисшею нижнею челюстью чловѣкъ, плодъ художествен-

наго творчества Альфреда Бронскаго, „В. И. Персиковъ, открывшій загадочный красный луч“, гласила подпись подъ рисункомъ. Ниже, подъ заголовкомъ „Міровая загадка“ начиналась статья словами:

„Садитесь, — привѣтливо сказалъ намъ масти-тый ученый Персиковъ...“.

Подъ статьей красовалась подпись „Альфредъ Бронскій (Алонзо)“.

Зеленоватый свѣтъ взлетѣлъ надъ крышей университета, на небѣ выскочили огненные слова „Говорящая газета“ и тотчасъ толпа запрудила Моховую.

„Садитесь!!! — завылъ вдругъ въ рупоръ на крышѣ неприятнѣйшій тонкій голосъ, совершенно похожій на голосъ увеличеннаго въ тысячу разъ Альфреда Бронскаго, — привѣтливо сказалъ намъ масти-тый ученый Персиковъ! Я давно хотѣлъ познакомить московскій пролетаріатъ съ результатами моего открытія...“

Тихое механическое скрипѣніе послышалось за спиною Персикова, и кто-то потянулъ его за рукавъ. Обернувшись, онъ увидаль желтое круглое лицо владѣльца механической ноги. Глаза у того были увлажнены слезами и губы вздрагивали.

— Меня, господинъ профессоръ, вы не пожелали познакомить съ результатами вашего изумительнаго открытія, — сказалъ онъ печально и глубоко вздохнулъ. — Пропали мои полтора червячка.

Онъ тоскливо глядѣлъ на крышу университета, гдѣ въ черной пастѣ бѣсновался невидимый Альфредъ. Персикову почему-то стало жаль толстяка.

— Я, — пробормоталъ онъ, съ ненавистью ловя слова съ неба, — никакого садитесь ему не говорилъ! Это просто наглець необыкновеннаго свойства! Вы меня простите, пожалуйста, — но, право же, когда работаешь и врываються... Я не про васъ, конечно, говорю...“

— Можетъ быть, вы мнѣ, господинъ профессоръ, хотя описаніе вашей камеры дадите? — заискивающе

и скорбно говорилъ механической человѣкъ, — вѣдь, вамъ теперь все равно...

— Изъ полуфунта икры въ теченіе 3-хъ дней вылупляется такое количество головастиковъ, что ихъ нѣтъ никакой возможности сосчитать, — ревелъ невидимка въ рупорѣ.

— Ту-ту, — глухо кричали автомобили на Моховой.

— Го-го-го... Ишь ты, го-го-го — шуршала толпа, задирая головы.

— Каковъ мерзавецъ? А? — дрожа отъ негодованія шипѣлъ Персиковъ механическому человѣку, — какъ вамъ это нравится? Да я жаловаться на него буду!

— Возмутительно! — согласился толстякъ.

Ослѣпительнѣйшій фіолетовый лучъ ударилъ въ глаза профессора и все кругомъ вспыхнуло — фонарный столбъ, кусокъ торцовой мостовой, желтая стѣна, любопытныя лица.

— Это васъ, господинъ профессоръ, — восхищенно шепнулъ толстякъ и повисъ на рукавѣ профессора, какъ гиря. Въ воздухъ что-то застрекотало.

— А ну ихъ всѣхъ къ чорту! — тоскливо вскричалъ Персиковъ, выдираясь съ гирей изъ толпы. — Эй, таксомоторъ. На Пречистенку!

Облупленная старенькая машина, конструкціи 24-го года заклокотала у тротуара и профессоръ полѣзъ въ ландо, стараясь отцѣпиться отъ толстяка.

— Вы мнѣ мѣшаете, — шипѣлъ онъ и закрывался кулаками отъ фіолетоваго свѣта.

— Читали?! Чего орутъ?... Профессора Персикова съ дѣтьми зарѣзали на Малой Бронной!.. — кричали кругомъ въ толпѣ.

— Никакихъ у меня дѣтишекъ нѣту, сукины дѣти, — заорала Персиковъ и вдругъ попала въ фокусъ чернаго аппарата, застрѣлившаго его въ профиль съ открытымъ ротомъ и яростными глазами.

— Крх... ту... крх... ту, — закричалъ таксомоторъ и врѣзался въ гущу.

Толстякъ уже сидѣлъ въ ландо и грѣлъ бокъ профессору.

Глава V.

Куриная исторія.

Въ уѣздномъ заштатномъ городкѣ, бывшемъ Трицкѣ, а нынѣ Стекловскѣ, Костромской губерніи, Стекловскаго уѣзда, на крылечко домика на бывшей Соборной, а нынѣ Персональной улицѣ, вышла повязанная платочкомъ жинщина въ сѣромъ платьѣ съ ситцевыми букетами и зарыдала. Жинщина эта, вдова бывшаго соборнаго протоіерея бывшаго собора Дроздова рыдала такъ громко, что вскорости, изъ домика черезъ улицу, въ окошко высунулась бабья голова въ пуховомъ платкѣ и воскликнула:

— Что ты, Степановна, али еще?

— Семнадцатая! — разливаясь въ рыданіяхъ, отвѣтила бывшая Дроздова.

— Ахти-х-ти-хъ, — заскулила и закачала головой баба въ платкѣ, — вѣдь, это что жъ такое? — Прогнѣвался Господь, истинное слово! Да неужто жъ сдохла?

— Да ты глянь, глянь, Матрена, — бормотала попадья, вспыхивая громко и тяжело, — ты глянь, что съ ей!

Хлопнула сѣренькая покосившаяся калитка, бабьи босыя ноги прошлепали по пыльнымъ горбамъ улицы, и мокрая отъ слезъ попадья повела Матрену на свой птичій дворъ.

Надо сказать, что вдова отца протоіерея Савватія Дроздова, скончавшагося въ 26 году отъ антирелигіозныхъ огорченій, не опустила рукъ, а основала замѣчательнѣйшее куроводство. Лишь только вдовьи-

ны дѣла пошли въ гору, вдову обложили такимъ налогомъ, что куроводство чуть-чуть не прекратилось, кабы не добрые люди. Они надумили вдову подать мѣстнымъ властямъ заявленіе о томъ, что она, вдова, основываетъ трудовую куроводную артель. Въ составъ артели вошла сама Дроздова, вѣрная прислуга ея Матрешка и вдовыня глухая племянница. Налогъ со вдовы сняли и куроводство ея процвѣло настолько, что къ 28-му году у вдовы, на пыльномъ дворикѣ, окаймленномъ куриными домишками, ходило до 250 куръ, въ числѣ которыхъ были даже кохинки. Вдовыны яйца каждое воскресенье появлялись на Стекловскомъ рынкѣ, вдовыми яйцами торговали въ Тамбовѣ, а бывало, что они показывались и въ стеклянныхъ витринахъ магазина бывшаго „Сыръ и масло Чичкина въ Москвѣ“.

И вотъ, семнадцатая по счету съ утра брампутра, любимая хохлатка, ходила по двору и ее рвало. „Эр . . . рр . . . урл . . . урль го-го-го“, выдѣлывала хохлатка и закатывала грустные глаза на солнце такъ, какъ-будто видѣла его въ послѣдній разъ. Передъ носомъ курицы на корточкахъ плясалъ членъ артели Матрешка съ чашкой воды.

— Хохлаточка, миленькая . . . цыпъ-цыпъ-цыпъ... испей водицы, — умоляла Матрешка и гонялась за клювомъ хохлатки съ чашкой, но хохлатка пить не желала. Она широко раскрывала клювъ, задираала голову кверху. Затѣмъ ее начало рвать кровью.

— Господи Иисусе! — вскричала гостья, хлопнувъ себя по бедрамъ, — это что жъ такое дѣлается? Одна рѣзаная кровь. Никогда не видала, съ мѣста не сойти, чтобы курица, какъ человекъ, маялась животомъ.

Это и были послѣднія напутственныя слова бѣдной хохлаткѣ. Она вдругъ кувырнула на бокъ, безпомощно потыкала клювомъ въ пылъ и завела глаза. Потомъ повернулась на спину, обѣ ноги задрала кверху и осталась неподвижной. Басомъ заплакала

Матрешка, расплескавъ чашку, и сама попадья — предсѣдатель артели, а гостья наклонилась къ ея уху и зашептала:

— Степановна, землю буду ъсть, что курь твоихъ испортили. Гдѣ жь это видано! Вѣдь, такихъ и курьихъ болѣзней нѣтъ! Это твоихъ курь кто-то заколдовалъ.

— Враги жизни моей! — воскликнула попадья къ небу, — что жь они со свѣту меня сжить хочуть?

Словамъ ея отвѣтилъ громкій пѣтушиный крикъ и затѣмъ изъ курятника выдрался какъ-то бокомъ, точно безпокойный пьяница изъ пивного заведения, обдерганый поджарый пѣтухъ. Онъ звѣрски выкатилъ на нихъ глазъ, потоптался на мѣстѣ, крылья распростеръ, какъ орель, но никуда не улетѣлъ, а началъ бѣгъ по двору, по кругу, какъ лошадь на кордѣ. На третьемъ кругѣ онъ остановился и его стошнило, потомъ онъ сталъ харкать и хрипѣть, наплевалъ вокругъ себя кровавыхъ пятенъ, перевернулся, и лапы его устались къ солнцу, какъ мачты. Женскій вой огласилъ дворъ. И въ куриныхъ домикахъ ему отвѣтило безпокойное клохтанье; хлопанье и возня.

— Ну, не порча? — побѣдоносно. спросила гостья, — зови отца Сергія, пушай служить.

Въ шесть часовъ вечера, когда солнце сидѣло низко огненною рожеею между рожамы молодыхъ подсолнуховъ, на дворѣ куроводства отецъ Сергій, настоятель соборнаго храма, закончивъ молебенъ, вылѣзъ изъ епитрахили. Любопытныя головы людей торчали надъ древненькимъ заборомъ и въ щеляхъ его. Скорбная попадья, приложившаяся къ кресту, густо смочила канареечный рваный рубль слезами и вручила его отцу Сергію, на что тотъ, вздыхая, замѣтилъ что-то насчетъ того, что вотъ, моль, Господь прогнѣвался на насъ.

Засимъ толпа съ улицы разошлась, а такъ какъ курь ложатся рано, то никто и не зналъ, что у сосъда попадья Дроздовой, въ курятникѣ издохло сразу

трое куръ и пѣтухъ. Ихъ рвало такъ же, какъ и дроздовскихъ куръ, но только смерти произошли въ запертомъ курятникѣ и тихо. Пѣтухъ свалился съ насѣста внизъ головой и въ такой позиціи кончился. Что касается куръ вдовы, то къ вечеру въ курятникахъ было мертво и тихо, лежала грудами закоченѣвшая птица.

На утро городъ всталъ, какъ громомъ пораженный, потому что исторія приняла размѣры странные и чудовищные. На Персональной ул. къ полудню осталось въ живыхъ только три курицы, въ крайнемъ домикѣ, гдѣ снималъ квартиру уѣздный фининспекторъ, но и тѣ издохли къ часу дня. А къ вечеру городокъ Стекловскъ гудѣлъ и кипѣлъ, какъ улей и по немъ катилось грозное слово „моръ“. Фамилія Дроздовой попала въ мѣстную газету „Красный Боець“ въ статьѣ подъ заголовкомъ: „Неужели куриная чума?“, а оттуда пронеслось въ Москву.

* * *

Жизнь профессора Персикова приняла окраску странную, безпокойную и волнующую. Однимъ словомъ, работать въ такой обстановкѣ было просто невозможно. На другой день послѣ того, какъ онъ развязался съ Альфредомъ Бронскимъ, ему пришлось выключить у себя въ кабинетѣ въ институтѣ телефонъ, снявши трубку, а вечеромъ, проѣзжая въ трамваѣ по Охотному ряду, профессоръ увидѣлъ самого себя на крышѣ огромнаго дома съ черною надписью „Рабочая Газета“. Онъ, профессоръ, дробясь и зеленѣя и мигая, лѣзъ въ ландо такси, а за нимъ, цѣпляясь за рукавъ, лѣзъ механической шаръ въ одѣяль. Профессоръ на крышѣ, на бѣломъ экранѣ, закрывался кулаками отъ фіолетоваго луча. Засимъ выскочила огненная надпись: „Профессоръ Персиковъ, ѣдучи въ авто, даетъ объясненіе нашему знаменитому репортеру капитану Степанову“. И точно: мимо храма Христа, по Волхонкѣ, проскочилъ зыбкій автомобиль и въ немъ барахтался

профессоръ и физиономія у него была, какъ у затравленнаго волка.

— Это какіе-то черти, а не люди, — сквозь зубы пробормоталъ зоологъ и проѣхалъ.

Того же числа вечеромъ, вернувшись къ себѣ на Пречистенку, зоологъ получилъ отъ экономки, Марьи Степановны, 17 записокъ съ номерами телефоновъ, кои звонили къ нему во время его отсутствія, и словесное заявленіе Марьи Степановны, что она замучилась. Профессоръ хотѣлъ разодрать записки, но остановился, потому что противъ одного изъ номеровъ увидалъ приписку: „Народный комиссаръ здравоохраненія“.

— Что такое? — искренно недоумѣвалъ ученый чудакъ, — что съ ними такое сдѣлалось?

Въ 10^{1/4} того же вечера раздался звонокъ и профессоръ вынужденъ былъ бесѣдовать съ нѣкимъ ослапительнымъ по убранству гражданиномъ. Принялъ его профессоръ, благодаря визитной карточкѣ, на которой было изображено (безъ имени и фамиліи): „Полномочный шефъ торговыхъ отдѣловъ иностранныхъ представительствъ при Республикѣ совѣтовъ“.

— Чортъ бы его взялъ, — прорычалъ Персиковъ, бросилъ на зеленое сукно лупу и какія-то діаграммы и сказала Марья Степановна: }

— Позовите его сюда, въ кабинетъ, этого самаго уполномоченнаго. — Чѣмъ могу служить? — спросилъ Персиковъ такимъ тономъ, что шефа нѣсколько передернуло. Персиковъ пересадилъ очки съ переносицы на лобъ, затѣмъ обратно и разглядѣлъ визитера. Тотъ весь свѣтился лакомъ и драгоценными камнями и въ правомъ глазу у него сидѣлъ монокль. „Какая гнусная рожа“, почему-то подумалъ Персиковъ.

Началъ гость издалека, именно попросилъ разрѣшенія закурить сигару, вслѣдствіе чего Персиковъ съ большой неохотой пригласилъ его сѣсть. Далѣе гость произнесъ длинныя извиненія по поводу того, что онъ пришелъ поздно: „но... господина профессора невоз-

можно днем никакъ пойма... хи-хи... пардонъ... застать" (гость, смѣясь, всхлипывая, какъ гена).

— Да, я занятъ! — такъ коротко отвѣтилъ Персиковъ, что судорога вторично прошла по гостю.

— Тѣмъ не менѣе онъ позволилъ себѣ безпокоить знаменитаго ученаго: время — деньги, какъ говорится... сигара не мѣшаетъ профессору?

— Муръ-муръ-муръ, — отвѣтилъ Персиковъ. Онъ позволилъ...

— Профессоръ, — вѣдь, открылъ лучъ жизни?

— Помилуйте, какой такой жизни?! Это выдумки газетчиковъ! — оживился Персиковъ.

— Ахъ, нѣтъ, хи-хи-хэ... онъ прекрасно понимаетъ ту скромность, которая составляетъ истинное украшеніе всѣхъ настоящихъ ученых... о чемъ же говорить... Сегодня есть телеграммы... Въ міровыхъ городахъ, какъ-то: Варшавѣ и Ригѣ уже все извѣстно насчетъ луча. Имя проф. Персикова повторяетъ весь міръ... Весь міръ слѣдитъ за работой проф. Персикова, затаивъ дыханіе... Но всѣмъ прекрасно извѣстно, какъ тяжело положеніе ученыхъ въ совѣтской Россіи. Антръ ну суа ди... Здѣсь никого нѣтъ постороннихъ?... Увы, здѣсь не умѣютъ цѣнить ученые труды, такъ вотъ онъ хотѣлъ бы переговорить съ профессоромъ... Одно иностранное государство предлагаетъ профессору Персикову совершенно безкорыстно помощь въ его лабораторныхъ работахъ. Зачѣмъ здѣсь метать бисеръ, какъ говорится въ Священномъ Писаніи. Государству извѣстно, какъ тяжело профессору пришлось въ 19-мъ и 20-мъ году во время этой хи-хи... революціи. Ну, конечно, строгая тайна... профессоръ ознакомитъ государство съ результатами работы, а оно за это финансируетъ профессора. Вѣдь онъ построилъ камеру, вотъ интересно было бы ознакомиться съ чертежами этой камеры...

И тутъ гость вынулъ изъ внутренняго кармана пиджака бѣлоснѣжную пачку бумажекъ...

— Какой-нибудь пустякъ, 5.000 рублей, напримѣръ, задатку, профессоръ можетъ получить сію же минуту... и расписки не надо... профессоръ даже обидитъ полномочнаго торговаго шефа, если заговорить о распискѣ.

— Вонъ!!! — вдругъ гаркнулъ Персиковъ такъ страшно, что піанино въ гостиной издало звукъ на тонкихъ клавишахъ,

Гость исчезъ такъ, что дрожащій отъ ярости Персиковъ черезъ минуту и самъ уже сомнѣвался, былъ ли онъ или это галлюцинація.

— Его калоши?! — вылъ черезъ минуту Персиковъ въ передней.

— Они забыли, — отвѣчала дрожащая Марья Степановна.

— Выкинуть ихъ вонъ!

— Куда же я ихъ выкину. Они придутъ за ними.

— Сдать ихъ въ домовый комитетъ. Подъ расписку. Чтобъ не было духу этихъ калошъ! Въ комитетъ! Пусть примутъ шпіонскія калоши!..

Марья Степановна, крестясь, забрала великолѣпныя кожаныя калоши и унесла ихъ на черный ходъ. Тамъ постояла за дверью, а потомъ калоши спрятала въ кладовку.

— Сдали? — бушевалъ Персиковъ.

— Сдала.

— Расписку мнѣ.

— Да, Владиміръ Ипатьичъ. Да неграмотный же предсѣдатель!..

— Сію. Секунду. Чтобъ. Была. Расписка. Пусть за него какой-нибудь грамотный сукинъ сынъ распишется!

Марья Степановна только покрутила головой, ушла и вернулась черезъ $\frac{1}{4}$ часа съ запиской:

„Получено въ фондъ отъ проф. Персикова 1 (одна) пакало. Колесовъ“.

— А это что?

— Жетонъ-съ.

Персиковъ жетонъ истопталъ ногами, а расписку спряталъ подъ прессъ. Затѣмъ какая-то мысль омрачила его крутой лобъ. Онъ бросился къ телефону, вытрезвонилъ Панкрата въ институтъ и спросилъ у него: „все ли благополучно“? Панкратъ нарычалъ что-то такое въ трубку, изъ чего можно было понять, что, по его мнѣнію, все благополучно. Но Персиковъ успокоился только на одну минуту. Хмурясь, онъ ущѣпился за телефонъ и наговорилъ въ трубку такое:

— Дайте мнѣ эту, какъ ее, Лубянку. Мерси... Кому тутъ изъ васъ надо сказать... у меня тутъ какіе-то подозрительные субъекты въ калошахъ ходятъ, да... Профессоръ IV университета Персиковъ...

Трубка вдругъ рѣзко оборвала разговоръ. Персиковъ отошелъ, ворча сквозь зубы какія-то бранныя слова.

— Чай будете пить, Владиміръ Ипатьичъ?—робко освѣдомилась Марья Степановна, заглянувъ въ кабинетъ.

— Не буду я пить никакого чаю... мур-мур-муръ, и чортъ ихъ возьми... какъ взбѣсились, все равно.

Ровно черезъ десять минутъ профессоръ принималъ у себя въ кабинетъ новыхъ гостей. Одинъ изъ нихъ пріятный, круглый и очень вѣжливый, былъ въ скромномъ, защитномъ военномъ френчѣ и рейтузахъ. На носу у него сидѣло, какъ хрустальная бабочка, пенснэ. Вообще онъ напоминалъ ангела въ лакированныхъ сапогахъ. Второй, низенькій, страшно мрачный, былъ въ штатскомъ, но штатское на немъ сидѣло такъ, словно оно его стѣсняло. Третій гость повелъ себя особенно, онъ не вошелъ въ кабинетъ профессора, а остался въ полутемной передней. При этомъ освѣщенный и пронизанный струями табачнаго дыма кабинетъ былъ ему насквозь виденъ. На лицѣ этого третьяго, который былъ тоже въ штатскомъ, красовалось дымчатое пенснэ.

Двое въ кабинетѣ совершенно замучили Персикова, рассматривая визитную карточку, спрашивая о пяти тысячахъ и заставляя описывать наружность гостя.

— Да чортъ его знаетъ, — бубнилъ Персиковъ, — ну противная физиономія. Дегенератъ.

— А глазъ у него не стеклянный? — спросилъ маленькій хрипло.

— А чортъ его знаетъ. Нѣтъ, впрочемъ, не стеклянный, бѣгаютъ глаза.

— Рубинштейнъ? — вопросительно и тихо отнесся ангелъ къ штатскому маленькому. Но тотъ хмуро и отрицательно покачалъ головой.

— Рубинштейнъ не дастъ безъ расписки, ни въ коемъ случаѣ, — забурчалъ онъ, — это не рубинштейнова работа. Тутъ кто-то покрупнѣе.

Исторія о калошахъ вызвала взрывъ живѣйшаго интереса со стороны гостей. Ангелъ молвилъ въ телефонъ домовой конторы только нѣсколько словъ: „Государственное политическое управленіе сію минуту вызываетъ секретаря домкома Колесова въ квартиру профессора Персикова съ калошами“, и Колесовъ тотчасъ, блѣдный, появился въ кабинетѣ, держа калоши въ рукахъ.

— Васенька! — негромко окликнулъ ангелъ того, который сидѣлъ въ передней. Тотъ вяло поднялся и словно развинченный плелся въ кабинетъ. Дымчатая стекла совершенно поглотили его глаза.

— Ну? — спросилъ онъ лаконически и сонно.

— Калоши.

Дымные глаза скользнули по калошамъ и при этомъ Персикову почудилось, что изъ-подъ стеколъ вбокъ, на одно мгновенье, сверкнули вовсе не сонные, а наоборотъ изумительно колючіе глаз. Но они моментально угасли.

— Ну, Васенька?

Тотъ, кого называли Васенькой, отвѣтилъ вялымъ голосомъ:

— Ну, что тутъ ну. Пеленжковскаго калоши.

Немедленно фондъ лишился подарка профессора Персикова. Калоши исчезли въ газетной бумагѣ. Крайне обрадовавшійся ангелъ во френчѣ всталъ и началъ жать руку профессору, и даже произнесъ маленькій спичъ, содержаніе котораго сводилось къ слѣдующему: это дѣлаетъ честь профессору... Профессоръ можетъ быть спокоенъ... больше его никто не потревожитъ. ни въ институтѣ, ни дома... мѣры будутъ приняты, камеры его въ совершеннѣйшей безопасности...

— А нельзя ли, чтобы вы репортеровъ разстрѣляли?— спросилъ Персиковъ, глядя поверхъ очковъ.

Этотъ вопросъ развеселилъ чрезвычайно гостей. Не только хмурый маленькій, но даже дымчатый улыбнулся въ передней. Ангелъ, искрясь и сияя, объяснилъ, что это невозможно.

— А что это за каналья у меня была?

Тутъ всѣ перестали улыбаться и ангелъ отвѣтилъ уклончиво, что это такъ, какой-нибудь мелкій аферистъ, не стоитъ обращать вниманія... тѣмъ не менѣе онъ убѣдительно проситъ гражданина профессора держать въ полной тайнѣ происшествіе сегодняшняго вечера, и гости ушли.

Персиковъ вернулся въ кабинетъ, къ діаграммамъ, но заниматься ему все-таки не пришлось. Телефонъ выбросилъ огненный кружечекъ и женскій голосъ предложилъ профессору, если онъ желаетъ жениться на вдовѣ интересной и пылкой, квартиру въ семь комнатъ. Персиковъ завылъ въ трубку:

— Я вамъ совѣтую лѣчиться у профессора Россолимо... — и получилъ второй звонокъ.

Тутъ Персиковъ немного обмякъ, потому что лицо, достаточно извѣстное, звонило изъ Кремля, долго и сочувственно спрашивало Персикова о его работѣ и изъявило желаніе навѣстить лабораторію. Отойдя отъ телефона, Персиковъ вытеръ лобъ и трубку снялъ. Тогда въ верхней квартирѣ загремѣли

страшныя трубы и полетѣли вопли Валкирій, — радіо-приемникъ у директора суконнаго треста принялъ вагнеровскій концертъ въ Большомъ театрѣ. Персиковъ подѣ вой и грохотъ, сыплющійся съ потолка, заявилъ Марѣ Степановнѣ, что онъ будетъ судиться съ директоромъ, что онъ сломаетъ ему этотъ приемникъ, что онъ уѣдетъ изъ Москвы къ чортовой матери, потому что, очевидно, задались цѣлью его выжить вонъ. Онъ разбилъ лупу и легъ спать въ кабинетъ на диванъ и заснулъ подѣ нѣжныя переборы клавишей знаменитаго піаниста, прилетѣвшіе изъ Большого театра.

Сюрпризы продолжались и на слѣдующій день. Пріѣхавъ на трамваѣ къ институту, Персиковъ засталъ на крыльцѣ неизвѣстнаго ему гражданина въ модномъ зеленомъ котелкѣ. Тотъ внимательно оглядѣлъ Персикова, но не отнесся къ нему ни съ какими вопросами и поэтому Персиковъ его стерпѣлъ. Но въ передней института кромѣ растеряннаго Панкрата навстрѣчу Персикову поднялся второй котелокъ и вѣжливо его привѣтствовалъ:

— Здравствуйте, гражданинъ профессоръ.

— Что вамъ надо? — страшно спросилъ Персиковъ, сдирая при помощи Панкрата съ себя пальто. Но котелокъ быстро утихомирилъ Персикова, нѣжнѣйшимъ голосомъ нашептавъ, что профессоръ напрасно беспокоится. Онъ, котелокъ, именно затѣмъ здѣсь и находится, чтобы избавить профессора отъ всякихъ назойливыхъ посѣтителей... что профессоръ можетъ быть спокоенъ, не только за двери кабинета, но даже и за окна. Засимъ неизвѣстный отвернулъ на мгновение бортъ пиджака и показалъ профессору какой-то значокъ.

— Гм... однако, у васъ здорово поставлено дѣло,—промычала Персиковъ и прибавилъ наивно,— а что вы здѣсь будете ѣсть?

На это котелокъ усмѣхнулся и объяснилъ, что его будутъ смѣнять.

Три дня послѣ этого прошли великолѣпно. Навѣщали профессора два раза изъ Кремля, да одинъ разъ были студенты, которыхъ Персиковъ экзаменовалъ. Студенты порѣзались всѣ до одинаго, и по ихъ лицамъ было видно, что теперь уже Персиковъ возбуждаетъ въ нихъ просто суетвѣрный ужасъ.

— Поступайте въ кондуктора! Вы не можете заниматься зоологіей, — неслось изъ кабинета.

— Строгъ? — спрашивалъ котелокъ у Панкрата.

— У, — не приведи, Богъ, — отвѣчалъ Панкратъ, — ежели какой-нибудь и выдержитъ, выходитъ, голубчикъ, изъ кабинета и шатается. Семь потовъ съ него сойдетъ. И сейчасъ въ пивную.

За всѣми этими дѣлишками профессоръ не замѣтилъ трехъ сутокъ, но на четвертыя его вновь вернули къ дѣйствительной жизни, и причиной этого былъ тонкій и визгливый голосъ съ улицы.

— Владиміръ Ипатьичъ! — прокричалъ голосъ въ открытое окно кабинета съ улицы Герцена. Голосу повезло: Персиковъ слишкомъ переутомился за послѣдніе дни. Въ этотъ моментъ онъ какъ разъ отдыхалъ, вяло и расслабленно смотрѣлъ глазами въ красныхъ кольцахъ и курилъ въ креслѣ. Онъ больше не могъ. И поэтому даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ онъ выглянулъ въ окно и увидалъ на тротуарѣ Альфреда Бронскаго. Профессоръ сразу узналъ титулованнаго обладателя карточки по остроконечной шляпѣ и блокъ-ноту. Бронскій нѣжно и почтительно поклонился окну.

— Ахъ, это вы? — спросилъ профессоръ. У него не хватило силъ разсердиться и даже любопытно показалось, что такое будетъ дальше? Прикрытый окномъ, онъ чувствовалъ себя въ безопасности отъ Альфреда. Безсмѣнный котелокъ на улицѣ немедленно повернулъ ухо къ Бронскому. Умильнѣйшая улыбка расцвѣла у того на лицѣ.

— Пару минуточекъ, дорогой профессоръ, — заговорилъ Бронскій, напрягая голосъ съ тротуара, —

я только одинъ вопросикъ и чисто зоологическій. Позвольте предложить?

— Предложите, — лаконически и иронически отвѣтилъ Персиковъ и подумалъ: „все-таки въ этомъ мерзавцѣ есть что-то американское“.

— Что вы скажете за курь, дорогой профессоръ? — крикнулъ Бронскій, сложивъ руки щиткомъ.

Персиковъ изумился. Сѣлъ на подоконникъ, потомъ слѣзь, нажалъ кнопку и закричалъ, тыча пальцемъ въ окно:

— Панкратъ,пусти этого съ тротуара.

Когда Бронскій появился въ кабинетъ, Персиковъ настолько простеръ свою ласковость, что рывкнулъ ему: садитесь!

И Бронскій, восхищенно улыбаясь, сѣлъ на винтящійся табуретъ.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, — заговорилъ Персиковъ, — вы пишете тамъ, въ этихъ вашихъ газетахъ?

— Точно такъ, — почтительно отвѣтилъ Альфредъ.

— И вотъ мнѣ непонятно, какъ вы можете писать, если вы не умѣете даже говорить по русски. Что это за „пара минуточекъ“, и „за курь“? Вы, вѣроятно, хотѣли спросить „насчетъ курь“?

Бронскій жидко и почтительно разсмѣялся:

— Валентинъ Петровичъ исправляетъ.

— Кто это такой Валентинъ Петровичъ?

— Завѣдующій литературной частью.

— Ну, ладно. Я, впрочемъ, не филологъ. Въ сторону вашего Петровича. Что именно вамъ желательно знать насчетъ курь?

— Вообще все, что вы скажете, профессоръ.

Тутъ Бронскій вооружился карандашомъ. Побѣдныя искры взметнулись въ глазахъ Персикова.

— Вы напрасно обратились ко мнѣ, я не специалистъ по пернатымъ. Вамъ лучше всего было бы обратиться къ Емельяну Ивановичу Португалову, въ 1-мъ университетѣ. Я лично знаю весьма мало...

Бронскій восхищенно улыбался, давая понять, что онъ понялъ шутку дорогого профессора. „Шутка — мало!“ — черкнулъ онъ въ блокъ-нотъ.

— Впрочемъ, если вамъ интересно, извольте. Куры или гребенчатя . . . родъ птицъ изъ отряда куриныхъ. Изъ семейства фазановыхъ . . . — заговорилъ Персиковъ громкимъ голосомъ и глядя не на Бронскаго, а куда-то въ даль, гдѣ передъ нимъ подразумѣвались тысяча человѣкъ . . . — изъ семейства фазановыхъ . . . фазанидѣ. Представляютъ собою птицъ съ мясисто-кожанымъ гребнемъ и двумя лопастями подъ нижней челюстью . . . гм . . . хотя впрочемъ бываетъ и одна въ срединѣ подбородка . . . Ну, что жъ еще. Крылья короткія и округленныя . . . Хвостъ средней длины, нѣсколько ступеньчатый и даже, я бы сказалъ, крышеобразный, среднія перья серпообразно изогнуты . . . Панкратъ . . . принеси изъ модельнаго кабинета модель № 705, разрѣзной пѣтухъ . . . впрочемъ, вамъ это не нужно? . . . Панкратъ, не приноси модели . . . Повторяю вамъ, я не специалистъ, идите къ Португалову. Ну-съ, мнѣ лично извѣстно 6 видовъ дико живущихъ куръ . . . гм . . . Португаловъ знаетъ больше . . . въ Индіи и на Малайскомъ архипелагѣ. Напримѣръ, Банкивскій пѣтухъ или Казинту, онъ водится въ предгорьяхъ Гималаевъ, по всей Индіи, въ Ассамѣ, въ Бирмѣ . . . Вилохвостый пѣтухъ или Галлусъ Варіусъ на Ломбокѣ, Сумбавѣ и Флоресѣ. А на островѣ Явѣ имѣется замѣчательный пѣтухъ Галлюсъ Энеусъ, на юго-востокѣ Индіи могу вамъ рекомендовать очень красиваго Зоннератова пѣтуха . . . Я вамъ потомъ покажу рисунокъ. Что же касается Цейлона, то на немъ мы встрѣчаемъ пѣтуха Стенли, больше онъ нигдѣ не водится.

Бронскій сидѣлъ, вытаращивъ глаза, и строчилъ.

— Еще что-нибудь вамъ сообщить?

— Я бы хотѣлъ что-нибудь узнать насчетъ куриныхъ болѣзней, — тихонечко шепнулъ Альфредъ.

— Гм, не специалистъ я . . . вы Португалова спросите . . . Ну, ленточныя глисты, сосальщики, чесоточный клещъ, желѣзница, птичій клещъ, куриная вошь или пуховѣдъ, блохи, куриная холера, крупозно-дифтерійное воспаленіе слизистыхъ оболочекъ . . . Пневмомикозъ, туберкулезъ, куриныя парши . . . мало ли, что можетъ быть . . . (искры прыгали въ глазахъ Персикова) . . . отравленіе, напимѣръ бѣшенницей, опухоли, англійская болѣзнь, желтуха, ревматизмъ, грибокъ Ахоріонъ Шенляйни . . . очень интересная болѣзнь. При заболѣваніи имъ на гребнѣ образуются маленькія пятна, похожія на плѣсень . . .

Бронскій вытеръ потъ со лба цвѣтнымъ носовымъ платкомъ.

— А какая же, по вашему мнѣнію, профессоръ, причина теперешней катастрофы?

— Какой катастрофы?

— Какъ, развѣ вы не читали, профессоръ? — удивился Бронскій и вытащилъ изъ портфеля измятый листъ газеты „Извѣстія“.

— Я не читаю газетъ, — отвѣтилъ Персиковъ и насупился.

— Но почему же, профессоръ? — нѣжно спросилъ Альфредъ.

— Потому что они чепуху какую-то пишутъ, — не задумываясь, отвѣтилъ Персиковъ.

— Но какъ же, профессоръ? — мягко шепнула Бронскій и развернула листъ.

— Что такое? — спросилъ Персиковъ и даже поднялся съ мѣста. Теперь искры запрыгали въ глазахъ у Бронскаго. Онъ подчеркнулъ острымъ, лакированнымъ пальцемъ невѣроятнѣйшей величины заголовокъ черезъ всю страницу газеты: „Куриный моръ въ республикѣ“.

— Какъ? — спросилъ Персиковъ, сдвигая на лобъ очки . . .

Москва въ іюнѣ 1928 года.

Она свѣтилась, огни танцовали, гасли и вспыхивали. На Театральной площади вертѣлись бѣлые фонари автобусовъ, зеленые огни трамваевъ; надъ бывшимъ Мюръ и Мерилизомъ, надъ десятымъ надстроеннымъ на него этажомъ, прыгала электрическая разноцвѣтная женщина, выбрасывая по буквамъ разноцвѣтные слова: „рабочій кредитъ“. Въ скверѣ противъ Большого театра, гдѣ билъ ночью разноцвѣтный фонтанъ, толкалась и гудѣла толпа. А надъ Большимъ театромъ гигантскій рупоръ завывалъ.

— Антикуриныя прививки въ Лефортовскомъ ветеринарномъ институтѣ дали блестящіе результаты. Количество... куриныхъ смертей за сегодняшнее число уменьшилось вдвое...

Затѣмъ рупоръ мѣнялъ тембръ, что-то рычало въ немъ, надъ театромъ вспыхивала и угасала зеленая струя и рупоръ жаловался басомъ:

— Образована чрезвычайная комиссія по борьбѣ съ куриною чумой въ составѣ наркомздрава, наркомзема, завѣдующаго животноводствомъ товарища Птахи-Поросюка, профессоровъ Персикова и Португалова... и товарища Рабиновича!.. Новыя попытки интервенціи!.. — хохоталъ и плакалъ, какъ шакалъ рупоръ, — въ связи съ куриною чумой!

Театральный проѣздъ, Неглинный и Лубянка пылали бѣлыми и фіолетовыми полосами, брызгали лучами, выли сигналами, клубились пылью. Толпы народа тѣснились у стѣнъ у большихъ листовъ объявленій, освѣщенныхъ рѣзкими красными рефлекторами:

„Подъ угрозой тягчайшей отвѣтственности воспрещается населенію употреблять въ пищу куриное мясо и яйца. Частные торговцы при попыткахъ продажи ихъ на рынкахъ подвергаются уголовной отвѣтственности съ конфискаціей всего имущества. Всѣ

граждане, владѣющіе яйцами, должны въ срочномъ порядкѣ сдать ихъ въ районныя отдѣленія милиціи“.

На крышѣ „Рабочей Газеты“ на экранѣ грудой до самаго неба лежали куры и зеленоватые пожарные, дробясь и искрясь, изъ шланговъ поливали ихъ керосиномъ. Затѣмъ красныя волны ходили по экрану, неживой дымъ распухалъ и мотался клочьями, ползъ струей, выскакивала огненная надпись: „Сожженіе куриныхъ труповъ на Ходынкѣ“.

Слѣпыми дырами глядѣли среди бѣшено пылающихъ витринъ магазиновъ, торгующихъ до 3 часовъ ночи, съ двумя перерывами на обѣдъ и ужинъ, заколоченныя окна подъ вывѣсками: „Яичная торговля. За качество гарантія“. Очень часто, тревожно завывая, обгоняя тяжелые автобусы, мимо милиціонеровъ проносились шипящія машины съ надписью: „Мосздрав-отдѣлъ. Скорая помощь“.

— Обожрался еще кто-то гнилыми яйцами, — шуршали въ толпѣ.

Въ Петровскихъ линіяхъ зелеными и оранжевыми фонарями сіялъ знаменитый на весь міръ ресторанъ „Ампиръ“ и въ немъ на столикахъ, у переносныхъ телефоновъ, лежали картонныя вывѣски, залитые пятнами ликеровъ: „По распоряженію — омлета нѣтъ. Получены свѣжія устрицы“.

Въ Эрмитажѣ, гдѣ бусинками жалобно горѣли китайскіе фонарики въ неживой, задушевной зелени, на убивающей глаза своимъ пронзительнымъ свѣтомъ эстрадѣ куплетисты Шрамъ и Карманчиковъ пѣли куплеты, сочиненные поэтами Ардо и Аргуевымъ.

Ахъ, мама, что я буду дѣлать
Безъ яицъ??

и грохотали ногами въ чечоткѣ.

Театръ имени покойнаго Всеволода Мейерхольда, погибшаго, какъ извѣстно, въ 1927 году, при постановкѣ Пушкинскаго „Бориса Годунова“, когда обрушились трапеціи съ голыми боярами, выбросилъ дви-

жущуюся разныхъ цвѣтовъ электрическую вывѣску, возвѣщавшую пьесу писателя Эрендорга „Курій дохъ“ въ постановкѣ ученика Мейерхольда, заслуженнаго режиссера республики Кухтермана. Рядомъ, въ Акваріумѣ, переливаясь рекламными огнями и блестя полуобнаженнымъ женскимъ тѣломъ, въ зелени эстрады, подъ громъ аплодисментовъ, шло обозрѣніе писателя Лѣвивіева „Курицыны дѣти“. А по Тверской, съ фонариками по бокамъ мордъ, шли вереницею цирковые ослики, несли на себѣ сіяющіе плакаты. Въ театрѣ Коршъ возобновляется „Шантеклэръ“ Ростана.

Мальчишки-газетчики рычали и выли между колесъ моторовъ:

— Кошмарная находка въ подземельи! Польша готовится къ кошмарной войнѣ!! Кошмарные опыты профессора Персикова!!

Въ циркѣ бывшаго Никитина, на пріятно-пахнувшей навозомъ коричневой жирной аренѣ мертвенно-блѣдный клоунъ Бомъ говорилъ распухшему въ клѣтчатой водянкѣ Биму:

— Я знаю, отчего ты такой печальный!

— Отциво? — пискливо спрашивалъ Бимъ.

— Ты зарылъ яйца въ землю, а милиція 15-го участка ихъ нашла.

— Га-га-га-га,—смѣялся циркъ такъ, что въ жилахъ стыла радостно и тоскливо кровь и подъ старенькимъ куполомъ вѣяли трапеціи и паутина.

— А-а-а!—пронзительно кричали клоуны и кормленая бѣлая лошадь выносила на себѣ чудной красоты женщину, на стройныхъ ногахъ, въ малиновомъ трико.

Не глядя ни на кого, никого не замѣчая, не отвѣчая на подталкиванія и тихіе и нѣжныя зазыванія проституткокъ, пробирался по Моховой вдохновенный и одинокій, увѣнчанный неожиданною славой Персиковъ къ огненнымъ часамъ у манежа. Здѣсь, не гля-

дя кругомъ, поглощенный своими мыслями, онъ столкнулся со страннымъ, старомоднымъ человѣкомъ, преобильно ткнувшись пальцами прямо въ деревянную кобуру револьвера, висящаго у человѣка на поясѣ.

— Ахъ, чортъ!—пискнулъ Персиковъ,—извините.

— Извиняюсь, — отвѣтилъ встрѣчный неприятнымъ голосомъ, и кое-какъ они расцѣпились въ людской кашѣ. И профессоръ, направляясь на Пречистенку, тотчасъ забылъ о столкновении.

Г л а в а VII.

Рокъ.

Неизвѣстно, точно ли хороши были лефортовскія ветеринарныя прививки, умѣлы ли заградительныя самарскіе отряды, удачны ли крутыя мѣры, принятыя по отношенію къ скупщикамъ яицъ въ Калугѣ и Воронежѣ, успѣшно ли работала чрезвычайная московская комиссія—но хорошо извѣстно, что черезъ двѣ недѣли послѣ послѣдняго свиданія Персикова съ Альфредомъ въ смыслѣ куръ въ Союзѣ республикъ было совершенно чисто. Кое-гдѣ въ дворикахъ уѣздныхъ городковъ валялись куриныя сиротливыя перья, вызывая слезы на глазахъ, да въ больницахъ поправлялись послѣдніе изъ жадныхъ, доканчивая кровавый поносъ со рвотой. Людскихъ смертей, къ счастью, на всю республику было не болѣе тысячи. Большихъ безпорядковъ тоже не послѣдовало. Объявился было, правда, въ Волоколамскѣ пророкъ, возвѣстившій, что падежъ куръ вызванъ ни кѣмъ инымъ, какъ комиссарами, но особеннаго успѣха не имѣлъ. На Волоколамскомъ базарѣ побили нѣсколькихъ милиціонеровъ, отнимавшихъ куръ у бабъ, да выбили стекла въ мѣстномъ почтово-телеграфномъ отдѣленіи.

По счастью, расторопныя волоколамскія власти приняли мѣры, въ результатѣ которыхъ, во-первыхъ, пророкъ прекратилъ свою дѣятельность, а во-вторыхъ, стекла на телеграфѣ вставили.

Дойдя на сѣверѣ до Архангельска и Сюмкина Выселка, морѣ остановился самъ собой по той причинѣ, что итти ему дальше было некуда, — въ Бѣломъ морѣ куры, какъ извѣстно, не водятся. Остановился онъ и во Владивостокѣ, ибо далѣе былъ океанъ. На далекомъ Югѣ — пропала и затихъ гдѣ-то въ выжженныхъ пространствахъ Ордубата. Джульфы и Карабулака, а на Западѣ удивительнымъ образомъ задержался какъ разъ на польской и румынской границахъ. Климатъ, что ли, тамъ былъ иной или сыграли роль заградительныя-кордонныя мѣры, принятыя сосѣдними правительствами, но фактъ тотъ, что морѣ дальше не пошелъ. Заграничная пресса шумно, жадно обсуждала неслыханный въ исторіи падежъ, а правительство совѣтскихъ республикъ, не поднимая никакого шума, работало не покладая рукъ. Чрезвычайная комиссія по борьбѣ съ куриной чумой переименовалась въ чрезвычайную комиссію по поднятію и возрожденію куроводства въ республикѣ, пополнившись новой чрезвычайной тройкой, въ составѣ шестнадцати товарищей. Былъ основанъ „Доброкуръ“, почетными товарищами предсѣдателя въ который вошли Персиковъ и Португаловъ. Въ газетахъ подъ ихъ портретами появились заголовки: „Массовая закупка яицъ за границей“ и „Господинъ Юзь хочетъ сорвать яичную компанію“. Прогремѣлъ на всю Москву ядовитый фельетонъ журналиста Колечкина, заканчивающійся словами: „Не зарьтесь, господинъ Юзь, на наши яйца, — у васъ есть свои!“

Профессоръ Персиковъ совершенно измучился и заработался въ послѣдніи три недѣли. Куриныя событія выбили его изъ колеи и навалили на него двойную тяжесть. Цѣлыми вечерами ему приходилось работать въ засѣданіи куриныхъ комиссій и время

отъ времени выносить длинныя бесѣды то съ Альфредомъ Бронскимъ, то съ механическимъ толстякомъ. Пришлось вмѣстѣ съ профессоромъ Португаловымъ и приватъдоцентомъ Ивановымъ и Борнгартомъ анатомировать и микроскопировать куръ въ поискахъ бациллы чумы, и даже въ теченіе трехъ вечеровъ на скорую руку написать брошюру: „Объ измѣненіяхъ печени у куръ при чумѣ“.

Работалъ Персиковъ безъ особаго жара въ куриной области, да оно и понятно, — вся его голова была полна другимъ — основнымъ и важнымъ — тѣмъ, отъ чего его оторвала его куриная катастрофа, т.-е. отъ краснаго луча. Разстраивая свое и безъ того надломленное здоровье, урывая часы у сна и ѣды, порою не возвращаясь на Пречистенку, а засыпая на клеенчатомъ диванѣ въ кабинетѣ института, Персиковъ ночи напролетъ возился у камеры и микроскопа.

Къ концу іюля гонка нѣсколько стихла. Дѣла переименованной комиссіи вошли въ нормальное русло и Персиковъ вернулся къ нарушенной работѣ. Микроскопы были запружены новыми препаратами, въ камерѣхъ подъ лучомъ зрѣла со сказочной быстротою рыба и лягушечья икра. Изъ Кенигсберга на аэропланѣ привезли спеціально заказанныя стекла и въ послѣднихъ числахъ іюля, подъ наблюденіемъ Иванова, механики соорудили двѣ новыхъ большихъ камеры, въ которыхъ лучъ достигалъ у основанія ширины папирсной коробки, а въ раструбѣ — цѣлаго метра. Персиковъ радостно потеръ руки и началъ готовиться къ какимъ-то таинственнымъ и сложнымъ опытамъ. Прежде всего, онъ по телефону сговорился съ народнымъ комиссаромъ просвѣщенія, и трубка наквакала ему самое любезное и всяческое содѣйствіе, а затѣмъ Персиковъ по телефону же вызвалъ товарища Птаху-Поросюка, завѣдующаго отдѣломъ животноводства при верховной комиссіи. Встрѣтилъ Персиковъ со стороны Птахи самое теплое вниманіе. Дѣло шло о большемъ заказѣ за границей для профессора Персикова.

Птаха сказала въ телефонъ, что онъ тотчасъ телеграфируетъ въ Берлинъ и Нью-Йоркъ. Послѣ этого изъ Кремля освѣдомились, какъ у Персикова идутъ дѣла и важный и ласковый голосъ спросилъ, не нуженъ ли Персикову автомобиль?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я предпочитаю ѣздить въ трамваѣ, — отвѣтилъ Персиковъ.

— Но почему же? — спросилъ таинственный голосъ и снисходительно усмѣхнулся.

Съ Персиковымъ всѣ вообще разговаривали или съ почтеніемъ и ужасомъ, или же ласково усмѣхаясь, какъ маленькому, хотъ и крупному ребенку.

— Онъ быстрѣе ходитъ, — отвѣтилъ Персиковъ, послѣ чего звучный басокъ въ телефонъ отвѣтилъ:

— Ну, какъ хотите.

Прошла еще недѣля, при чемъ Персиковъ, все болѣе отдаляясь отъ затихающихъ куриныхъ вопросовъ, всецѣло погрузился въ изученіе луча. Голова его отъ бессонныхъ ночей и переутомленія стала свѣтла, какъ бы прозрачна и легка. Красныя кольца не сходили теперь съ его глазъ, и почти всякую ночь Персиковъ ночевалъ въ институтѣ. Одинъ разъ онъ покинулъ зоологическое прибѣжище, чтобы въ громадномъ залѣ Цекубу на Пречистенкѣ сдѣлать докладъ о своемъ лучѣ и о дѣйствиіи его на яйцеклѣтку. Это былъ гигантскій триумфъ зоолога-чудака. Въ колонномъ залѣ отъ всплеска рукъ что-то сыпалось и рушилось съ потолка и шипящія дуговыя трубки заливали свѣтомъ черныя смокинги цекубистовъ и бѣлыя платья женщинъ. На эстрадѣ, рядомъ съ кафедрой, сидѣла на стеклянномъ столѣ, тѣшко дыша и сѣрѣя, на блюдѣ, влажная лягушка величиною съ кошку. На эстраду бросали записки. Въ числѣ ихъ было семь любовныхъ, и ихъ Персиковъ разорвалъ. Его силой вытаскивалъ на эстраду предсѣдатель Цекубу, чтобы кланяться. Персиковъ кланялся раздраженно, руки у него были потныя, мокрыя и черный галстукъ сидѣлъ не подъ подбородкомъ, а за лѣвымъ ухомъ. Передъ нимъ въ

дыханіи и туманъ были сотни желтыхъ лицъ и мужскихъ бѣлыхъ грудей, и вдругъ желтая кобура пистолета мелькнула и пропала гдѣ-то за бѣлой колонной. Персиковъ ее смутно замѣтилъ и забылъ. Но уѣзжая послѣ доклада, спускаясь по малиновому ковру лѣстницы, онъ вдругъ почувствовалъ себя нехорошо. На мигъ заслонило чернымъ яркую люстру въ вестибюлѣ и Персикову стало смутно, тошновато... Ему почудилась гарь, показалось, что кровь течетъ у него липко и жарко по шеѣ... И дрожащею рукой схватился профессоръ за перила.

— Вамъ нехорошо, Владиміръ Ипатьичъ? — набросились со всѣхъ сторонъ встревоженные голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ Персиковъ, оправляясь, — просто я переутомился... да... Позвольте мнѣ стаканъ воды.

* * *

Былъ очень солнечный августовскій день. Онъ мѣшалъ профессору, поэтому шторы были опущены. Одинъ гибкій на ножкѣ рефлекторъ бросалъ пучекъ остраго свѣта на стеклянный столъ, заваленный инструментами и стеклами. Отваливъ спинку винтящагося кресла, Персиковъ въ изнеможеніи курилъ и сквозь полосы дыма смотрѣлъ мертвыми отъ усталости, но довольными глазами въ пріоткрытую дверь камеры, гдѣ, чуть-чуть подогрѣвая и безъ того душный и нечистый воздухъ въ кабинетѣ, тихо лежалъ красный снопъ луча.

Въ дверь постучали.

— Ну? — спросилъ Персиковъ.

Дверь мягко скрипнула и вошелъ Панкратъ. Онъ сложилъ руки по швамъ и, блѣднѣя отъ страха передъ божествомъ, сказалъ такъ:

— Тамъ до васъ, господинъ профессоръ, Роккъ пришелъ.

Подобіе улыбки показалось на щекахъ ученаго. Онъ сузилъ глазки и молвилъ:

— Это интересно. Только я занятъ.

— Они говорятъ, что съ казенной бумагой съ Кремля.

— Роккъ съ бумагой? Рѣдкое сочетаніе, — вымолвилъ Персиковъ и добавилъ: — Ну-ка, дай ка его сюда!

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ Панкратъ и какъ ужъ исчезъ за дверью.

Черезъ минуту она скрипнула опять и появился на порогѣ человекъ. Персиковъ скрипнулъ на винтѣ и устоялся въ пришедшаго поверхъ очковъ черезъ плечо. Персиковъ былъ слишкомъ далекъ отъ жизни — онъ ею не интересовался, но тутъ даже Персикову бросилась въ глаза основная и главная черта вошедшаго человекъ. Онъ былъ странно старомоденъ. Въ 1919 году этотъ человекъ былъ бы совершенно умѣстенъ на улицахъ столицы, онъ былъ бы терпимъ въ 1924 году, въ началѣ его, но 1928 году онъ былъ бы страненъ. Въ то время, какъ наиболѣе даже отставшая часть пролетаріата — пекаря — ходили въ пиджакахъ, когда въ Москвѣ рѣдкостью былъ френчъ — старомодный костюмъ, оставленный окончательно въ концѣ 1924 года, на вошедшемъ была кожаная двубортная куртка, зеленые штаны, на ногахъ обмотки и штилеты, а на боку огромный старой конструкціи пистолетъ маузеръ въ желтой битой кобурѣ. Лицо вошедшаго произвело на Персикова то же впечатлѣніе, что и на всѣхъ — крайне непріятное впечатлѣніе. Маленькіе глазки смотрѣли на весь міръ изумленно и въ то же время увѣренно, что-то развязное было въ короткихъ ногахъ съ плоскими ступнями. Лицо изсиня-бритое. Персиковъ сразу нахмурился. Онъ безжалостно похрипѣлъ винтомъ и, глядя на вошедшаго уже не поверхъ очковъ, а сквозь нихъ, молвилъ:

— Вы съ бумагой? Гдѣ же она?

Вошедшій видимо былъ ошеломленъ тѣмъ, что онъ увидалъ. Вообще онъ былъ мало способенъ смущаться, но тутъ смутился. Судя по глазкамъ, его поразило прежде всего шкапъ въ 12 полокъ, уходящій въ потолокъ и биткомъ набитый книгами. Затѣмъ, конечно, камеры, въ которыхъ, какъ въ аду, мерцалъ малиновый, разбухшій въ стеклахъ лучъ. И самъ Персиковъ въ полутьмѣ у острой иглы луча, выпавшаго изъ рефлектора, былъ достаточно страненъ и величествененъ въ винтовомъ креслѣ. Пришелецъ вперилъ въ него взглядъ, въ которомъ явственно прыгали искры почтенія сквозь самоувѣренность, никакой бумаги не подалъ, а сказалъ:

— Я Александръ Семеновичъ Роккъ!

— Ну-съ? Такъ что?

— Я назначенъ завѣдующимъ показательнымъ совхозомъ „Красный Лучъ“, — пояснилъ пришлый.

— Ну-съ?

— И вотъ къ вамъ, товарищъ, съ секретнымъ отношеніемъ.

— Интересно было бы узнать. Покороче, если можно.

Пришелецъ разстегнулъ борть куртки и высунулъ приказъ, напечатанный на великолѣпной плотной бумагѣ. Его онъ протянулъ Персикову. А затѣмъ безъ приглашенія сѣлъ на винтящійся табуретъ.

— Не толкните столъ, — съ ненавистью сказалъ Персиковъ.

Пришелецъ испуганно оглянулся на столъ, на дальнемъ краю котораго въ сыромъ темномъ отверстіи мерцали безжизненно, какъ изумруды, чьи-то глаза. Холодомъ вѣяло отъ нихъ.

Лишь только Персиковъ прочиталъ бумагу, онъ поднялся съ табурета и бросился къ телефону. Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже говорилъ торопливо и въ крайней степени раздраженія:

— Простите... Я не могу понять... Какъ же такъ? Я... безъ моего согласія, совѣта... Да, вѣдь, онъ чортъ знаетъ что надѣлаеть!!.

Тутъ незнакомецъ повернулся крайне обиженно на табуретѣ.

— Извиняюсь, — началъ онъ, — я завѣд...

Но Персиковъ махнулъ на него крючочкомъ и продолжалъ:

— Извините, я не могу понять... Я, наконецъ, категорически протестую. Я не даю своей санкціи на опыты съ яйцами... Пока я самъ не попробую ихъ...

Что-то квакало и постукивало въ трубкѣ, и даже издали было понятно, что голосъ въ трубкѣ, снисходительный, говоритъ съ малымъ ребенкомъ. Кончилось тѣмъ, что багровый Персиковъ съ громомъ повѣсилъ трубку и мимо нея въ стѣну сказала:

— Я умываю руки.

Онъ вернулся къ столу, взялъ съ него бумагу, прочиталъ ее разъ сверху внизъ поверхъ очковъ, затѣмъ снизу вверхъ сквозь очки, и вдругъ взвылъ:

— Панкратъ!

Панкратъ появился въ дверяхъ, какъ будто поднялся по трапу въ оперѣ. Персиковъ глянулъ на него и рявкнулъ:

— Выйди вонъ, Панкратъ!

И Панкратъ, не выразивъ на своемъ лицѣ ни малѣйшаго изумленія, исчезъ.

Затѣмъ Персиковъ повернулся къ пришьельцу и заговорилъ:

— Извольте-съ... Повинуюсь. Не мое дѣло. Да мнѣ и неинтересно.

Пришьельца профессоръ не столько обидѣлъ, сколько изумилъ.

— Извиняюсь, — началъ онъ, — вы же, товарищъ?..

— Что вы все товарищъ да товарищъ... — хмуро пробубнилъ Персиковъ и смолкъ.

„Однако“, — написалось на лицѣ у Рокка.

— Изви...

— Такъ вотъ-съ, пожалуйста, — перебилъ Персиковъ. — Вотъ дуговой шаръ. Отъ него вы получаете путемъ передвиженія окуляра, — Персиковъ щелкнулъ крышкой камеры, похожей на фотографическій аппаратъ, — пучокъ, который вы можете собрать путемъ передвиженія объективовъ, вотъ № 1... и зеркало № 2, — Персиковъ, погасилъ лучъ, опять зажегъ его на полу асбестовой камеры, — а на полу въ лучъ можете разложить все, что вамъ нравится, и дѣлать опыты. Чрезвычайно просто, не правда ли?

Персиковъ хотѣлъ выразить иронию и презрѣнiе, но пришелецъ ихъ не замѣтилъ, внимательно блестящими глазами всматриваясь въ камеру.

— Только предупреждаю, — продолжалъ Персиковъ, — руки не слѣдуетъ совать въ лучъ, потому что по моимъ наблюденiямъ онъ вызываетъ разрастанiе эпителия... а злокачественны они или нѣтъ, я, къ сожалѣнiю, еще не могъ установить.

Тутъ пришелецъ проворно спряталъ свои руки за спину, уронивъ кожаный картузь и поглядѣлъ на руки профессора. Они были насквозь прожжены iодомъ, а правая у кисти забинтована.

— А какъ же вы, профессоръ?

— Можете купить резиновые перчатки у Швабе на Кузнецкомъ, — раздраженно отвѣтилъ профессоръ. — Я не обязанъ объ этомъ заботиться.

Тутъ Персиковъ посмотрѣлъ на пришельца словно въ лупу:

— Откуда вы взялись? Вообще... почему вы?.. Роккъ, наконецъ, обидѣлся сильно.

— Извин...

— Вѣдь, нужно же знать въ чемъ дѣло!.. Почему вы уцѣпились за этотъ лучъ?..

— Потому, что это величайшей важности дѣло...

— Ага. Величайшей? Тогда... Панкратъ!

И когда Панкратъ появился:

— Погоди, я подумаю.

И Панкратъ покорно исчезъ.

— Я, — говорилъ Персиковъ, — не могу понять вотъ чего: почему нужна такая спѣшность и секретъ?

— Вы, профессоръ, меня уже сбили съ панталыку, — отвѣтилъ Роккъ, — вы же знаете, что куры всѣ издохли до единой.

— Ну такъ что изъ этого? — завопилъ Персиковъ, — что же вы хотите ихъ воскресить моментально, что ли? И почему при помощи еще неизученнаго луча?

— Товарищъ профессоръ, — отвѣтилъ Роккъ, — вы меня, честное слово, сбиваете. Я вамъ говорю, что намъ необходимо возобновить у себя куроводство, потому что за границей пишутъ про насъ всякія гадости. Да.

— И пусть себѣ пишутъ...

— Ну, знаете, — загадочно отвѣтилъ Роккъ и покрутилъ головой.

— Кому, желалъ бы я знать, пришла въ голову мысль растить куръ изъ яицъ...

— Мнѣ, — отвѣтилъ Роккъ...

— Угу... Такъ-съ... А почему, позвольте узнать? Откуда вы узнали о свойствахъ луча?

— Я, профессоръ, былъ на вашемъ докладѣ.

— Я съ яйцами еще ничего не дѣлалъ!.. Только собираюсь!

— Ей-Богу, выйдетъ, — убѣдительно вдругъ и задушевно сказала Роккъ, — вашъ лучъ такой знаменитый, что хоть слоновъ можно вырастить, не только цыплятъ.

— Знаете что, — молвилъ Персиковъ, — вы не зоологъ? нѣтъ? жаль... изъ васъ вышелъ бы очень смѣлый экспериментаторъ... Да... только вы рискуете... получить неудачу... и только у меня отнимаете время...

— Мы вамъ вернемъ камеры. Что значить?

— Когда?

— Да, вотъ, я выведу первую партію.

— Какъ вы это увѣренно говорите! Хорошо-съ. Панкратъ!

— У меня есть съ собой люди, — сказала Роккъ, — и охрана. . .

— Къ вечеру кабинетъ Персикова осиротѣлъ. . . Опустѣли столы. Люди Рокка увезли три большихъ камеры, оставивъ профессору только первую, его маленькую, съ которой онъ начиналъ опыты.

Надвигались июльскія сумерки, сѣрость овладѣла институтомъ, потекла по коридорамъ. Въ кабинетѣ слышались монотонные шаги — это Персиковъ, не зажигая огня, мѣрилъ большую комнату отъ окна къ дверямъ. . . Странное дѣло: въ этотъ вечеръ необъяснимо тоскливое настроеніе овладѣло людьми, населяющими институтъ, и животными. Жабы почему-то поднимали особенно тоскливый концертъ и стрекотали зловѣще и предостерегающе. Панкрату пришлось ловить въ коридорахъ ужа, который ушелъ изъ своей камеры, и когда онъ его поймалъ, видъ у ужа былъ такой, словно тотъ собрался куда глаза глядятъ, лишь бы только уйти.

Въ глубокихъ сумеркахъ прозвучалъ звонокъ изъ кабинета Персикова. Панкратъ появился на порогѣ. И увидалъ странную картину. Ученый стоялъ одиноко посреди кабинета и глядѣлъ на столы. Панкратъ кашлянулъ и замеръ.

— Вотъ, Панкратъ, — сказалъ Персиковъ и указалъ на опустѣвшій столъ.

Панкратъ ужаснулся. Ему показалось, что глаза у профессора въ сумеркахъ заплаканы. Это было такъ необыкновенно, такъ страшно.

— Такъ точно, — плаксиво отвѣтилъ Панкратъ и подумалъ: „Лучше бъ ты ужъ наоралъ на меня!“

— Вотъ, — повторилъ Персиковъ и губы у него дрогнули точно такъ же, какъ у ребенка, у котораго отняли ни съ того, ни съ сего любимую игрушку.

— Ты знаешь, дорогой Панкратъ, — продолжалъ Персиковъ, отворачиваясь къ окну, — жена-то моя,

которая уѣхала пятнадцать лѣтъ назадъ, въ оперетку она поступила, а теперь умерла оказывается... Вотъ исторія, Панкратъ милый... Мнѣ письмо прислали...

Жабы кричали жалобно и сумерки одѣвали профессора, вотъ она... ночь... Москва... гдѣ-то какіе-то бѣлые шары за окнами загорались... Панкратъ, растерявшись, тосковалъ, держалъ отъ страху руки по швамъ...

— Иди, Панкратъ, — тяжело вымолвилъ профессоръ и махнулъ рукой, — ложись спать, миленькій, голубчикъ, Панкратъ.

И наступила ночь. Панкратъ выбѣжалъ изъ кабинета почему-то на цыпочкахъ, прибѣжалъ въ свою каморку, разорвалъ тряпье въ углу, вытащилъ изъ-подъ него початую бутылку русской горькой и разомъ выхлюпнулъ около чайнаго стакана. Закусилъ хлѣбомъ съ солью, и глаза его нѣсколько повеселѣли.

Позднимъ вечеромъ, уже ближе къ полуночи, Панкратъ, сидя босикомъ на скамьѣ въ скупомъ освѣщенномъ вестибюлѣ, говорилъ безсонному дежурному котелку, почесывая грудь подъ ситцевой рубахой.

— Лучше бѣ убилъ, ей Бо...

— Неужто плакалъ? — съ любопытствомъ спрашивалъ котелокъ.

— Ей... Бо... — увѣрялъ Панкратъ.

— Великій ученый — согласился котелокъ, — извѣстно, лягушка жены не замѣнитъ.

— Никакъ, — согласился Панкратъ.

Потомъ онъ подумалъ и добавилъ:

— Я свою бабу подумаю выписать сюды... Чего ей въ самомъ дѣлѣ въ деревнѣ сидѣть. Только она гадовъ этихъ не выносить нипочемъ...

— Что говорить, пакость ужаснѣйшая, — согласился котелокъ.

Изъ кабинета ученаго не слышно было ни звука. Да и свѣта въ немъ не было. Не было полоски подъ дверью.

Исторія въ совхозѣ.

Положительно нѣтъ прекраснѣе времени, нежели зрѣлый августъ въ Смоленской хотя бы губерніи. Лѣто 1928 года было, какъ извѣстно, отличнѣйшее, съ дождями весной во-время, съ полнымъ жаркимъ солнцемъ, съ отличнымъ урожаемъ... Яблоки въ бывшемъ имѣніи Шереметевыхъ зрѣли... лѣса зеленѣли, желтизной квадратовъ лежали поля... Человѣкъ-то лучше становится на лонѣ природы. И не такъ уже непріятель показался бы Александръ Семеновичъ, какъ въ городѣ. И куртки противной на немъ не было. Лицо его мѣдно загорѣло, ситцевая разстегнутая рубашка показывала грудь, поросшую густѣйшимъ чернымъ волосомъ, на ногахъ были парусиновые штаны. И глаза его успокоились и подобрѣли.

Александръ Семеновичъ оживленно сбѣжалъ съ крыльца съ колоннадой, на коей была прибита вывѣска подъ звѣздой:

Совхозъ „Красный Лучъ“

и прямо къ автомобилю полугрузовичку, привезшему три черныхъ камеры подъ охраной.

Весь день Александръ Семеновичъ хлопоталъ со своими помощниками, устанавливая камеры въ бывшемъ зимнемъ саду — оранжереѣ Шереметевыхъ... Къ вечеру все было готово. Подъ стекляннымъ потолкомъ загорѣлся бѣлый, матовый шаръ, на кирпичачъ устанавливали камеры, и механикъ, пріѣхавшій съ камерами, пощелкавъ и повертѣвъ блестящіе винты, зажегъ на асбестовомъ полу въ черныхъ ящикахъ красный таинственный лучъ.

Александръ Семеновичъ хлопоталъ, самъ влѣзалъ на лѣстницу, провѣряя провода.

На слѣдующій день вернулся со станціи тотъ же полугрузовичекъ и выплюнулъ три ящика, великолѣпной гладкой фанеры, кругомъ оклеенной ярлыками и бѣлыми по черному фону надписями:

— Vorsicht: Eier!!

— Осторожно: яйца!

— Что же такъ мало прислали? — удивился Александръ Семеновичъ, однако, тотчасъ захопотался и сталъ распаковывать яйца. Распаковываніе происходило все въ той же оранжереѣ и принимали въ немъ участіе: самъ Александръ Семеновичъ, его необыкновенной толщины жена, Маня, кривой бывший садовникъ бывшихъ Шереметевыхъ, а нынѣ служащій въ совхозѣ на универсальной должности сторожа, охранитель, обреченный на житье въ совхозѣ, и уборщица Дуня. Это не Москва, и здѣсь все носило болѣе простой, семейный и дружественный характеръ. Александръ Семеновичъ распоряжался, любовно посматривалъ на ящики, выглядѣвшіе такимъ солиднымъ компактнымъ подаркомъ, подъ нѣжнымъ закатнымъ свѣтомъ верхнихъ стеколъ оранжереи. Охранитель, винтовка котораго мирно дремала у дверей, клещами взламывалъ скрѣпы и металлическія обшивки. Стоялъ трескъ... Сыпалась пыль. Александръ Семеновичъ, шлепая сандалями, суетился возлѣ ящиковъ.

— Вы потише, пожалуйста, — говорилъ онъ охранителю. Осторожниѣ. Что жъ вы не видите — яйца?

— Ничего, — хрипѣлъ уѣздный воинъ, буравя, — сейчасъ...

Тр-р-р... и сыпалась пыль.

Яйца оказались упакованными превосходно: подъ деревянной крышкой былъ слой парафиновой бумаги, затѣмъ промокательной, затѣмъ слѣдовалъ плотный слой стружекъ, затѣмъ опилки и въ нихъ мелькали бѣлыя головки яицъ.

— Заграничной упаковочки, — любовно говорилъ Александръ Семеновичъ, роясь въ опилкахъ, — это вамъ не то, что у насъ. — Маня, осторожниѣ, ты ихъ побьешь.

— Ты, Александръ Семеновичъ, сдурѣлъ, — отвѣчала жена, — какое золото, подумаешь. Что я никогда яицъ не видала? Ой!.. какія большія!

— Заграница, — говорилъ Александръ Семеновичъ, выкладывая яйца на деревянный столъ, — развѣ это наши мужицкія яйца... Все вѣроятно брамапутры, чортъ ихъ возьми! нѣмецкія...

— Извѣстное дѣло, — подтвеждалъ охранитель, любуясь яйцами.

— Только не понимаю, чего они грязныя, — говорилъ задумчиво Александръ Семеновичъ... Маня, ты присматривай. Пускай дальше выгружаютъ, а я иду на телефонъ.

И Александръ Семеновичъ отправился на телефонъ въ контору совхоза черезъ дворъ.

Вечеромъ, въ кабинетъ зоологическаго института затрещалъ телефонъ. Профессоръ Персиковъ взерошилъ волосы и подошелъ къ аппарату.

— Ну? — спросилъ онъ.

— Съ вами сейчасъ будетъ говорить провинція, — тихо съ шипѣніемъ отозвалась трубка женскимъ голосомъ.

— Ну, слушаю, — безглаголиво спросилъ Персиковъ въ черный ротъ телефона... Въ томъ что-то щелкало, а затѣмъ дальній мужской голосъ сказалъ въ ухо встревоженно:

— Мыть ли яйца, профессоръ?

— Что такое? Что? Что вы спрашиваете? — раздражился Персиковъ, — откуда говорить?

— Изъ Никольскаго, Смоленской губерніи, — отвѣтила трубка.

— Ничего не понимаю. Накакого Никольскаго не знаю. Кто это?

— Роккъ, — сурово сказала трубка.

— Какой Роккъ? — Ахъ, да... это вы... такъ вы что спрашиваете?

— Мыть ли ихъ?.. прислали изъ-за границы мнѣ партію курьихъ яицъ...

— Ну?

— ... А они въ грязюкѣ въ какой-то...

— Что-то вы путаете... Какъ они могутъ быть въ „грязюкѣ“, какъ вы выражаетесь? Ну, конечно, можетъ быть немного... пометъ присохъ... или что-нибудь еще...

— Такъ не мыть?

— Конечно, не нужно... Вы, что, хотите уже заряжать яйцами камеры?

— Заряжаю. Да. — Отвѣтила трубка.

— Гмъ, — хмыкнулъ Персиковъ.

— Пока, — цокнула трубка и стихла.

— „Пока“, — съ ненавистью повторилъ Персиковъ приватъ-доценту Иванову, — какъ вамъ нравится этотъ типъ, Петръ Степановичъ?

Ивановъ разсмѣялся.

— Это онъ? Воображаю, что онъ тамъ напечетъ изъ этихъ яицъ.

— Д... д... д... — заговорилъ Персиковъ злобно, — вы вообразите, Петръ Степановичъ... ну, прекрасно... очень возможно, что на дейтероплазму куриного яйца лучъ окажетъ такое же дѣйствіе, какъ и на плазму голыхъ. Очень возможно, что куры у него вылупятся. Но, вѣдь, ни вы, ни я не можемъ сказать, какія это куры будутъ... можетъ-быть, онѣ ни къ чорту негодныя куры. Можетъ быть, онѣ подохнуть черезъ два дня. Можетъ быть ихъ ѣсть нельзя! А развѣ я поручусь, что онѣ будутъ стоять на ногахъ. Можетъ быть, у нихъ кости ломкія. — Персиковъ вошелъ въ азартъ и махалъ ладонью и загибалъ пальцы.

— Совершенно вѣрно, — согласился Ивановъ.

— Вы можете поручиться, Петръ Степановичъ, что онѣ дадутъ поколѣніе? Можетъ быть, этотъ типъ выведетъ стерильныхъ куръ. Догонить ихъ до величины собаки, а потомства отъ нихъ жди потомъ до второго пришествія.

— Нельзя поручиться, — согласился Ивановъ.

— И какая развязность, — разстраивалъ самъ себя Персиковъ, — бойкость какая-то! И, вѣдь, замѣтите, что этого прохвоста мнѣ же поручено инструктиро-

вать. — Персиковъ указаль на бумагу, доставленную Роккомъ (она валялась на экспериментальномъ столѣ)... а какъ я его буду этого невѣжду инструктировать, когда я самъ по этому вопросу ничего сказать не могу.

— А отказать нельзя было? — спросилъ Ивановъ.

Персиковъ побагровѣлъ, взялъ бумагу и показаль ее Иванову. Тотъ прочель ее и иронически усмѣхнулся.

— М-да... — сказалъ онъ многозначительно.

— И, вѣдь, замѣтите... Я своего заказа жду два мѣсяца и о немъ ни слуху, ни духу. А этому моментально и яйца прислали и вообще всячское содѣйствіе.

— Ни черта у него не выйдетъ, Владиміръ Ипатьичъ. И просто кончится тѣмъ, что вернуть вамъ камеры.

— Да если бы скорѣе, а то вѣдь они же мои опыты задерживаютъ.

— Да вотъ это скверно. У меня все готово.

— Вы скафандры получили?

— Да, сегодня.

Персиковъ нѣсколько успокоился и оживился.

— Угу... я думаю, мы такъ сдѣлаемъ. Двери операціонной можно будетъ наглухо закрыть, а окно мы откроемъ...

— Конечно, — согласился Ивановъ,

— Три шлема?

— Три. Да.

— Ну вотъ-съ... Вы, стало быть, я и еще ктонибудь изъ студентовъ можно назвать. Дадимъ ему третій шлемъ.

— Гринмута можно.

— Это который у васъ сейчасъ надъ саламандрами работаетъ?.. гмъ... онъ ничего... хотя, позвольте, весной онъ не могъ сказать, какъ утрѣнь плавательный пузырь у голозубыхъ, — злопамятно добавилъ Персиковъ.

— Нѣтъ, онъ ничего. . . Онъ хорошій студентъ, — заступился Ивановъ.

— Придется ужъ не поспать одну ночь, — продолжалъ Персиковъ, — только вотъ что, Петръ Степановичъ, вы провѣрьте газъ, а то чортъ ихъ знаетъ, эти доброхимы ихніе. Пришлютъ какой-нибудь гадость.

— Нѣтъ, нѣтъ, — и Ивановъ замахалъ руками, — вчера я уже пробовалъ. Нужно отдать имъ справедливость, Владиміръ Ипатьичъ, превосходный газъ.

— Вы на комъ пробовали?

— На обыкновенныхъ жабахъ. Пустишь струйку — мгновенно умираютъ. Да, Владиміръ Ипатьичъ, мы еще такъ сдѣлаемъ. Вы напишите отношеніе въ Гепеу, чтобы вамъ прислали электрической револьверъ.

— Да я не умѣю съ нимъ обращаться. . .

— Я на себя беру, — отвѣтилъ Ивановъ, — мы на Клязмѣ изъ него стрѣляли, шутки ради. . . тамъ одинъ гепеуръ рядомъ со мной жилъ. . . Замѣчательная штука. И просто чрезвычайно. . . Бьетъ безшумно, шаговъ на сто и наповаль. Мы въ воронъ стрѣляли. . . По-моему даже и газа не нужно.

— Гм. . . — это остроумная идея. . . Очень, — Персиковъ пошелъ въ уголь, взялъ трубку и квакнулъ. . .

— Дайте-ка мнѣ эту, какъ ее. . . Лубянку. . .

* * *

Дни стояли жаркіе до невозможности. Надъ полями видно было ясно, какъ переливался прозрачный, жирный зной. А ночи чудныя, обманчивыя, зеленыя. Луна свѣтила и такую красоту навела на бывшее имѣніе Шереметевыхъ, что ее невозможно выразить. Дворецъ-совхозъ, словно сахарный, свѣтился, въ паркѣ тѣни дрожали, а пруды стали двухцвѣтными пополамъ — косякомъ лунный столбъ, а половина бездонная тьма. Въ пятнахъ луны можно было свободно читать „Извѣстія“, за исключеніемъ шахматнаго отдѣла, набраннаго мелкой нонпарелью. Но въ такія ночи никто „Из-

вѣстія“, понятное дѣло, не читаль. . . Дуня уборщица оказалась въ рошѣ за совхозомъ и тамъ же оказался, вслѣдствіе совпаденія, рыжеусый шоферъ потрепаннаго совхозскаго полугрузовичка. Что они тамъ дѣлали — неизвѣстно. Пріютились они въ непрочной тѣни вяза, прямо на разостланномъ кожаномъ пальто шофера. Въ кухнѣ горѣла лампочка, тамъ ужинали два огородника, а мадамъ Роккъ въ бѣломъ капотѣ сидѣла на колонной верандѣ и мечтала, глядя на красавицу-луну.

Въ 10 часовъ вечера, когда замолкли звуки въ деревнѣ Концовкѣ, расположенной за совхозомъ, идиллическій пейзажъ огласился прелестными нѣжными звуками флейты. Выразить немислимо, до чего они были умѣстны надъ рощами и бывшими калоннами Шереметевскаго дворца. Хрупкая Лиза изъ „Пиковой Дамы“ смѣшала въ дуэтѣ свой голосъ съ голосомъ страстной Полины и унеслась въ лунную высь, какъ видѣніе стараго и все-таки безконечно милаго, до слезъ очаровывающаго режима.

Угасають. . . Угасають. . .

свистала, переливая и вздыхая, флейта.

Замерли роши и Дуня, гибельная, какъ лѣсная русалка, слушала, приложивъ щеку къ жесткой, рыжей и мужественной щекѣ шофера.

— А хорошо дудить, сукинъ сынъ, — сказала шоферъ, обнимая Дуню за талію мужественной рукой.

Играль на флейтѣ самъ завѣдующій совхозомъ Александръ Семеновичъ Роккъ, и играль, нужно отдать ему справедливость, превосходно. Дѣло въ томъ, что нѣкогда флейта была спеціальностью Александра Семеновича. Вплоть до 1917 года онъ служилъ въ извѣстномъ концертномъ ансамблѣ маэстро Пѣтухова, ежевечерно оглашающемъ стройными звуками фойэ уютнаго кинематографа „Волшебныя Грезы“ въ городѣ Екатеринославѣ. Но великій 1917 годъ, переломившій карьеру многихъ людей, и Александра

Семеновича повель по новымъ путямъ. Онъ покинулъ „Волшебныя Грезы“ и пыльный звѣздный сатинъ въ фойэ и бросился въ открытое море войны и революціи, смѣнивъ флейту на губительный маузеръ. Его долго швыряло по волнамъ, неоднократно выплескивая то въ Крыму, то въ Москвѣ, то въ Туркестанѣ, то даже во Владивостокѣ. Нужна была именно революція, чтобы вполнѣ выявить Александра Семеновича. Выяснилось, что этотъ человѣкъ положительно великъ, и, конечно, не въ фойэ „Грезь“ ему сидѣть. Не вдаваясь въ долгія подробности, скажемъ, что послѣдній 1927 и начало 28-го года застали Александра Семеновича въ Туркестанѣ, гдѣ онъ, во-первыхъ, редактировалъ огромную газету, а засимъ, какъ мѣстный членъ высшей хозяйственной комиссіи, прославился своими изумительными работами по орошенію туркестанскаго края. Въ 1928 году Роккъ прибылъ въ Москву и получилъ вполнѣ заслуженный отдыхъ. Высшая комиссія той организаціи, билетъ которой съ честью носилъ въ карманѣ провинціально-старомодный человѣкъ, оцѣнила его и назначила ему должность спокойную и почетную. Увы! Увы! На горе республикѣ кипучій мозгъ Александра Семеновича не потухъ, въ Москвѣ Роккъ столкнулся съ изобрѣтеніемъ Персикова и въ номерахъ на Тверской „Красный Парижъ“ родилась у Александра Семеновича идея какъ при помощи луча Персикова возродить въ теченіе мѣсяца куръ въ республикѣ. Рокка выслушали въ комиссіи животноводства, согласились съ нимъ и Роккъ пришелъ съ плотной бумагой къ чудаку зоологу.

Концертъ надъ стеклянными водами и рощами и паркомъ уже шель къ концу, какъ вдругъ произошло нѣчто, которое прервало его раньше времени. Именно, въ Концовкѣ собаки, которымъ по времени уже слѣдовало бы спать, подняли вдругъ невыносимый лай, который постепенно перешель въ общій мучительнѣйшій вой. Вой, разрастаясь, полетѣлъ по полямъ и вою вдругъ отвѣтилъ трескучій въ миллионъ

голосовъ концертъ лягушекъ на прудахъ. Все это было такъ жутко, что показалось даже на мгновенье, будто померкла таинственная колдовская ночь.

Александръ Семеновичъ оставилъ флейту и вышелъ на веранду.

— Маня. Ты слышишь? Вотъ проклятыя собаки... Чего онѣ, какъ ты думаешь, разбѣсились?

— Откуда я знаю? — отвѣтила Маня, глядя на луну.

— Знаешь, Манечка, пойдѣмъ посмотримъ на яички, — предложилъ Александръ Семеновичъ.

— Ей богу, Александръ Семеновичъ, ты совсѣмъ помѣшался со своими яйцами и курами. Отдохни ты немножко!

— Нѣтъ, Манечка, пойдѣмъ.

Въ оранжереѣ горѣлъ яркій шаръ. Пришла и Дуня съ горящимъ лицомъ и блистающими глазами. Александръ Семеновичъ нѣжно открылъ контрольныя стекла и всѣ стали поглядывать внутрь камеръ. На бѣломъ асбестовомъ полу лежали правильными рядами испещренныя пятнами ярко красныя яйца, въ камерахъ было беззвучно... а шаръ вверху въ 15.000 свѣчей тихо шипѣлъ...

— Эхъ, выведу я цыплятокъ! — съ энтузіазмомъ говорилъ Александръ Семеновичъ, заглядывая то съ боку въ контрольныя прорѣзы, то сверху, черезъ широкія вентиляціонныя отверстія, — вотъ увидите... Что? Не выведу?

— А вы знаете, Александръ Семеновичъ, — сказала Дуня, улыбаясь, — мужики въ Концовкѣ говорили, что вы антихристъ. Говорятъ, что ваши яйца дьявольскія. Грѣхъ машиной выводить. Убить васъ хотѣли.

Александръ Семеновичъ вздрогнулъ и повернулся къ женѣ. Лицо его пожелтѣло.

— Ну, что вы скажете? Вотъ народъ! Ну что вы сдѣлаете съ такимъ народомъ? А? Манечка, надо будетъ имъ собраніе сдѣлать... Завтра вызову

изъ уѣзда работниковъ. Я имъ самъ скажу рѣчь. Надо будетъ вообще тутъ поработать... А то это медвѣжій какой-то уголь...

— Темнота, — молвилъ охранитель, расположившійся на своей шинели у двери оранжереи.

Слѣдующій день ознаменовался странными и необъяснимыми происшествіями. Утромъ, при первомъ же блескѣ солнца, рощи, которыя привѣтствовали обычно свѣтило неумолчнымъ и мощнымъ стрекотаніемъ птицъ, встрѣтили его полнымъ безмолвіемъ. Это было замѣчено рѣшительно всѣми. Словно предъ грозой. Но никакой грозы и въ поминѣ не было. Разговоры въ совхозѣ приняли странный и двусмысленный для Александра Семеновича оттѣнокъ и въ особенности потому, что со словъ дяди, по прозвищу Козій Зобъ, извѣстнаго смутьяна и мудреца изъ Концовки, стало извѣстно, что, якобы, всѣ птицы собрались въ косяки и на разсвѣтѣ убрались куда-то изъ Шереметева вонъ, на сѣверъ, что было просто глупо. Александръ Семеновичъ очень разстроился и цѣлый день потратилъ на то, чтобы созвониться съ городомъ Грачевкой. Оттуда обѣщали Александру Семеновичу прислать дня черезъ два ораторовъ на двѣ темы — международное положеніе и вопросъ о Доброкурѣ.

Вечеръ тоже былъ не безъ сюрпризовъ. Если утромъ умолкли рощи, показавъ вполне ясно, какъ подозрительно-непріятна тишина среди деревьевъ, если въ полдень убрались куда-то воробьи съ совхозовскаго двора, то къ вечеру умолкъ прудъ въ Шереметевкѣ. Это было поистинѣ изумительно, ибо всѣмъ въ окрестностяхъ на сорокъ верстъ было превосходно извѣстно знаменитое стрекотаніе шереметевскихъ лягушекъ. А теперъ онѣ словно вымерли. Съ пруда не доносилось ни одного голоса и беззвучно стояла осока. Нужно признаться, что Александръ Семеновичъ окончательно разстроился. Объ этихъ происшествияхъ начали толковать и толковать самымъ непріят-

нымъ образомъ, т.-е. за спиной Александра Семеновича.

— Дѣйствительно это странно, — сказала за обѣдомъ Александръ Семеновичъ женѣ, — я не могу понять, зачѣмъ этимъ птицамъ понадобилось улетать?

— Откуда я знаю? — отвѣтила Маня. — Можетъ быть отъ твоего луча?

— Ну ты, Маня, обыкновеннѣйшая дура, — отвѣтилъ Александръ Семеновичъ, бросивъ ложку, — ты — какъ мужики. При чемъ здѣсь лучъ?

— А я не знаю. Оставь меня въ покоѣ.

Вечеромъ произошелъ третій сюрпризъ — опять взвыли собаки въ Концовкѣ и, вѣдь, какъ! Надъ лунными полями стоялъ непрерывный стонъ, злобныя тоскливыя стенанія.

Вознаградилъ себя нѣсколько Александръ Семеновичъ еще сюрпризомъ, но уже пріятнымъ, а именно въ оранжереѣ. Въ камерахъ началъ слышаться безпрерывный стукъ въ красныхъ яйцахъ. Токи... токи... токи... стучало то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ яйцѣ.

Стукъ въ яйцахъ былъ триумфальнымъ стукомъ для Александра Семеновича. Тотчасъ были забыты странныя происшествія въ рошѣ и на прудѣ. Сошлись всѣ въ оранжереѣ: и Маня, и Дуня, и сторожъ, и охранитель, оставившій винтовку у двери.

— Ну, что? Что вы скажете? — Побѣдоносно спрашивалъ Александръ Семеновичъ. — Всѣ съ любопытствомъ наклоняли уши къ дверцамъ первой камеры, — это они клювами стучать, цыплятки, — продолжалъ сія Александръ Семеновичъ. — Не выведу цыплятокъ, скажете? Нѣтъ, дорогіе мои. — И отъ избытка чувствъ онъ похлопалъ охранителя по плечу. — Выведу такихъ, что вы ахнете. Теперь мнѣ въ оба смотрѣть, — строго добавилъ онъ. — Чуть только начнутъ вылупливаться, сейчасъ же мнѣ дать знать.

— Хорошо, — хоромъ отвѣтили сторожъ, Дуня и охранитель.

Таки... таки... таки... закипало то въ одномъ, то въ другомъ яйцѣ первой камеры. Дѣйствительно, картина на глазахъ нарождающейся новой жизни въ тонкой отсвѣчивающей кожурѣ была настолько интересна, что все общество еще долго просидѣло на опрокинутыхъ пустыхъ ящикахъ, глядя какъ въ загадочномъ мерцающемъ свѣтѣ созрѣвали малиновыя яйца. Разошлись спать довольно поздно, когда надъ совхозомъ и окрестностями разлилась зеленоватая ночь. Была она загадочна и даже, можно сказать, страшна, вѣроятно потому, что нарушалъ ея полное молчаніе то-и-дѣло начиняющійся безпричинный то-склившій и ноющій вой собакъ въ Концовкѣ. Чего бѣсились проклятые псы — совершенно неизвѣстно.

На утро Александра Семеновича ожидала непріятность. Охранитель былъ крайне сконфуженъ, руки прикладывалъ къ сердцу, клялся и божился, что не спалъ, но ничего не замѣтилъ.

— Непонятное дѣло, — увѣрялъ охранитель, — я тутъ неприниненъ, товарищъ Роккъ.

— Спасибо вамъ, и отъ души благодаренъ, — распекалъ его Александръ Семеновичъ, — что вы, товарищъ, думаете? Васъ зачѣмъ приставили? Смотрѣть. Такъ вы мнѣ и скажите, куда они дѣлись? Вѣдь, вылупились они? Значить, удрали. Значить, вы дверь оставили открытой да и ушли себѣ сами. Чтобъ были мнѣ цыплята!

— Некуда мнѣ ходить. Что я своего дѣла не знаю, — обидѣлся наконецъ воинъ, — что вы меня попрекаете даромъ, товарищъ Роккъ!

— Куды жъ они подѣвались?

— Да я почему знаю, — взбѣсился наконецъ воинъ, — что я ихъ укараулю развѣ? Я зачѣмъ приставленъ. Смотрѣть, чтобы камеры никто не уперъ, я и исполняю свою должность. Вотъ вамъ камеры. А ловить вашихъ цыплятъ я не обязанъ по закону. Кто его знаетъ, какіе у васъ цыплята вылупятся, можетъ, ихъ на велосипедѣ не догонишь!

Александръ Семеновичъ нѣсколько осыкъся, побурчалъ еще что-то и впалъ въ состояніе изумленія. Дѣло-то на самомъ дѣлѣ было странное. Въ первой камерѣ, которую зарядили раньше всѣхъ, два яйца, помѣщающіяся у самаго основанія луча, оказались взломанными. И одно изъ нихъ даже откатилось въ сторону. Скорлупа валялась на асбестовомъ полу въ лучѣ.

— Чортъ ихъ знаетъ, — бормоталъ Александръ Семеновичъ, — окна заперты, не черезъ крышу же они улетѣли!

Онъ задралъ голову и посмотрѣлъ туда, гдѣ въ стеклянномъ переплетѣ крыши было нѣсколько широкихъ дыръ.

— Что вы, Александръ Семеновичъ — крайне удивилась Дуня, — стануть вамъ цыплята летать. Они тутъ гдѣ нибудь... цыпъ... цыпъ... цыпъ... — начала она кричать и заглядывать въ углы оранжереи, гдѣ стояли пыльные цвѣточные вазоны, какія-то доски и хламъ. Но никакіе цыплята нигдѣ не отзывались.

Весь составъ служащихъ часа два бѣгалъ по двору совхоза, разыскивая проворныхъ цыплятъ, и нигдѣ ничего не нашель. День прошелъ крайне возбужденно. Карауль камеръ былъ увеличенъ еще сторожемъ и тому былъ данъ строжайшій приказъ, каждая четверть часа заглядывать въ окна камеръ и, чуть что, звать Александра Семеновича. Охранитель сидѣлъ насупившись у дверей, держа винтовку между колънъ. Александръ Семеновичъ совершенно захоптался и только во второмъ часу дня пообедалъ. Послѣ обѣда онъ поспалъ часокъ въ прохладной тѣни на бывшей оттоманкѣ Шереметева, напился совхозовскаго сахарнаго кваса, сходилъ въ оранжерею и убѣдился, что теперь тамъ все въ полномъ порядкѣ. Старикъ-сторожъ лежалъ животомъ на рогожѣ и, мигая смотрѣлъ въ контрольное стекло первой камеры. Охранитель бодрствовалъ, не уходя отъ дверей.

Но были и новости: яйца въ третьей камерѣ, заряженные позже всѣхъ, начали какъ-то причмокивать и цокать, какъ будто внутри ихъ кто-то всхлипывалъ.

— Ухъ, зрѣютъ, — сказала Александръ Семеновичъ, — вотъ это зрѣютъ, теперь вижу. Видалъ? — отнесся онъ къ сторожу...

— Да, дѣло замѣчательное, — отвѣтилъ тотъ, качая головой и совершенно двусмысленнымъ тономъ.

Александръ Семеновичъ посидѣлъ немного у камеръ, но при немъ никто не вылутился, онъ поднялся съ корточекъ, размялся и заявилъ, что изъ усадьбы никуда не уходитъ, а только пройдетъ на прудъ выкупаться и, чтобы его, въ случаѣ чего, немедленно вызвали. Онъ сбѣгалъ во дворецъ въ спальню, гдѣ стояли двѣ узкихъ пружинныхъ кровати со скомканнымъ бѣльемъ, и на полу была навалена груда зеленыхъ яблоковъ и горы проса, приготовленнаго для будущихъ выводовъ, вооружился мохнатымъ полотенцемъ, а, подумавъ, захватилъ съ собой и флейту, съ тѣмъ, чтобы на досугъ поиграть надъ водною гладью. Онъ бодро выбѣжалъ изъ дворца, пересѣкъ дворъ совхоза и по ивовой аллеякѣ направился къ пруду. Бодро шель Роккъ, помахивая полотенцемъ и держа флейту подъ мышкой. Небо изливало зной сквозь ивы и тѣло ныло и просилось въ воду. На правой рукѣ у Рокка началась заросль лопуховъ, въ которую онъ проходя плюнулъ. И тотчасъ въ глубинѣ разлапистой путаницы послышалось шурщанье, какъ будто кто-то поволокъ бревно. Почувствовавъ мимолетное неприятное сосаніе въ сердцѣ, Александръ Семеновичъ повернулъ голову къ заросли и посмотрѣлъ съ удивленіемъ. Прудъ уже два дня не отзывался никакими звуками. Шуршаніе смолкло, поверхъ лопуховъ мелькнула привлекательно гладь пруда и сѣрая крыша купаленки. Нѣсколько стрекозъ мотнулись передъ Александромъ Семеновичемъ. Онъ уже хотѣлъ повернуть къ деревяннымъ мосткамъ, какъ вдругъ шорохъ въ зелени повторился и къ нему присоединилось ко-

роткое сипѣніе, какъ-будто высочилось масло и паръ изъ паровоза. Александръ Семеновичъ насторожился и сталъ всматриваться въ глухую стѣну сорной заросли.

— Александръ Семеновичъ, — прозвучалъ въ этотъ моментъ голосъ жены Рокка, и бѣлая ея кофточка мелькнула, скрылась, но опять — мелькнула въ малинникѣ. — Подожди, я тоже пойду купаться.

Жена спѣшила къ пруду, но Александръ Семеновичъ ничего ей не отвѣтилъ, весь приковавшись къ лопухамъ. Сѣроватое и оливковое бревно начало подниматься изъ ихъ чащи, вырастая на глазахъ. Какія-то мокрая желтоватая пятна какъ показалось Александру Семеновичу, усѣивали бревно. Оно начало вытягиваться, изгибаясь и шевелясь, и вытянулось такъ высоко, что перегнало низенькую корявую иву... Затѣмъ верхъ бревна надломился, немного склонился и надъ Александромъ Семеновичемъ оказалось что-то напоминающее по высотѣ электрической московской столбъ. Но только это что-то было раза въ три толще столба, и гораздо красивѣе его, благодаря чешуйчатой татуировкѣ. Ничего еще не понимая, но уже холодѣя, Александръ Семеновичъ глянулъ на верхъ ужаснаго столба и сердце въ немъ на нѣсколько секундъ прекратило бой. Ему показалось, что морозъ ударилъ внезапно въ августовскій день, а передъ глазами стало такъ сумеречно, точно онъ глядѣлъ на солнце сквозь лѣтніе штаны.

На верхнемъ концѣ бревна оказалась голова. Она была сплющена, заострена и украшена желтымъ круглымъ пятномъ по оливковому фону. Лишенные вѣкъ, открытые ледяные и узкіе глаза сидѣли въ крышѣ головы и въ глазахъ этихъ мерцала совершенно невиданная злоба. Голова сдѣлала такое движеніе, словно клюнула воздухъ, весь столбъ вобрался въ лопухи, и только одни глаза остались и, не мигая, смотрѣли на Александра Семеновича. Тотъ, покрытый липкимъ потомъ, произнесъ четыре слова, совершенно невѣроят-

ныхъ и вызванныхъ сводящимъ съ ума страхомъ. Настолько ужъ хороши были эти глаза между листьями.

— Что это за шутки . . .

Затѣмъ ему вспомнилось, что факиры . . . да . . . да . . . Индія . . . плетеная корзинка и картинка . . . Заклинають.

Голова вновь взвилась и стало выходить и туловище. Александръ Семеновичъ поднесъ флейту къ губамъ, хрипло пискнулъ и заигралъ, ежесекундно задыхаясь, вальсъ изъ „Евгенія Онѣгина“. Глаза въ зелени тотчасъ же загорѣлись непримиримою ненавистью къ этой оперѣ.

— Что ты одурѣлъ, что играешь на жарѣ? — слышался веселый голосъ Мани, и гдѣ-то краемъ глаза справа уловилъ Александръ Семеновичъ бѣлое пятно.

Затѣмъ истощный визгъ пронизалъ весь совхозъ, разросся и взлетѣлъ, а вальсъ запрыгалъ какъ съ перебитой ногой. Голова изъ зелени рванулась впередъ, глаза ея покинули Александра Семеновича, отпустивъ его душу на покаяніе. Змѣя приблизительно въ пятнадцать аршинъ и толщиной въ человѣка, какъ пружина, выскочила изъ лопуховъ. Туча пыли брызнула съ дороги и вальсъ кончился. Змѣя махнула мимо завѣдующаго совхозомъ прямо туда, гдѣ была бѣлая кофточка, на дорогѣ. Роккъ видѣлъ совершенно отчетливо: Маня стала желтобѣлой и ея длинные волосы какъ проволочные поднялись на поларшина надъ головой. Змѣя на глазахъ Рокка, раскрывъ на мгновение пасть, изъ которой вынырнуло что-то похожее на вилку, ухватила зубами Маню осѣдающую въ пыль за плечо, такъ что вздернула ее на аршинъ надъ землей. Тогда Маня повторила рѣжущій предсмертный крикъ. Змѣя извернулась пятисаженнымъ виңтомъ, хвостъ ея взмель смерчъ, и стала Маню давить. Та больше не издала ни одного звука и только Роккъ слышалъ, какъ лопались ея кости. Высоко надъ землей взметнулась голова Мани, нѣжно прижавшись къ змѣиной щекѣ. Изъ рта у Мани плеснуло кровью, вы-

скачила сломанная рука и изъ-подъ ногтей брызнули фонтанчики крови. Загѣмъ змѣя, вывихнувъ челюсти, раскрыла пасть и разомъ надѣла свою голову на голову Мани и стала налѣзать на нее, какъ перчатка на палець. Отъ змѣи во всѣ стороны било такое жаркое дыханіе, что оно коснулось лица Рокка, а хвостъ чуть не смель его съ дороги въ ѣдкой пыли. Вотъ тутъ-то Роккъ и посѣдѣлъ. Сначала лѣвая и потомъ правая половина его черной, какъ сапогъ, головы покрылась серебромъ. Въ смертной тошнотѣ онъ оторвался, наконецъ, отъ дороги и, ничего и никого не видя, оглашая окрестности дикимъ ревомъ, бросился бѣжать . . .

Глава IX.

Живая каша.

Агентъ государственнаго политическаго управленія на станціи Дугино, Шукинъ былъ очень храбрымъ человѣкомъ. Онъ задумчиво сказалъ своему товарищу, рыжему Полайтису:

— Ну, что жъ, поѣдемъ. А? Давай мотоциклъ, — потомъ помолчалъ и добавилъ, обращаясь къ человѣку, сидящему на лавкѣ: — флейту-то положите.

Но съдой трясущійся человѣкъ на лавкѣ, въ помещеніи дугинскаго ГПУ, флейты не положилъ, а заплакалъ и замычалъ. Тогда Шукинъ и Полайтисъ поняли, что флейту нужно вынуть. Пальцы присохли къ ней. Шукинъ, отличавшійся огромной, почти цирковой силой, сталъ палець за пальцемъ отгибать и отогнулъ всѣ. Тогда флейту положили на столъ.

Это было раннимъ солнечнымъ утромъ слѣдующаго за смертью Мани дня.

— Вы поѣдете съ нами, — сказалъ Шукинъ, обращаясь къ Александру Семеновичу, — покажете намъ

гдѣ и что. — Но Роккъ въ ужасѣ отстранился отъ него и руками закрылся, какъ отъ страшнаго видѣнія.

— Нужно показать, — добавилъ сурово Полайтисъ.

— Нѣтъ, оставь его. Видишь, человекъ не въ себѣ.

— Отправьте меня въ Москву, — плача, просилъ Александръ Семеновичъ.

— Вы развѣ совсѣмъ не вернетесь въ совхозъ?

Но Роккъ вмѣсто отвѣта опять заслонила руками и ужасъ потекъ изъ его глазъ.

— Ну, ладно, — рѣшилъ Шукинъ, — вы дѣйствительно не въ силахъ... Я вижу. Сейчасъ курьерскій пойдетъ, съ нимъ и поѣзжайте.

Затѣмъ у Шукина съ Полайтисомъ, пока сторожъ станціонный отпаивалъ Александра Семеновича водой и тотъ лязгалъ зубами по синей выщербленной кружкѣ, произошло совѣщаніе. Полайтисъ полагалъ, что вообще ничего этого не было, а просто-напросто Роккъ душевно-больной и у него была страшная галлюцинація. Шукинъ же склонялся къ мысли, что изъ города Грачевки, гдѣ въ настоящій моментъ гастролировала циркъ, убѣжалъ удавъ-констрикторъ. Услыхавъ ихъ сомнѣвающійся шопотъ, Роккъ привсталъ. Онъ нѣсколько пришелъ въ себя и сказалъ, простирая руки, какъ библейскій пророкъ:

— Слушайте меня. Слушайте. Что же вы не вѣрите? Она была. Гдѣ же моя жена?

Шукинъ сталъ молчаливъ и серьезенъ и немедленно далъ въ Грачевку какую-то телеграмму. Третій агентъ, по распоряженію Шукина, сталъ неотступно находится при Александрѣ Семеновичѣ и долженъ былъ сопровождать его въ Москву. Шукинъ же съ Полайтисомъ стали готовиться къ экспедиціи. У нихъ былъ всего одинъ электрическій револьверъ, но и это уже была хорошенькая защита. Пятидесятизарядная модель 27-го года, гордость французской техники для

близкаго боя, била всего на сто шаговъ, но давала поле 2 метра въ діаметръ и въ этомъ полѣ все живое убивала наповаль. Прوماхнуться было очень трудно. Шукинъ надѣлъ блестящую электрическую игрушку, а Полайтисъ обыкновенный 25-зарядный поясной пулеметикъ, взявъ обоймы и на одномъ мотоциклѣ, по утренней росѣ и холодку, они по шоссе покатались къ совхозу. Мотоциклъ простучалъ 20 верстъ, отдѣлявшихъ станцію отъ совхоза, въ четверть часа (Роккъ шелъ всю ночь, то-и-дѣло прячась, въ припадкахъ смертнаго страха, и придорожную траву), и когда солнце начало значительно припекать, на пригоркѣ, подъ которымъ вилась рѣчка Топь, глянулъ сахарный съ колоннами дворецъ въ зелени. Мертвая тишина стояла вокругъ. У самага подъѣзда къ совхозу агенты обогнали крестьянина на подводѣ. Тотъ плелся не спѣша, нагруженный какими-то мѣшками, и вскорѣ остался позади. Мотоциклетка пробѣжала по мосту и Полайтисъ затрубилъ въ рожокъ, чтобы вызвать кого-нибудь. Но никто и нигдѣ не отозвался, за исключеніемъ отдаленныхъ остервенившихся собакъ въ Кондовкѣ. Мотоциклъ, замедляя ходъ, подошелъ къ воротамъ съ позеленѣвшими львами. Запыленные агенты, въ желтыхъ гетрахъ, соскочили, прицѣпили цѣпью съ замкомъ къ переплету рѣшетки машину и вошли во дворъ. Тишина ихъ поразила.

— Эй, кто тутъ есть! — окликнулъ Шукинъ громко.

Но никто не отозвался на его басъ. Агенты обошли дворъ кругомъ, все болѣе удивляясь. Полайтисъ нахмурился. Шукинъ сталъ посматривать серьезно, все болѣе хмуря свѣтлыя брови. Заглянули черезъ закрытое окно въ кухню и увидали, что тамъ никого нѣтъ, но весь полъ усѣянъ бѣлыми осколками посуды.

— Ты знаешь, что-то дѣйствительно у нихъ случилось. Я теперь вижу. Катастрофа, — молвилъ Полайтисъ.

— Эй, кто тамъ есть! Эй! — кричалъ Шукинъ, но ему отвѣчало только эхо подъ сводами кухни.

— Чортъ ихъ знаетъ! — ворчалъ Шукинъ. — Въдь, не могла же она слопать ихъ всѣхъ сразу. Или разбѣжались. Идемъ въ домъ.

Дверь во дворцѣ съ колонной верандой была открыта настежь и въ немъ было совершенно пусто. Агенты прошли даже въ мезонинъ, стучали и открывали всѣ двери, но ничего рѣшительно не добились и черезъ вымершее крыльцо вновь вышли во дворъ.

— Обойдемъ кругомъ. Къ оранжереямъ, — распорядился Шукинъ, — все обшаримъ, а тамъ можно будетъ протелефонировать.

По кирпичной дорожкѣ агенты пошли, минуя клумбы, на задній дворъ, пересѣкли его и увидели блестящія стекла оранжереи.

— Погоди-ка, — замѣтилъ шопотомъ Шукинъ и отстегнулъ съ пояса револьверъ. Полайтесь насторожился и снялъ пулеметикъ. Странный и очень зычный звукъ тянулся въ оранжерею и гдѣ-то за нею. Похоже было, что гдѣ-то шипитъ паровозъ. Зау-зау... зау-зау... с-с-с-с... шипѣла оранжерея.

— А, ну-ка осторожно, — шепнулъ Шукинъ и, стараясь не стучать каблуками, агенты придвинулись къ самымъ стекламъ и заглянули въ оранжерею.

Тотчасъ Полайтесь откинулся назадъ и лицо его стало блѣдно. Шукинъ открылъ ротъ и застылъ съ револьверомъ въ рукѣ.

Вся оранжерея жила какъ червивая каша. Свиваясь и развиваясь въ клубки, шипя и разворачиваясь, шаря и качая головами, по полу оранжереи ползли огромныя змѣи. Битая скорлупа валялась на полу и хрустѣла подъ ихъ тѣлами. Вверху блѣдно горѣлъ огромной силы электрической шаръ и отъ этого вся внутренность оранжереи освѣщалась страшнымъ кинематографическимъ свѣтомъ. На полу торчали три темныхъ, словно фотографическихъ огромныхъ ящика, два изъ нихъ, сдвинутые и покосившіеся, потухли, а

въ третьемъ горѣло небольшое густо малиновое свѣтовое пятно. Змѣи всѣхъ размѣровъ ползли по проводамъ, поднимались по переплетамъ рамъ, вылѣзали черезъ отверстія въ крышѣ. На самомъ электрическомъ шарѣ висѣла совершенно черная, пятнистая змѣя въ нѣсколько аршинъ и голова ея качалась у шара, какъ маятникъ. Какія-то погремушки звякали въ шипѣннѣи, изъ оранжереи тянуло страннымъ гниlostнымъ, словно прудовымъ запахомъ. И еще смутно разглядѣли агенты кучи бѣлыхъ яицъ, валяющіяся въ пыльныхъ углахъ, и странную гигантскую птицу, лежащую неподвижно у камеръ, и трупъ человѣка въ сѣромъ у двери, рядомъ съ винтовкой.

— Назадъ, — крикнулъ Шукинъ и сталъ пятиться, лѣвой рукой отдавливая Полайтиса и поднимая правую револьверъ. Онъ успѣлъ выстрѣлить разъ девять, прошипѣвъ и выбросивъ около оранжереи зеленую молнію. Звукъ страшно усилился и въ отвѣтъ на стрѣльбу Шукина вся оранжерея пришла въ бѣшеное движеніе, и плоскія головы замелькали во всѣхъ дырахъ. Громъ тотчасъ же началъ скакать по всему совхозу и играть отблесками на стѣнкахъ. Чахъ-чахъ-чахъ тахъ, стрѣлялъ Полайтисъ, отступая задомъ. Странный, четырехлапый, шорохъ послышался за спиной и Полайтисъ вдругъ страшно крикнулъ, падая навзничь. Существо, на вывернутыхъ лапахъ, коричнево-зеленаго цвѣта, съ громадной острой мордой, съ гребенчатымъ хвостомъ, похожее на страшныхъ размѣровъ ящерицу, выкатилось изъ-за угла сарая и, яростно перекусивъ ногу Полайтису, сбilo его на землю.

— Помоги, — крикнулъ Полайтисъ, и тотчасъ лѣвая рука его попала въ пасть и хрустнула, правой рукой онъ, тщетно пытаясь поднять ее, повезъ револьверомъ по землѣ. Шукинъ обернулся и заметался. Разъ онъ успѣлъ выстрѣлить, но сильно взялъ въ сторону, потому что боялся убить товарища. Второй разъ онъ выстрѣлилъ по направленію оранжереи, потому что оттуда среди небольшихъ змѣиныхъ мордъ высу-

нулась одна огромная, оливковая и туловище выскочило прямо по направлѣнію къ нему. Этимъ выстрѣломъ онъ гигантскую змѣю убилъ и опять, прыгая и вертясь возлѣ Полайтиса, полумертваго уже въ пасти крокодила, выбиралъ мѣсто куда бы выстрѣлить, чтобы убить страшнаго гада, не тронувъ агента. Наконецъ, это ему удалось. Изъ электроревольвера хлопнуло два раза, освѣтивъ вокругъ все зеленоватымъ свѣтомъ, и крокодилъ, прыгнувъ, вытянулся, окоченѣвъ, и выпустилъ Полайтиса. Кровь у того текла изъ рукава, текла изо рта, и онъ, припадая на правую здоровую руку, тянулъ переломленную лѣвую ногу. Глаза его угасали.

— Шукинъ. . . бѣги, — промычалъ онъ, всхлипывая.

Шукинъ выстрѣлилъ нѣсколько разъ по направлѣнію оранжереи и въ ней вылетѣло нѣсколько стеколъ. Но огромная пружина, оливковая и гибкая, сзади выскочила изъ подвального окна, перескользнула дворъ, занявъ его весь пятисаженнымъ тѣломъ, и во мгновение обвила ноги Шукина. Его швырнуло внизъ на землю и блестящій револьверъ отпрыгнулъ въ сторону. Шукинъ крикнулъ мощно, потомъ задохся, потомъ кольца скрыли его совершенно, кромѣ головы. Кольцо прошло разъ по головѣ, сдирая съ нея скальпъ, и голова эта треснула. Больше въ совхозѣ не послышалось ни одного выстрѣла. Все погасилъ шипящій, покрывающій звукъ. И въ отвѣтъ ему очень далеко по вѣтру донесся изъ Концовки вой, но теперь уже нельзя было розобрать чей это вой, собачій или человѣчій.

Глава X.

Катастрофа.

Въ ночной редакціи газеты „Извѣстія“ ярко горѣли шары и толстый выпускающій редакторъ на свинцовомъ столѣ версталь вторую полосу съ телеграм-

мами "По Союзу Республик". Одна гранка попалась ему на глаза, онъ всмотрѣлся въ нее черезъ пенснэ и захохоталъ, созвалъ вокругъ себя корректоровъ изъ корректорской и метранпажа и всѣмъ показалъ эту гранку. На узенькой полоскѣ сырой бумаги было напечатано:

„Грачевка, Смоленской губерніи. Въ уѣздѣ появилась курица величиною съ лошадь и лягается, какъ конь. Въмѣсто хвоста у нея буржуазныя дамскія перья“.

Наборщики страшно хохотали.

— Въ мое время, — заговорилъ выпускающій, хихикая жирно, — когда я работалъ у Вани Сытина въ „Русскомъ Словѣ“, допивались до слоновъ. Это вѣрно. А теперь, стало быть, до страусовъ.

Наборщики хохотали.

— А, вѣдь, вѣрно, страусъ, — заговорилъ метранпажъ; — что же ставить, Иванъ Вонифатьевичъ?

— Да что ты, сдурѣлъ, — отвѣтилъ выпускающій, — я удивляюсь, какъ секретарь пропустилъ, — просто пьяная телеграмма.

— Попрасидновали, это вѣрно, — согласились наборщики и метранпажъ убралъ со стола сообщеніе о страусѣ.

Поэтому „Извѣстія“ и вышли на другой день, содержа, какъ обыкновенно, массу интереснаго матеріала, но безъ какихъ бы то ни было намековъ на грачевскаго страуса. Приватъ-доцентъ Ивановъ, аккуратно читающій „Извѣстія“, у себя въ кабинетѣ свернулъ листъ, зѣвнувъ, молвилъ: ничего интереснаго, и сталъ надѣвать бѣлый халатъ. Черезъ нѣкоторое время въ кабинетѣ у него загорѣлись горѣлки и заквакали лягушки. Въ кабинетѣ же профессора Персикова была кутерьма. Испуганный Панкратъ стоялъ и держалъ руки по швамъ.

— Понялъ... слушаю-сь, — говорилъ онъ.

Персиковъ запечатанный сургучомъ пакетъ вручилъ ему, говоря:

— Поѣдешь прямо въ отдѣлъ животноводства къ этому завѣдующему Птахѣ и скажешь ему прямо, что онъ—свинья. Скажи, что я такъ, профессоръ Персиковъ, такъ и сказала. И пакетъ ему отдай.

„Хорошенькое дѣло“... — подумала блѣдный Панкратъ и убрался съ пакетомъ.

Персиковъ бушевалъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое, — скулилъ онъ, разгуливая по кабинету и потирая руки въ перчаткахъ, — это неслыханное издѣвательство надо мной и надъ зоологіей. Эти проклятыя куриныя яйца везуть грудями, а я 2 мѣсяца не могу добиться необходимаго. Слово до Америки далеко! Вѣчная кутерьма, вѣчное безобразіе, — онъ сталъ считать по пальцамъ: ловля... ну, десять дней самое большее, ну, хорошо—пятнадцать... ну, хорошо, двадцать и перелетъ два дня, изъ Лондона въ Берлинъ день... Изъ Берлина къ намъ шесть часовъ... какое-то неопредѣленное безобразіе...

Онъ яростно набросился на телефонъ и сталъ куда-то звонить.

Въ кабинетѣ у него было все готово для какихъ-то таинственныхъ и опаснѣйшихъ опытовъ, лежала полосами нарѣзанная бумага для заклейки дверей, лежали водолазные шлемы съ отводными трубками и нѣсколько баллоновъ, блестящихъ какъ ртуть, съ этикеткою „доброхимъ“, „не прикасаться“ и рисункомъ черепа со скрещенными костями.

Понадобилось по меньшей мѣрѣ три часа, чтобъ профессоръ успокоился и приступилъ къ мелкимъ работамъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Въ институтѣ онъ работалъ до одиннадцати часовъ вечера, и поэтому ни о чемъ не зналъ, что творится за кремовыми стѣнами. Ни нелѣпый слухъ, пролетѣвшій по Москвѣ о какихъ-то змѣяхъ, ни странная выкрикнутая телеграмма въ вечерней газетѣ ему остались неизвѣстны, потому что доцентъ Ивановъ былъ въ Художественномъ

театръ на „Федоръ Іоанновичъ“, и, стало быть, сообщить новость профессору было некому.

Персиковъ около полуночи пріѣхалъ на Пречистенку и легъ спать, почитавъ еще на ночь въ кровати какую-то англійскую статью въ журналъ „Зоологическій Вѣстникъ“, полученномъ изъ Лондона. Онъ спалъ, да спала и вся вертящаяся до поздней ночи Москва, и не спалъ лишь громадный сѣрый корпусъ на Тверской ул. во дворѣ, гдѣ страшно гудѣли, потрясая все зданіе, ротационныя машины „Извѣстій“. Въ кабинетѣ выпускающаго происходила невѣроятная кутерьма и путаница. Онъ совершенно бѣшеный, съ красными глазами метался, не зная что дѣлать, и посылалъ всѣхъ къ чортовой матери. Метранпажъ ходилъ за нимъ и, дыша виннымъ духомъ, говорилъ:

— Ну что же, Иванъ Вонифатьевичъ, не бѣда, пускай завтра утромъ выпускаютъ экстренное приложеніе. Не изъ машины же номеръ выдирать.

Наборщики не разошлись домой, а ходили стаями, сбивались кучами и читали телеграммы, которыя шли теперь всю ночь напролетъ, черезъ каждые четверть часа, становясь все чудовищнѣе и страннѣе. Острая шляпа Альфреда Бронскаго мелькала въ ослѣпительномъ розовомъ свѣтѣ, заливавшемъ типографію, и механической толстякъ скрипѣлъ и ковылялъ, показываясь то здѣсь, то тамъ. Въ подъѣздѣ хлопали двери и всю ночь появлялись репортеры. По всѣмъ 12 телефонамъ типографіи звонили непрерывно и станція почти механически подавала въ отвѣтъ на загадочныя трубки „занято“, „занято“, и на станціи передъ безсонными барышнями пѣли и пѣли сигнальные рожки...

Наборщики облѣпили механическаго толстяка и капитанъ дальнаго плаванія говорилъ имъ:

— Аэропланы съ газомъ придется посылать.

— Не иначе, — отвѣчали наборщики, — въдь это что жъ такое. — Затѣмъ страшная матерная ругань

перекатывалась въ воздухъ и чей-то визгливый голосъ кричалъ :

— Этого Персикова разстрѣлять надо.

— При чемъ тутъ Персиковъ, — отвѣчали изъ гущи, — этого сукина сына въ совхозъ — вотъ кого разстрѣлять.

— Охрану надо было поставить, — выкрикивалъ кто-то.

— Да, можетъ, это вовсе и не яйца.

Все зданіе тряслось и гудѣло отъ ротационныхъ колесъ и создавалось такое впечатлѣніе, что сѣрый неприглядный корпусъ полыхаетъ электрическимъ пожаромъ.

Занявшійся день не остановилъ его. Напротивъ, только усилилъ, хоть и электричество погасло. Мотоциклетки одна за другой вкатывались въ асфальтовый дворъ, попережку съ автомобилями. Вся Москва встала и бѣлые листы газеты одѣли ее, какъ птицы. Листы сыпались и шуршали у всѣхъ въ рукахъ, и у газетчиковъ къ одиннадцати часамъ дня не хватило номеровъ, несмотря на то, что „Извѣстія“ выходили въ этомъ мѣсяцѣ съ тиражомъ въ полтора милліона экземпляровъ. Профессоръ Персиковъ выѣхалъ съ Пречистенки на автобусъ и прибылъ въ институтъ. Тамъ его ожидала новость. Въ вестибюль стояли аккуратно обшитые металлическими полосами деревянные ящики, въ количествѣ трехъ штукъ, испещренные заграничными наклейками на нѣмецкомъ языкѣ и надъ ними царствовала одна русская мѣловая надпись: „осторожно — яйца“.

Бурная радость овладѣла профессоромъ.

— Наконецъ-то, — вскричалъ онъ. — Панкратъ, взламывай ящики немедленно и осторожно, чтобы не побить. Ко мнѣ въ кабинетъ.

Панкратъ немедленно исполнилъ приказаніе и черезъ четверть часа въ кабинетъ профессора, усѣяномъ опилками и обрывками бумаги, забушевалъ его голосъ.

— Да они что же, издѣваются надо мною, что ли, — выль профессоръ, потрясая кулаками и вертя въ рукахъ яйца, — это какая то скотина, а не Птаха. Я не позволю смѣяться надо мной. Это что такое, Панкратъ?

— Яйца-съ, — отвѣчалъ Панкратъ горестно.

— Куриныя, понимаешь, куриныя, чортъ бы ихъ задраль! На какого дьявола они мнѣ нужны. Пусть посылають ихъ этому негодюю въ его совхозъ!

Персиковъ бросился въ уголь къ телефону, но не успѣлъ позвонить.

— Владиміръ Ипатьичъ! Владиміръ Ипатьичъ! — загремѣлъ въ коридорѣ института голосъ Иванова.

Персиковъ оторвался отъ телефона и Панкратъ стрѣльнулъ въ сторону, давая дорогу привать-доценту. Тотъ вбѣжалъ въ кабинетъ, вопреки своему джентльменскому обычаю, не снимая сѣрой шляпы, сидящей на затылкѣ, и съ газетнымъ листомъ въ рукахъ.

— Вы знаете, Владиміръ Ипатьичъ, что случилось, — выкрикивалъ онъ и взмахнулъ передъ лицомъ Персикова листомъ съ надписью: „экстренное приложеніе“, посрединѣ котораго красовался яркій цвѣтной рисунокъ.

— Нѣтъ, выслушайте, что они сдѣлали, — въ отвѣтъ закричалъ, не слушая, Персиковъ, — они меня вздумали удивить куриными яйцами. Этотъ Птаха форменный идиотъ, посмотрите!

Ивановъ совершенно ошалѣлъ. Онъ въ ужасѣ уставился на вскрытые ящики, потомъ на листъ, затѣмъ глаза его почти выпрыгнули съ лица.

— Такъ вотъ что, — задыхаясь забормоталъ онъ, — теперь я понимаю... Нѣтъ, Владиміръ Ипатьичъ вы только гляньте, — онъ мгновенно развернулъ листъ и дрожащими пальцами указалъ Персикову на цвѣтное изображеніе. На немъ, какъ страшный пожарный шлангъ, извивалась оливковая въ желтыхъ пятнахъ змѣя, въ странной смазанной зелени. Она была снята сверху, съ легонькой летательной машины, осторожно

скользнувшей надъ змѣей, — кто это по вашему, Владиміръ Ипатьичъ?

Персиковъ сдвинулъ очки на лобъ, потомъ передвинулъ ихъ на глаза, всмотрѣлся въ рисунокъ и сказалъ въ крайнемъ удивленіи:

— Что за чортъ. Это... да это анаконда, водяной удавъ...

Ивановъ сбросилъ шляпу, опустился на столъ и сказалъ, выстукивая каждое слово кулакомъ по столу:

— Владиміръ Ипатьичъ, эта анаконда изъ Смоленской губерніи. Что-то чудовищное. Вы понимаете, этотъ негодяй вывелъ змѣй вмѣсто куръ и, вы поймите, они дали такую же самую феноменальную кладку, какъ лягушки!

— Что такое? — отвѣтилъ Персиковъ и лицо его сдѣлалось бурнымъ... — Вы шутите, Петръ Степановичъ... Откуда?

Ивановъ онѣмѣлъ на мгновеніе, потомъ получилъ даръ слова и тыча пальцемъ въ открытый ящикъ, гдѣ сверкали бѣленькія головки въ желтыхъ опилкахъ, сказалъ:

— Вотъ откуда.

— Что-о?! — завылъ Персиковъ, начиная сообщать.

Ивановъ совершенно увѣренно взмахнулъ двумя сжатыми кулаками и закричалъ:

— Будьте покойны. Они вашъ заказъ на змѣиные и страусовыя яйца переслали въ совхозъ, а куриныя вамъ по ошибкѣ.

— Боже мой... Боже мой, — повторилъ Персиковъ и, зеленѣя лицомъ, сталъ садиться на винтящійся табуретъ.

Панкратъ совершенно одурѣлъ у двери, поблѣднѣлъ и онѣмѣлъ. Ивановъ вскочилъ, схватилъ листъ и, подчеркивая острымъ ногтемъ строчку, закричалъ въ уши профессору:

— Ну, теперь они будутъ имѣть веселую исторію!.. Что теперь будетъ, я рѣшительно не пред-

ставляю. Владиміръ Ипатьичъ, вы гляньте, — и онъ завопилъ вслухъ, вычитывая первое попавшееся мѣсто со скомканнаго листа... — Эмѣи идутъ стаями въ направленіи Можайска... откладывая неимовѣрныя количества яицъ. Яйца были замѣчены въ Духовскомъ уѣздѣ... Появились крокодилы и страусы. Части особаго назначенія... и отряды государственнаго управленія прекратили панику въ Вязьмѣ послѣ того, какъ зажгли пригородный лѣсъ, остановившій движеніе гадовъ...

Персиковъ разноцвѣтный, изсиня-блѣдный, съ сумасшедшими глазами, поднялся съ табурета и задыхаясь началъ кричать:

— Анаконда... анаконда... водяной удавь! Боже мой! — въ такомъ состояніи его еще никогда не видали ни Ивановъ, ни Панкратъ.

Профессоръ сорвалъ однимъ взмахомъ галстукъ, оборвалъ пуговицы на сорочкѣ, побагровѣлъ страшнымъ параличнымъ цвѣтомъ и, шатаясь, съ совершенно тупыми стеклянными глазами, ринулся куда-то вонъ. Вопль разлетѣлся подъ каменными сводами института.

— Анаконда... анаконда... — загремѣло эхо.

— Лови профессора! — взвизгнулъ Ивановъ Панкрату, заплававшему отъ ужаса на мѣстѣ. — Воды ему... у него ударъ.

Глава XI.

Бой и смерть.

Пылала бѣшеная электрическая ночь въ Москвѣ. Горѣли всѣ огни и въ квартирахъ не было мѣста, гдѣ бы не сіяли лампы со сброшенными абажурами. Ни въ одной квартирѣ Москвы, насчитывающей 4 милліона населенія, не спалъ ни одинъ человекъ кромѣ не-

осмысленныхъ дѣтей. Въ квартирахъ ѣли и пили какъ попало, въ квартирахъ что то выкрикивали и поминутно искаженные лица выглядывали въ окна во всѣхъ этажахъ, устремляя взоры въ небо, во всѣхъ направленіяхъ изрѣзанное прожекторами. На небѣ то-и-дѣло вспыхивали бѣлые огни, отбрасывали тающіе блѣдные конусы на Москву и исчезали и гасли. Небо непрерывно гудѣло очень низкимъ аэропланнымъ гуломъ. Въ особенности страшно было на Тверской Ямской. На Александровскій вокзалъ черезъ каждыя 10 минутъ приходили поѣзда, сбитые какъ попало изъ товарныхъ и разноклассныхъ вагоновъ и даже цистернъ, обѣпленныхъ обезумѣвшими людьми, и по Тверской-Ямской бѣжали густой кашей, ѣхали въ автобусахъ, ѣхали на крышахъ трамваевъ, давили другъ друга и попадали подъ колеса. На вокзалѣ то-и-дѣло вспыхивала трескучая тревожная стрѣльба поверхъ толпы — это воинскія части останавливали панику сумасшедшихъ, бѣгущихъ по стрѣлкамъ желѣзныхъ дорогъ изъ Смоленской губерніи на Москву. На вокзалѣ то-и-дѣло съ бѣшенымъ легкимъ всхлипываніемъ вылетали стекла въ окнахъ и выли всѣ паровозы. Всѣ улицы были усыяны плакатами, брошенными и растоптанными и эти же плакаты подъ жгучими малиновыми рефлекторами глядѣли со стѣнъ. Они всѣмъ уже были извѣстны и никто ихъ не читалъ. Въ нихъ Москва объявлялась на военномъ положеніи. Въ нихъ грозили за панику и сообщали, что въ Смоленскую губернію часть за частью ѣдутъ отряды красной арміи, вооруженные газами. Но плакаты не могли остановить воюющей ночи. Въ квартирахъ роняли и били посуду и цвѣточные вазоны, бѣгали задѣвая за углы, размазывали и сматывали какіе-то узлы и чемоданы, въ тщетной надеждѣ пробраться на Каланчевскую площадь, на Ярославскій или Николаевскій вокзалъ. Увы, всѣ вокзалы ведущіе на сѣверъ и востокъ были оцѣплены густѣйшимъ слоемъ пѣхоты, и громадные грузовики колыша и брэнча цѣпями, до верху нагруженные

ящиками, поверхъ которыхъ сидѣли армейцы въ остро-
конечныхъ шлемахъ, оцѣтинившіеся во всѣ стороны
штыками, увозили запасы золотыхъ монетъ изъ под-
валовъ народнаго комиссаріата финансовъ и громад-
ные ящики съ надписью: „осторожно. Третьяковская
галлерей“. Машины рывкали и бѣгали по всей
Москвѣ.

Очень далеко на небѣ дрожаль отсвѣтъ пожара
и слышались, колыша густую черноту августа, непре-
рывные удары пушекъ.

Подъ утро, по совершенно безсонной Москвѣ, не
потушившей ни одного огня, вверхъ по Тверской, сме-
тая все встрѣчное, что жалось въ подвѣзды и витри-
ны, выдавливая стекла, прошла многотысячная, стре-
кочущая копытами по торцамъ, змѣя конной арміи.
Малиновые башлыки мотались концами на сѣрыхъ
спинахъ и кончики пикъ кололи небо. Толпа, мечу-
щаяся и воющая, какъ будто ожила сразу, увидавъ
ломящіяся впередъ, разсѣкающія расплеснутое варе-
во безумія, шеренги. Въ толпѣ на тротуарахъ начали
призывно, съ надеждою, выть.

— Да здравствуетъ конная армія! — кричали
изступленные женскіе голоса.

— Да здравствуетъ! — отзывались мужчины.

— Задавать!!.. давать!.. — выли гдѣ-то.

— Помогите! — кричали съ тротуара.

Коробки папирозъ, серебрянные деньги, часы
полетѣли въ шеренги съ тротуаровъ, какія-то женщины
выскакивали на мостовую и, рискуя костями, плелись
съ боковъ коннаго строя, цѣпляясь за стремяна и цѣ-
луя ихъ. Въ непрерывномъ стрекотѣ копытъ изрѣд-
ка взмывали голоса взводныхъ:

— Короче поводъ.

Гдѣ-то пѣли весело и разухабисто и съ коней
смотрѣли въ зыбкомъ рекламномъ свѣтѣ лица въ за-
ломленныхъ малиновыхъ шапкахъ. То-и-дѣло преры-
вая шеренги конныхъ съ открытыми лицами, шли на
коняхъ же странныя фигуры, въ странныхъ чадрахъ,

съ отводными за спину трубками и съ баллонами на ремняхъ за спиной. За ними ползли громадные цистерны-автомобили, съ длиннѣйшими рукавами и шлангами, точно на пожарныхъ повозкахъ, и тяжелые, раздавливающіе торцы, наглухо закрытые и свѣтящіеся узенькими бойницами танки на гусеничныхъ лапахъ. Прерывались шеренги конныхъ и шли автомобили, зашитые наглухо въ сѣрую броню, съ тѣми же трубками, торчащими наружу, и бѣлыми нарисованными черепами на бокахъ съ надписью „газъ“ „Доброхимъ“.

— Выручайте, братцы, — завывали съ тротуаровъ, — бейте гадовъ... Спасайте Москву!

— Мать... мать... — перекатывалось по рядамъ. Папиросы пачками прыгали въ освѣщенномъ ночномъ воздухѣ и бѣлые зубы скалились на ошалѣвшихъ людей съ коней. По рядамъ разливалось глухое и щиплющее сердце пѣніе:

... Ни тузъ, ни дама, ни валетъ,
Побьемъ мы гадовъ безъ сомнѣнья,
Четыре съ боку вашихъ нѣтъ...

Гудящіе раскаты „ура“ выплывали надъ всей этой кашей, потому что пронесся слухъ, что впереди шеренгъ на лошади, въ такомъ же малиновомъ башлыкѣ, какъ и всѣ всадники, ѣдетъ ставшій легендарнымъ 10 лѣтъ назадъ, постарѣвшій и посѣдѣвшій командиръ конной громады. Толпа завывала и въ небо улетала, немного успокаивая мятущіеся сердца, гулъ „ура... ура“...

* * *

Институтъ былъ скупо освѣщенъ. Событія въ него долетали только отдѣльными, смутными и глухими отзвуками. Разъ подъ огненными часами близъ манежа грохнулъ вѣромъ залпъ, это разстрѣляли на мѣстѣ мародеровъ, пытавшихся ограбить квартиру на Волконкѣ. Машиннаго движенія на улицѣ здѣсь было мало, оно все сбивалось къ вокзаламъ. Въ кабинетѣ

профессора, гдѣ тускло горѣла одна лампа, отбрасывающая пучекъ на столъ, Персиковъ сидѣлъ, положивъ голову на руки, и молчалъ. Слоистый дымъ вѣялъ вокругъ него. Лучъ въ ящикѣ погасъ. Въ терраріяхъ лягушки молчали, потому что уже спали. Профессоръ не работалъ и не читалъ. Въ сторонѣ, подѣ лѣвымъ его локтемъ, лежалъ вечерній выпускъ телеграммъ на узкой полосѣ, сообщавшій, что Смоленскъ горитъ весь и что артиллерія обстрѣливаетъ Можайскій лѣсъ по квадратамъ, громя залежи крокодильихъ яицъ, разложенныхъ во всѣхъ сырыхъ оврагахъ. Сообщалось, что эскадрилья аэроплановъ подѣ Вязмою дѣйствовала весьма удачно, заливъ газомъ почти весь уѣздъ, но что жертвы человѣческія въ этихъ пространствахъ неисчислимы изъ-за того, что населеніе, вмѣсто того, чтобы покидать уѣзды въ порядкѣ правильной эвакуаціи, благодаря паникѣ, металось разрозненными группами на свой рискъ и страхъ, кидаясь куда глаза глядятъ. Сообщалось, что отдѣльная кавказская кавалерійская дивизія въ Можайскомъ направленіи блистательно выиграла бой со страусовыми стаями, перерубивъ ихъ всѣхъ и уничтоживъ громадныя кладки страусовыхъ яицъ. При этомъ дивизія понесла незначительныя потери. Сообщалось отъ правительства, что въ случаѣ, если гадовъ не удастся удержать въ 200-верстовой зонѣ отъ столицы, она будетъ эвакуирована въ полномъ порядкѣ. Служащіе и рабочіе должны соблюдать полное спокойствіе. Правительство приметъ самыя жестокія мѣры къ тому, чтобы не допустить смоленской исторіи, въ результатъ которой, благодаря смятенію, вызванному неожиданнымъ нападеніемъ гремучихъ змѣй, появившихся въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, городъ загорѣлся во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бросили горящія печи и начали безнадежный повальный исходъ. Сообщалось, что продовольствіемъ Москва обеспечена по меньшей мѣрѣ на полгода и что совѣтъ при главнокомандующемъ предпринимаетъ срочныя мѣры къ бронировкѣ квартиръ

для того, чтобы вести бои съ гадами на самыхъ улицахъ столицы, въ случаѣ, если краснымъ арміямъ и аэропланамъ и эскадрильямъ не удастся удержать нашествіе пресмыкающихся.

Ничего этого профессоръ не читалъ, смотрѣлъ остеклянѣвшими глазами передъ собой и курилъ. Кромѣ него только два человѣка были въ институтѣ — Панкратъ и, — то-и-дѣло заливающаяся слезами, экономка Марья Степановна, безсонная уже третью ночь, которую она проводила въ кабинетѣ профессора, ни за что не желающаго покинуть свой единственный оставшійся потухшій ящикъ. Теперь Марья Степановна прикутилась на клеенчатомъ диванѣ, въ тѣни въ углу, и молчала въ скорбной думѣ, глядя какъ чайникъ съ чаемъ, предназначеннымъ для профессора, закипалъ на треножникѣ газовой горѣлки. Институтъ молчалъ, и все произошло внезапно.

Съ тротуара вдругъ послышались ненавистные звонкіе крики, такъ что Марья Степановна вскочила и взвизгнула. На улицѣ замелькали огни фонарей и отозвался голосъ Панкрата въ вестибюль. Профессоръ плохо воспринялъ этотъ шумъ. Онъ поднялъ н мгновение голову, пробормоталъ: „ишь какъ бѣснуются... что жъ я теперь подѣлаю“. И вновь впал въ оцѣпенѣніе. Но оно было нарушено. Страшно загремѣли кованныя двери института, выходящія на Герцена, и всѣ стѣны затряслись. Затѣмъ лопнулъ сплошной зеркальный слой въ сосѣднемъ кабинетѣ. Зазвенѣло и высыпалось стекло въ кабинетѣ профессора и сѣрый булыжникъ прыгнулъ въ окно, разваливъ стеклянный столъ. Лягушки шарахнулись въ терраріяхъ и подняли вопль. Заметалась, завизжала Марья Степановна, бросилась къ профессору, хватая его за руки и крича: — убѣгайте, Владиміръ Ипатьичъ, убѣгайте. — Тотъ поднялся съ винтащагося стула, выпрямился и, сложивъ палецъ крючочкомъ, отвѣтилъ, при чемъ его глаза на мигъ приобрѣли прежній остренькій

блескъ, напоминавшій прежняго вдохновеннаго Персикова.

— Никуда я не пойду. — проговорилъ онъ, — это просто глупость, — они мечутся, какъ сумасшедшіе... Ну, а если вся Москва сошла съ ума, то куда же я уйду. И, пожалуйста, перестаньте кричать. При чемъ здѣсь я. Панкратъ! — позвалъ онъ и нажалъ кнопку.

Вѣроятно онъ хотѣлъ, чтобъ Панкратъ прекратилъ всю суету, которой онъ вообще никогда не любилъ. Но Панкратъ ничего уже не могъ подѣлать. Грохоть кончился тѣмъ, что двери института растворились и издалека донеслись хлопшечки выстрѣловъ, а потомъ весь каменный институтъ загрохоталъ бѣгомъ, выкриками, боемъ стеколъ. Марья Степановна вцѣпилась въ рукавъ Персикова и начала его тащить куда-то, онъ отбился отъ нее, вытянулся во весь ростъ и, какъ былъ въ бѣломъ халатѣ, вышелъ въ коридоръ.

— Ну? — спросилъ онъ. Двери распахнулись, и первое, что появилось въ дверяхъ, это спина военнаго съ малиновымъ шеврономъ и звѣздой на лѣвомъ рукавѣ. Онъ отступалъ изъ двери, въ которую напирала яростная толпа, спиной и стрѣлялъ изъ револьвера. Потомъ онъ бросился бѣжать мимо Персикова, крикнувъ ему:

— Профессоръ, спасайтесь, я больше ничего не могу сдѣлать.

Его словамъ отвѣтилъ визгъ Марьи Степановны. Военный проскочилъ мимо Персикова, стоящаго какъ бѣлое изваяніе, и исчезъ въ тѣмъ извилистыхъ коридоровъ въ противоположномъ концѣ. Люди вылетѣли изъ дверей, завывая:

— Бей его! Убивай...

— Мірового злодѣя!

— Ты распустилъ гадовъ!

Искаженные лица, разорванные платья запрыгали въ коридорахъ и кто-то выстрѣлилъ. Замелькали палки. Персиковъ немного отступилъ назадъ, прик-

рыль дверь, ведущую въ кабинетъ, гдѣ въ ужасѣ, на полу на колѣняхъ стояла Марья Степановна, распротеръ руки, какъ распятый . . . онъ не хотѣлъ пустить толпу и закричалъ въ раздраженіи:

— Это форменное сумасшествіе . . вы совершенно дикіе звѣри. Что вамъ нужно? — Завылъ: — вонъ отсюда! — и закончилъ фразу рѣзкимъ, всѣмъ знакомымъ выкрикомъ: — Панкратъ, гони ихъ вонъ.

Но Панкратъ никого уже не могъ выгнать. Панкратъ съ разбитой головой, истоптанный и рваный въ клочья лежалъ неподвижно въ вестибюлѣ и новыя и новыя толпы рвались мимо него, не обращая вниманія на стрѣльбу милиціи съ улицы.

Низкій человекъ, на обезьяньихъ кривыхъ ногахъ, въ разорванномъ пиджакѣ, въ разорванной манишкѣ, сбившейся на сторону, опередилъ другихъ, дорвался до Персикова и страшнымъ ударомъ палки раскроилъ ему голову. Персиковъ качнулся, сталъ падать на бокъ и послѣднимъ его словомъ были:

— Панкратъ . . . Панкратъ . . .

Ни въ чемъ неповинную Марью Степановну убили и растерзали въ кабинетѣ, камеру, гдѣ потухъ лучъ, разнесли въ клочья, въ клочья разнесли терраріи, перебивъ и истоптавъ обезумѣвшихъ лягушекъ, раздробили стеклянные столы, раздробили рефлекторы, а черезъ часъ институтъ пылалъ, возлѣ него валялись трупы, оцѣпленные шеренгою вооруженныхъ электрическими револьверами, и пожарные автомобили, насасывая воду изъ крановъ, лили струи во всѣ окна, изъ которыхъ, гудя, длинно выбивалось пламя.

Г Л А В А XII.

Морозный богъ на машинѣ.

Въ ночь съ 19-го на 20-е августа 1928 года упалъ неслыханный, никѣмъ изъ старожиловъ никогда еще неотмѣченный, морозъ. Онъ пришелъ и продержался

двое сутокъ, достигнувъ 18 градусовъ. Остервенѣвшая Москва заперла всѣ окна, всѣ двери. Только къ концу третѣихъ сутокъ поняло населеніе, что морозъ спасъ столицу и тѣ безграничныя пространства, которыми она владѣла и на которыя упала страшная бѣда 28-года. Конная армія подъ Мажайскомъ, потерявшая три четверти своего состава, начала изнемогать и газовыя эскадральи не могли остановить движенія мерзкихъ пресмыкающихся, полукольцомъ заходившихъ съ запада, юго-запада и юга по направленію къ Москвѣ.

Ихъ задушилъ морозъ. Двухъ сутокъ по 18 градусовъ не выдержали омерзительныя стаи и въ 20-хъ числахъ августа, когда морозъ исчезъ оставивъ лишь сырость и мокроту, оставивъ влагу въ воздухѣ, оставивъ побитую нежданнымъ холодомъ зелень на деревьяхъ, биться больше было не съ кѣмъ. Бѣда кончилась. Лѣса, поля, необозримыя болота были еще завалены разноцвѣтными яйцами, покрыты порою страннымъ, нездѣшнимъ невиданнымъ рисункомъ, который безвѣстно пропавшій Роккъ принималъ за грязюку, но эти яйца были совершенно безвредны. Они были мертвы, зародыши въ нихъ прикончены.

Необозримыя пространства земли еще долго гнили отъ безчисленныхъ труповъ крокодиловъ и змѣй, вызванныхъ къ жизни таинственнымъ, родившимся на улицѣ Герцена въ геніальныхъ глазахъ лучомъ, но они уже не были опасны, непрочныя созданья гниlostныхъ жаркихъ тропическихъ болотъ погибли въ два дня, оставивъ на пространствѣ трехъ губерній страшное зловоніе, разложеніе и гной.

Были долгія эпидеміи, были долго повальныя болѣзни отъ труповъ гадовъ и людей, и долго еще ходила армія, но уже не снабженная газами, а саперными принадлежностями, керосинными цистернами и шлангами, очищая землю. Очистила и все кончилось къ веснѣ 29-го года.

А весною 29-го года опять затанцовала, загорѣлась и завертѣлась огнями Москва, и опять попрежне-

му шаркало движеніе механическихъ экипажей, и надъ шапкою храма Христа висѣлъ, какъ на ниточкѣ лунный серпъ, и на мѣстѣ сгорѣвшаго въ августѣ 28 года двухъэтажнаго института выстроили новый зоологическій дворецъ и имъ завѣдывалъ приватъ-доцентъ Ивановъ, но Персикова уже не было. Никогда не возникалъ передъ глазами людей скорченный убѣдительный крючокъ изъ пальца и никто больше не слышалъ скрипучаго квакающаго голоса. О лучѣ и катастрофѣ 28 года еще долго говорилъ и писалъ весь міръ, но потомъ имя профессора Владиміра Ипатьевича Персикова одѣлось туманомъ и погасло, какъ погасъ и самый открытый имъ въ апрѣльскую ночь красный лучъ. Лучъ же этотъ вновь получить не удалось, хоть иногда изящный джентльменъ, и нынѣ ординарный профессоръ, Петръ Степановичъ Ивановъ и пытался. Первую камеру уничтожила разъяренная толпа въ ночь убійства Персикова. Три камеры сгорѣли въ Никольскомъ совхозѣ „Красный Лучъ“ при первомъ боѣ эскадрильи съ гадами, а возстановить ихъ не удалось. Какъ ни просто было сочетаніе стеколь съ зеркальными пучками свѣта, его не скомбинировали второй разъ, несмотря на старанія Иванова. Очевидно для этого нужно было что-то особенное кромѣ знанія, чѣмъ обладалъ въ мірѣ только одинъ человекъ — покойный профессоръ Владиміръ Ипатьевичъ Персиковъ.

Дьяволіада.

**Повѣсть о томъ, какъ близнецы погубили
дѣлопроизводителя**

I.

Происшествіе 20-го числа.

Въ то время, какъ всѣ люди скакали съ одной службы на другую, товарищъ Коротковъ прочно служилъ въ Главцентрбазспиматѣ (Главная Центральная База Спичечныхъ Матеріаловъ) на штатной должности дѣлопроизводителя и прослужилъ въ ней цѣлыхъ 11 мѣсяцевъ.

Пригрѣвшись въ Спиматѣ, нѣжный, тихій блондинъ Коротковъ совершенно вытравилъ у себя въ душѣ мысль, что существуютъ на свѣтѣ такъ называемыя превратности судьбы, и привилъ взаимнѣ нея увѣренность, что онъ — Коротковъ — будетъ служить въ базѣ до окончанія жизни на земномъ шарѣ. Но, увы, вышло совсѣмъ не такъ...

20 сентября 1921 года кассиръ Спимата накрылся своей противной ушастой шапкой, уложилъ въ портфель полосатую ассигновку и уѣхалъ. Это было въ 11 часовъ пополудни.

Вернулся же кассиръ въ 4^{1/2} часа пополудни, совершенно мокрый. Приѣхавъ, онъ стряхнулъ съ шапки воду, положилъ шапку на столъ, а на шапку — портфель и сказалъ:

— Не напирайте, господа.

Потомъ пошарилъ зачѣмъ-то въ столъ, вышелъ изъ комнаты и вернулся черезъ четверть часа съ большой мертвой курицей со свернутой шеей. Курицу онъ положилъ на портфель, на курицу — свою правую руку, и молвилъ:

— Денегъ не будетъ.

— Завтра? — хоромъ закричали женщины.

— Нѣтъ, — кассиръ замоталъ головой, — и завтра не будетъ, и послѣзавтра. Не налѣзайте, господа, а то вы мнѣ, товарищи, столь опрокинете.

— Какъ? — вскричали всѣ и въ томъ числѣ навивный Коротковъ.

— Граждане! — плачущимъ голосомъ запѣлъ кассиръ и локтемъ отмахнулся отъ Короткова, — я же прошу!

— Да какъ же? — кричали всѣ и громче всѣхъ этотъ комикъ Коротковъ.

— Ну, пожалуйста, — сипло пробормоталъ кассиръ и, вытащивъ изъ портфеля ассигновку, показалъ ее Короткову.

Надъ тѣмъ мѣстомъ, куда тыкала грязный ноготь кассира, наискось было написано красными чернилами: „Выдать. За т. Субботникова — Сенатъ“.

Ниже фіолетовыми было написано:

„Денегъ нѣтъ. За т. Иванова — Смирновъ“.

— Какъ? — крикнулъ одинъ Коротковъ, а остальные, пыхтя, навалились на кассира.

— Ахъ, ты, Господи! — растерянно занялъ тотъ. — При чемъ я тутъ? Боже ты мой!

Торопливо засунувъ ассигновку въ портфель, онъ накрылся шапкой, портфель сунулъ подъ-мышку, взмахнулъ курицей, крикнулъ: „Пропустите, пожалуйста!“ и, проломивъ брешь въ живой стѣнѣ, исчезъ въ дверяхъ.

За нимъ съ пискомъ побѣжала блѣдная регистраторша на высокихъ заостренныхъ каблукахъ, лѣвый каблукъ у самыхъ дверей съ хрустомъ отвалился, регистраторша качнулась, подняла ногу и сняла туфлю.

И въ комнатѣ осталась она, — босая на одну ногу, и всѣ остальные, въ томъ числѣ и Коротковъ.

Продукты производства.

Черезъ три дня послѣ описаннаго событія дверь отдѣльной комнаты, гдѣ занимался товарищъ Коротковъ, пріоткрылась, и женская заплаканная голова злобно сказала:

— Товарищъ Коротковъ, идите жалованье получать.

— Какъ? — радостно воскликнулъ Коротковъ и, насвистывая увертюру изъ „Карменъ“, побѣжалъ въ комнату съ надписью: „касса“. У кассирскаго стола онъ остановился и широко открылъ ротъ. Двѣ толстыхъ колонны, состоящія изъ желтыхъ пачекъ, возвышались до самаго потолка. Чтобы не отвѣчать ни на какіе вопросы, потный и взволнованный кассиръ кнопкой прищипилъ къ стѣнѣ ассигновку, на которой теперь имѣлась третья надпись зелеными чернилами:

„Выдать продуктами производства.

За т. Богдавленскаго — Преображенскій.

И я полагаю — Кшесинскій“.

Коротковъ вышелъ отъ кассира, широко и глупо улыбаясь. Въ рукахъ у него было 4 большихъ желтыхъ пачки, 5 маленькихъ зеленыхъ, а въ карманахъ 13 синихъ коробокъ спичекъ. У себя въ комнатѣ, прислушиваясь къ гулу изумленныхъ голосовъ въ канцеляріи, онъ упаковалъ спички въ два огромныхъ листа сегодняшней газеты и, не сказавшись никому, отбылъ со службы домой. У подъѣзда Спимата онъ чуть не попалъ подъ автомобиль, въ которомъ кто-то подѣхалъ, но кто именно, Коротковъ не разглядѣлъ.

Прибывъ домой, онъ выложилъ спички на столъ и, отойдя, полюбовался на нихъ. Глупая улыбка не сходила съ его лица. Затѣмъ Коротковъ взерошилъ бѣлокурые волосы и сказалъ самому себѣ:

— Ну-съ, унывать тутъ долго нечего. Постараемся ихъ продать.

Онъ постучался къ сосѣдкѣ своей, Александрѣ Федоровнѣ, служащей въ Губвинскладѣ.

— Войдите, — глухо отозвалось въ комнатѣ.

Коротковъ вошелъ и изумился. Преждевременно вернувшаяся со службы Александра Федоровна въ пальто и шапочкѣ сидѣла на корточкахъ на полу. Передъ нею стоялъ строй бутылокъ съ пробками изъ газетной бумаги, наполненныхъ жидкостью густого красного цвѣта. Лицо у Александры Федоровны было заплакано.

— 46, — сказала она и повернулась къ Короткову.

— Это чернила? . . — Здравствуйте, Александра Федоровна, — вымолвилъ пораженный Коротковъ.

— Церковное вино, — всхлипнувъ, отвѣтила сосѣдка.

— Какъ, и вамъ? — ахнулъ Коротковъ.

— И вамъ церковное? — изумилась Александра Федоровна.

— Намъ — спички, — угасшимъ голосомъ отвѣтилъ Коротковъ и закрутилъ пуговицу на пиджакѣ.

— Да вѣдь они же не горять! — вскричала Александра Федоровна, поднимаясь и отряхивая юбку.

— Какъ это такъ, не горять? — испугался Коротковъ и бросился къ себѣ въ комнату. Тамъ, не теряя ни минуты, онъ схватилъ коробку, съ трескомъ распечаталъ ее и чиркнулъ спичкой. Она съ шипѣньемъ вспыхнула зеленоватымъ огнемъ, переломилась и погасла. Коротковъ, задохнувшись отъ ѣдкаго сѣрнаго запаха, болѣзненно закашлялся и зажегъ вторую. Та выстрѣлила и два огня брызнули отъ нея. Первый попалъ въ оконное стекло, а второй — въ лѣвый глазъ товарища Короткова.

— А-ахъ! — крикнулъ Коротковъ и выронилъ коробку.

Нѣсколько мгновений онъ перебиралъ ногами, какъ горячая лошадь, и зажималъ глазъ ладонью. Затѣмъ съ ужасомъ заглянулъ въ бритвенное зеркаль-

де, увѣренный, что лишился глаза. Но глазъ оказался на мѣстѣ. Правда, онъ былъ красенъ и источалъ слезы.

— Ахъ, Боже мой! — разстроился Коротковъ, немедленно досталъ изъ комода американскій индивидуальный пакетъ, вскрылъ его, обвязалъ лѣвую половину головы и сталъ похожъ на раненаго въ бою.

Всю ночь Коротковъ не гасилъ огня и лежалъ, чиркая спичками. Вычиркалъ онъ, такимъ образомъ, три коробки, при чемъ ему удалось зажечь 63 спички.

— Вреть, дура, — ворчалъ Коротковъ, — прекрасныя спички.

Подъ утро комната наполнилась удушливымъ сѣрнымъ запахомъ. На разсвѣтѣ Коротковъ уснулъ и увидалъ дурацкій, страшный сонъ: будто бы на зеленомъ лугу очутился передъ нимъ огромный, живой биллиардный шаръ на ножкахъ. Это было такъ скверно, что Коротковъ закричалъ и проснулся. Въ мутной мглѣ еще секундъ пять ему мерещилось, что шаръ тутъ, возлѣ постели, и очень сильно пахнетъ сѣрой. Но потомъ все это пропало; поворочавшись, Коротковъ заснулъ и уже не просыпался.

III

Лысый появился,

На слѣдующее утро Коротковъ, сдвинувъ повязку, убѣдился, что глаза его почти выздоровѣли. Тѣмъ не менѣе повязку излишне осторожный Коротковъ рѣшилъ пока не снимать.

Явившись на службу съ крупнымъ опозданіемъ, хитрый Коротковъ, чтобы не возбуждать кривотолковъ среди низшихъ служащихъ, прямо прошелъ къ

себѣ въ комнату и на столѣ нашель бумагу, въ коей завѣдующій подотдѣломъ укомплектованія запрашивалъ завѣдующаго базой, — будетъ ли выдано машинисткамъ обмундированіе. Прочитавъ бумагу правымъ глазомъ, Коротковъ взялъ ее и отправился по коридору къ кабинету завѣдующаго базой т. Чекушина.

И вотъ у самыхъ дверей въ кабинетъ Коротковъ столкнулся съ неизвѣстнымъ, поразившимъ его своимъ видомъ.

Этотъ неизвѣстный былъ настолько маленькаго роста, что достигалъ высокому Короткову только до талии. Недостатокъ роста искупался чрезвычайной шириной плечъ неизвѣстнаго. Квадратное туловище сидѣло на искривленныхъ ногахъ, при чемъ лѣвая была хромая. Но примѣчательнѣе всего была голова. Она представляла собою точную гигантскую модель яйца, насаженнаго на шею горизонтально и острымъ концомъ впередъ. Лысой она была тоже, какъ яйцо, и настолько блестящей, что на темени у неизвѣстнаго, не угасая, горѣли электрическія лампочки. Крохотное лицо неизвѣстнаго было выбрито до синевы, и зеленые маленькіе, какъ булабочныя головки, глаза сидѣли въ глубокихъ впадинахъ. Тѣло неизвѣстнаго было облечено въ разстегнутый, сшитый изъ сѣраго одѣяла френчъ, изъ-подъ котораго выглядывала малороссійская вышитая рубашка, ноги въ штанахъ изъ такого же матеріала и низенькихъ съ вырѣзомъ сапожкахъ гусара времени Александра I.

„Т-типикъ“, — подумалъ Коротковъ и устремился къ двери Чекушина, стараясь миновать лысаго. Но тотъ совершенно неожиданно загородилъ Короткову дорогу.

— Что вамъ надо? — спросилъ лысый Короткова такимъ голосомъ, что нервный дѣлопроизводитель вздрогнулъ. Этотъ голосъ былъ совершенно похожъ на голосъ мѣднаго таза и отличался такимъ тембромъ, что у каждаго, кто его слышалъ, при каждомъ словѣ

происходило вдоль позвоночника ощущение шершавой проволоки. Кроме того Короткову показалось, что слова неизвестного пахнут спичками. Несмотря на все это, недалновидный Коротков сдѣлалъ то, чего дѣлать ни въ коемъ случаѣ не слѣдовало, — обидѣлся.

— Гм . . . довольно странно. Я иду съ бумагой. . .
А позвольте узнать, кто вы так . . .

— А вы видите, что на двери написано?

Коротковъ посмотрѣлъ на дверь и увидаль давно знакомую надпись: „Безъ доклада не входить“.

— Я и иду съ докладомъ, — сглупилъ Коротковъ, указывая на свою бумагу.

Лысый квадратный неожиданно разсердился. Глазки его вспыхнули желтоватыми искорками.

— Вы, товарищъ, — сказалъ онъ, оглушая Короткова кастрюльными звуками, — настолько неразвиты, что не понимаете значенія самыхъ простыхъ служебныхъ надписей. Я положительно удивляюсь, какъ вы служили до сихъ поръ. Вообще тутъ у васъ много интереснаго, напримѣръ, эти подбитые глаза на каждомъ шагу. Ну, ничего, это мы все приведемъ въ порядокъ. („А-а!“ ахнулъ про себя Коротковъ).
Дайте сюда!

И съ послѣдними словами неизвестный вырвалъ изъ рукъ Короткова бумагу, мгновенно прочелъ ее, вытащилъ изъ кармана штановъ обгрызанный химическій карандашъ, приложилъ бумагу къ стѣнѣ и косо написалъ нѣсколько словъ.

— Ступайте! — рявкнулъ онъ и ткнулъ бумагу Короткову такъ, что чуть не выкололъ ему и послѣдній глазъ. Дверь въ кабинетъ взвыла и проглотила неизвестнаго, а Коротковъ остался въ оцѣпенѣннн, — въ кабинетѣ Чекушина не было.

Пришелъ въ себя сконфуженный Коротковъ черезъ полминуты, когда вплотную налетѣлъ на Лидочку де-Руни, личную секретаршу т. Чекушина.

— А-ахъ! — ахнулъ т. Коротковъ. Глазъ у Лидочки былъ закутанъ точно такимъ же индивидуальнымъ матеріаломъ съ той разницею, что концы бинта были завязаны кокетливымъ бантомъ.

— Что это у васъ?

— Спички! — раздраженно отвѣтила Лидочка, — проклятыя.

— Кто тамъ такой? — шопотомъ спросилъ убитый Коротковъ.

— Развѣ вы не знаете? — зашептала Лидочка, — новый.

— Какъ? — пискнулъ Коротковъ, — а Чекушинъ?

— Выгнали вчера, — злобно сказала Лидочка, и прибавила, ткнувъ пальчикомъ по направленію кабинета: — Ну, и гу-усь. Вотъ это фруктъ. Такого противнаго я въ жизнь свою не видала. Ореть! Уволить!.. Подштанники лысые! — добавила она неожиданно, такъ что Коротковъ выпучилъ на нее глазъ.

— Какъ фа...

Коротковъ не успѣлъ спросить. За дверью кабинета грянулъ страшный голосъ: „Курьера!“ Дѣлопроизводитель и секретарша мгновенно разлетѣлись въ разныя стороны. Прилетѣвъ въ свою комнату, Коротковъ сѣлъ за столъ и произнесъ самъ себѣ такую рѣчь:

— Ай, яй, яй... Ну, Коротковъ, ты влопался. Нужно это дѣльце исправлять... „Неразвиты“... Хм... Нахаль... Ладно! Вотъ ты увидишь, какъ это такъ Коротковъ неразвѣтъ.

И однимъ глазомъ дѣлопроизводитель прочелъ писаніе лысаго. На бумагѣ стояли кривыя слова: „Всѣмъ машинисткамъ и женщинамъ вообще своевременно будутъ выданы солдатскіе кальсоны“.

— Вотъ это здорово! — восхищенно воскликнулъ Коротковъ и сладострастно дрогнулъ, представивъ себѣ Лидочку въ солдатскихъ кальсонахъ. Онъ,

немедля, вынулъ чистый листъ бумаги и въ три минуты сочинилъ :

„Телефонограмма.

Завѣдующему подотдѣломъ укомплектованія точка. Въ отвѣтъ на отношеніе ваше за № 0,15015 (6) отъ 19-го числа, запятая Главспимать сообщаетъ запятая, что всѣмъ машинисткамъ и вообще женщинамъ своевременно будутъ выданы солдатскіе кальсоны точка Завѣдывающій тире подпись Дѣлопроизводитель тире Варфоломей Коротковъ точка“.

Онъ позвонилъ и явившемуся курьеру Пантелеймону сказалъ :

— Завѣдующему на подпись.

Пантелеймонъ пожевалъ губами, взялъ бумагу и вышелъ.

Четыре часа послѣ этого Коротковъ прислушивался, не выходя изъ своей комнаты, въ томъ расчетѣ, чтобы новый завѣдывающій, если вздумаетъ обходить помѣщеніе, непременно засталъ его погруженнымъ въ работу. Но никакихъ звуковъ изъ страшнаго кабинета не доносилось. Разъ только долетѣлъ смутный чугунный голосъ, какъ-будто угрожающій кого-то уволить, но кого именно, Коротковъ не слышалъ, хоть и припадалъ ухомъ къ замочной скважинѣ. Въ 3¹/₂ часа пополудни за стѣнной канцеляріи раздался голосъ Пантелеймона :

— Уѣхали на машинѣ.

Канцелярія тотчасъ зашумѣла и разбѣжалась. Позже всѣхъ въ одиночествѣ отбылъ домой т. Коротковъ.

IV

Параграфъ первый—Коротковъ вылетѣлъ.

На слѣдующее утро Коротковъ съ радостью убѣдился, что глазъ его больше не нуждается въ лѣченіи повязкой, поэтому онъ съ облегченіемъ сбросилъ

бинтъ и сразу похорошѣлъ и измѣнился. Напившись чаю на скорую руку, Коротковъ потушилъ примусъ и побѣжалъ на службу, стараясь не опоздать, и опоздалъ на 50 минутъ, изъ за того, что трамвай вмѣсто шестого маршрута пошелъ окружнымъ путемъ по седьмому, заѣхалъ въ отдаленныя улицы съ маленькими домиками и тамъ сломался. Коротковъ пѣшкомъ одолѣлъ три версты и, запыхавшись, вбѣжалъ въ канцелярію, какъ разъ когда кухонные часы Альпійской Розы пробили одиннадцать разъ. Въ канцеляріи его ожидало зрѣлище совершенно необычайное для одиннадцати часовъ утра. Лидочка де-Руни, Милочка Литовцева, Анна Евграфовна, старшій бухгалтеръ Дроздъ, инструкторъ Гитисъ, Номерацкій, Ивановъ, Мушка, регистраторша, кассиръ — словомъ, вся канцелярія не сидѣла на своихъ мѣстахъ за кухонными столами бывшаго ресторана Альпійской Розы, а стояла сбившись въ тѣсную кучку у стѣны, на которой гвоздемъ была прибита четвертушка бумаги. При входѣ Короткова наступило внезапное молчаніе, и всѣ потупились.

— Здравствуйте, господа, что это такое?—спросилъ удивленный Коротковъ.

Толпа молча разступилась, и Коротковъ прошелъ къ четвертушкѣ. Первые строчки глянули на него увѣренно и ясно, послѣднія сквозь слезливый, ошеломляющій туманъ.

„П р и к а з ъ № 1“

§ 1. „За недопустимо халатное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, вызывающее вопіющую путаницу въ важныхъ служебныхъ бумагахъ, а равно и за появленіе на службѣ въ безобразномъ видѣ разбитаго, повидимому, въ дракѣ лица, тов. Коротковъ увольняется съ сего 26-го числа, съ выдачей ему трамвайныхъ денегъ по 25-е включительно“.

Параграфъ первый былъ въ то же время и послѣднимъ, а подъ параграфомъ красовалась крупными буквами подпись:

Завѣдующій Кальсонеръ.

Двадцать секунд въ пыльномъ хрустальномъ залѣ Альпійской Розы царило идеальное молчаніе. При этомъ лучше всѣхъ, глубже и мертвеннѣе молчалъ зеленоватый Коротковъ. На двадцать первой секундѣ молчаніе лопнуло,

— Какъ? Какъ? — прозвенѣлъ два раза Коротковъ совершенно какъ разбитый о каблукъ Альпійскій бокаль, — его фамилія Кальсо—неръ?..

При страшномъ словѣ канцелярскіе брызнули въ разныя стороны и въ мигъ разсѣлись по столамъ, какъ вороны на телеграфной проволокъ. Лицо Короткова смѣнило гнилую зеленую плесень на пятнистый пурпуръ.

— Ай, яй, яй, — загудѣлъ въ отдаленіи, выглядывая изъ гроссбуха, Скворецъ, какъ же вы это такъ, батюшка, промахнулись? А?

— Я ду-думаль, думаль... — прохрустѣлъ осколками голоса Коротковъ, — прочиталь вмѣсто „Кальсонеръ“ „Кальсоны“. Онъ съ маленькой буквы пишетъ фамилію!

— Подштанники я не одѣну, пусть онъ успокоится! — хрустально звякнула Лидочка.

— Тсс! — змѣей зашипѣлъ Скворецъ, — что вы? — Онъ нырнулъ, спрятался въ гроссбухъ и прикрывся страницей.

— А насчетъ лица онъ не имѣетъ права! — негромко выкрикнулъ Коротковъ, становясь изъ пурпурнаго бѣлымъ какъ горностай, — я нашими же сволочными спичками выжегъ глазъ, какъ и товарищъ де-Руни!

— Тише! — пискнулъ поблѣднѣвшій Гитись, — что вы? Онъ вчера испытываль ихъ и нашель пре-восходными.

Д-р-р-р-р-р-р-р-р-р, неожиданно зазвенѣлъ электрическій звонокъ надъ дверью... и тотчасъ тяжелое тѣло Пантелеймона упало съ табурета и покатилося по коридору.

— Нѣтъ! Я объяснюсь. Я объяснюсь!—высоко и тонко спѣлъ Коротковъ, потомъ кинулся влѣво, кинулся вправо, пробѣжалъ шаговъ десять на мѣстѣ, искаженно отражаясь въ пыльных альпійскихъ зеркалахъ, вынырнулъ въ коридоръ и побѣжалъ на свѣтъ тусклой лампочки, висящей надъ надписью „Отдѣльные кабинеты“. Запыхавшись, онъ сталъ передъ страшной дверью и очнулся въ объятіяхъ Пантелеймона.

— Товарищъ Пантелеймонъ, — заговорилъ безпокойно Коротковъ. — Ты меня, пожалуйста,пусти. Мнѣ нужно къ завѣдующему сію минутку...

— Нельзя, нельзя, никого не велѣно пущать, — захрипѣлъ Пантелеймонъ и страшнымъ запахомъ луку затушилъ рѣшимость Короткова, — нельзя. Идите, идите, господинъ Коротковъ, а то мнѣ черезъ васъ бѣда будетъ...

— Пантелеймонъ, мнѣ же нужно, — угасая, попросилъ Коротковъ, — тутъ, видишь ли, дорогой Пантелеймонъ, случился приказъ... Пустименя, милый Пантелеймонъ.

— Ахъ ты жъ, господи... — въ ужасѣ обернувшись на дверь, забормоталъ Пантелеймонъ, — говорю вамъ, нельзя. Нельзя, товарищъ!

Въ кабинетъ за дверью грянулъ телефонный звонокъ и ухнулъ въ мѣдъ тяжкій голосъ:

— Бду! Сейчасъ!

Пантелеймонъ и Коротковъ разступились; дверь распахнулась и по коридору понесся Кальсонеръ въ фуражкѣ и съ портфелемъ подмышкой. Пантелеймонъ впритруску побѣжалъ за нимъ, а за Пантелеймономъ, немного поколебавшись, кинулся Коротковъ. На поворотѣ коридора Коротковъ, блѣдный и взволнованный проскочилъ подъ руками Пантелеймона, обогналъ Кальсонера и побѣжалъ передъ нимъ задомъ.

— Товарищъ Кальсонеръ, — забормоталъ онъ прерывающимся голосомъ, — позвольте одну минуточку сказать... Тутъ я по поводу приказа...

— Товарищъ! — звякнулъ бѣшено стремящейся и озабоченный Кальсонеръ, сметая Короткова въ бѣгъ, — вы же видите, я занятъ? Ъду! Ъду!..

— Такъ я насчетъ прика...

— Неужели вы не видите, что я занятъ?.. Товарищъ! Обратитесь къ дѣлопроизводителю.

Кальсонеръ выбѣжалъ въ вестибюль, гдѣ помещался на площадкѣ огромный брошенный органъ Альпійской Розы.

— Я жъ дѣлопроизводитель! — въ ужасѣ облившись потомъ, визгнулъ Коротковъ, — выслушайте меня, товарищъ Кальсонеръ!

— Товарищъ! — заревѣлъ, какъ сирена, ничего не слушая, Кальсонеръ, и, на ходу обернувшись къ Пантелеймону, крикнулъ:— примите мѣры, чтобъ меня не задерживали!

— Товарищъ! — испугавшись, захрипѣлъ Пантелеймонъ, — что жъ вы задерживаете?

И не зная, какую мѣру нужно принять, принявъ такую, — ухватилъ Короткова поперекъ туловища и легонько прижалъ къ себѣ, какъ любимую женщину. Мѣра оказалась дѣйствительной, — Кальсонеръ ускользнулъ, словно на роликахъ скатился съ лѣстницы и выскочилъ въ парадную дверь.

— Питъ! Питтъ! — закричала за стеклами мотоциклетка, выстрѣлила пять разъ и, закрывъ дымомъ окна, исчезла. Тутъ только Пантелеймонъ выпустилъ Короткова, вытеръ потъ съ лица и проревѣлъ:

— Бѣ-да!

— Пантелеймонъ... — трясущимся голосомъ спросилъ Коротковъ, куда онъ поѣхалъ? Скорѣй скажи, онъ другого, понимаешь ли...

— Кажись, въ Центроснабъ.

Коротковъ вихремъ сбѣжалъ съ лѣстницы, ворвался въ шинельную, схватилъ пальто и кэпку и выбѣжалъ на улицу.

Дьявольскій фокусъ.

Короткову повезло. Трамвай въ ту же минуту поравнялся съ Альпійской Розой. Удачно прыгнувъ, Коротковъ понесся впередъ, стучаясь то о тормазное колесо, то о мѣшки на спинахъ. Надежда обжигала его сердце. Мотоциклетка почему то задержалась и теперь тарахтѣла впереди трамвая и Коротковъ то терялъ изъ глазъ, то вновь обрѣталъ квадратную спину въ тучѣ синяго дыма. Минуть пять Короткова колотило и мяло на площадкѣ, наконецъ у сѣраго зданія Центроснаба мотоциклетка стала. Квадратное тѣло закрылось прохожими и исчезло. Коротковъ на ходу вырвался изъ трамвая, повернулся по оси, упалъ, ушибъ колѣно, поднялъ кэпку и, подъ носомъ автомобиля, поспѣшилъ въ вестибюль.

Покрывая полы мокрыми пятнами, десятки людей шли навстрѣчу Короткову или обгоняли его. Квадратная спина мелькнула на второмъ маршѣ лѣстницы и, задыхаясь, онъ поспѣшилъ за ней. Кальсо-неръ поднимался со странной, неестественной скоростью и у Короткова сжималось сердце при мысли, что онъ упуститъ его. Такъ и случилось. На 5-й площадкѣ, когда дѣлопроизводитель совершенно обезсилѣлъ, спина растворилась въ гущѣ физиономій, шапокъ и портфелей. Какъ молнія Коротковъ взлетѣлъ на площадку и секунду колебался передъ дверью, на которой было двѣ надписи. Одна золотая по зеленому съ твердымъ знакомъ „Дортуаръ пепиньерокъ“, другая чернымъ по бѣлому безъ твердаго „Начканцу-правдѣлнабъ“. Наудачу Коротковъ устремился въ эти двери и увидаль стеклянныя огромныя клѣтки и много бѣлокуроыхъ женщинъ, бѣгавшихъ между ними. Коротковъ открылъ первую стеклянную перегородку и увидѣлъ за нею какого-то человѣка въ синемъ костюмѣ. Онъ лежалъ на столѣ и весело смѣялся въ телефонъ. Во второмъ отдѣленіи на столѣ было пол-

ное собраніе сочиненій Шеллера-Михайлова, а возлѣ собранія неизвѣстная пожилая женщина въ платкѣ взвѣшивала на вѣсахъ сушеную и дурно пахнущую рыбу. Въ третьемъ царилъ дробный непрерывный грохотъ и звоночки — тамъ за шестью машинами писали и смѣялись шесть свѣтлыхъ, мелкозубыхъ женщинъ. За послѣдней перегородкой открывалось большое пространство съ пухлыми колоннами. Невыносимый трескъ машинъ стоялъ въ воздухѣ, и виднѣлась масса головъ, — женскихъ и мужскихъ, но Кальсонеровой среди нихъ не было. Запутавшись и завертѣвшись, Коротковъ остановилъ первую попавшуюся женщину, пробѣгавшую съ зеркальцемъ въ рукахъ.

— Не видѣли ли вы Кальсонера?

Сердце въ Коротковѣ упало отъ радости, когда женщина отвѣтила, сдѣлавъ огромные глаза:

— Да, но онъ сейчасъ уѣзжаетъ. Догоняйте его.

Коротковъ побѣжалъ черезъ колонный залъ туда, куда ему указывала маленькая бѣлая рука съ блестящими красными ногтями. Проскакавъ залъ, онъ очутился на узкой и темноватой площадкѣ и увидаль открытую пасть освѣщеннаго лифта. Сердце ушло въ ноги Короткову, — догналъ... пасть принимала квадратную одѣяльную спину и черный блестящій портфель.

— Товарищъ Кальсонерь, — прокричалъ Коротковъ и окоченѣлъ. Зеленые круги въ большомъ количествѣ запрыгали по площадкѣ. Сѣтка закрыла стеклянную дверь, лифтъ тронулся, и квадратная спина, повернувшись, превратилась въ богатырскую грудь. Все, все узналъ Коротковъ: и сѣрый френчъ, и кэпку, и портфель, и изюминки глазъ. Это былъ Кальсонерь, но Кальсонерь съ длинной ассирійско-гофрированной бородой, ниспадавшей на грудь. Въ мозгу Короткова немедленно родилась мысль: „Борода выросла, когда онъ ѣхалъ на мотоциклеткѣ и поднимался по лѣстницѣ, — что же это такое?“ И затѣмъ вторая: „борода фальшивая,—это что же такое?“

А Кальсонеръ тѣмъ временемъ началъ погружаться въ сѣтчатую бездну. Первыми скрылись ноги, затѣмъ животъ, борода, послѣдними глазки и ротъ, выкрикнувшій нѣжныя теноровыя слова:

— Поздно, товарищъ, въ пятницу.

„Голосъ тоже привязной“ — стукнуло въ Коротковскомъ черепѣ. Секудны три мучительно горѣла голова, но потомъ, вспомнивъ, что никакое колдовство не должно останавливать его, что остановка — гибель, Коротковъ двинулся къ лифту. Въ сѣткѣ показалась поднимающаяся на канатъ кровля. Томная красавица съ блестящими камнями въ волосахъ вышла изъ-за трубы и, нѣжно коснувшись руки Короткова, спросила его:

— У васъ, товарищъ, порокъ сердца?

— Нѣтъ, охъ нѣтъ, товарищъ, — выговорилъ ошеломленный Коротковъ и шагнулъ къ сѣткѣ, — не задерживайте меня.

— Тогда, товарищъ, идите къ Ивану Финогеновичу, — сказала печально красавица, преграждая Короткову дорогу къ лифту.

— Я не хочу! — плаксиво вскричалъ Коротковъ, — товарищъ! Я спѣшу. Что вы?

Но женщина осталась непреклонной и печальной.

— Ничего не могу сдѣлать, вы сами знаете, — сказала она и придержала за руку Короткова. Лифтъ остановился, выплюнулъ челоуѣка съ портфелемъ, закрылся сѣткой и опять ушелъ внизъ.

— Пустите меня! — визгнулъ Коротковъ и, вырвавъ руку, съ проклятіемъ кинулся внизъ по лѣстницѣ. Пролетѣвъ шесть мраморныхъ маршей и, чуть не убивъ высокую перекрестившуюся старуху въ наколкѣ, онъ оказался внизу возлѣ огромной новой стеклянной стѣны подъ надписью вверху серебромъ по синему „Дежурныя классныя дамы“ и внизу перомъ по бумагѣ „Справочное“. Темный ужасъ охватилъ Короткова. За стѣной ясно мелькнулъ Кальсонеръ. Кальсонеръ изсиня бритый, прежній и страшный. Онъ прошелъ

совсѣмъ близко отъ Короткова, отдѣленный отъ него лишь тоненькимъ слоемъ стекла. Стараясь ни о чемъ не думать, Коротковъ кинулся къ блестящей мѣдной ручкѣ и потрясъ ее, но она не подалась.

Скрипнувъ зубами, онъ еще разъ рванулъ сіяющую мѣдь и тутъ только въ отчаяніи разглядѣлъ крохотную надпись: „Кругомъ черезъ 6-й подъѣздъ“.

Кальсонеръ мелькнулъ и сгинулъ въ черной нишѣ за стекломъ.

— Гдѣ шестой? Гдѣ шестой? — слабо крикнулъ онъ кому-то. Прохожіе шарахнулись. Маленькая боковая дверь открылась, и изъ нея вышелъ люстриновый старичокъ въ синихъ очкахъ со огромнымъ спискомъ въ рукахъ. Глянувъ на Короткова поверхъ очковъ, онъ улыбнулся, пожевалъ губами.

— Что? Все ходите? — зашамкалъ онъ, — ей Богу, напрасно. Вы ужъ послушайте меня, старичка, бросьте. Все равно я васъ уже вычеркнулъ. Хи-хи.

— Откуда вычеркнули? — остолбенѣлъ Коротковъ.

— Хи. Извѣстно откуда, изъ списковъ. Карандашикомъ — чиркъ, и готово — хи-кхи, — старичокъ сладострастно засмѣялся.

— Поз... вольте... Откуда же вы меня знаете?

— Хи. Шутникъ вы, Василій Павловичъ.

— Я — Варфоломей, — сказала Коротковъ и потрогала рукой свой холодный и скользкій лобъ, — Петровичъ.

Улыбка на минуту покинула лицо страшнаго старичка.

Онъ устался въ листъ и сухимъ пальчикомъ съ длиннымъ когтемъ провелъ по строчкамъ.

— Что же вы путаете меня? Вотъ онъ — Колобковъ, В. П.

— Я Коротковъ — нетерпѣливо крикнулъ Коротковъ.

— Я и говорю: Колобковъ, — обидѣлся старичокъ. — А вотъ и Кальсонеръ. Оба вмѣстѣ переведены, а на мѣсто Кальсонера — Чекушинъ.

— Что?... — не помня себя отъ радости, крикнулъ Коротковъ — Кальсонера выкинули?

— Точно такъ съ. День всего успѣлъ поуправлять и вышибли.

— Боже! — ликуя воскликнулъ Коротковъ — я спасень! Я спасень! — и, не помня себя, онъ сжалъ костлявую когтистую руку старичка. Тотъ улыбнулся. На мигъ радость Короткова померкла. Что-то странное, зловѣщее мелькнуло въ синихъ глазахъ дыркахъ старика. Странна показалась и улыбка, обнажавшая сизыя десны. Но тотчасъ же Коротковъ отогналъ отъ себя непріятное чувство и засуетился.

— Стало быть, мнѣ сейчасъ въ Спимать ъ нужно бѣжать?

— Обязательно, — подтвердилъ старичокъ, — тутъ и сказано — въ Спимать. Только позвольте вашу книжечку, я помѣточку въ ней сдѣлаю карандашикомъ.

Коротковъ тотчасъ полѣзъ въ карманъ, поблѣднѣлъ, полѣзъ въ другой, еще пуще поблѣднѣлъ, хлопнулъ себя по карманамъ брюкъ, и съ заглушеннымъ воплемъ бросился обратно по лѣстницѣ, глядя себѣ подъ ноги. Сталкиваясь съ людьми, отчаянный Коротковъ взлетѣлъ до самаго верха, хотѣлъ увидѣть красавицу съ камнями, у нея что-то спросить, и увидалъ что красавица превратилась въ уродливаго, сопливаго мальчишку:

— Голубчикъ! — бросился къ нему Коротковъ — бумажникъ мой желтый...

— Неправда эго — злобно отвѣтила мальчишка, — не брадь я, врутъ они.

— Да нѣтъ, милый, я не то... не ты... документы.

Мальчишка посмотрѣлъ исподлобья и вдругъ заревѣлъ басомъ.

— Ахъ, Боже мой! — въ отчаяніи вскричалъ Коротковъ и понесся внизъ къ старичку.

Но когда онъ прибѣжалъ, старичка уже не было. Онъ исчезъ. Коротковъ кинулся къ маленькой двери,

рвануль ручку. Она оказалась запертой. Въ полу-
тьмѣ пахло чуть-чуть сѣрой.

Мысли закрутились въ головѣ Короткова метелью и выпрыгнула одна новая: „Грамвай!“ Онъ ясно вдругъ вспомнилъ, какъ жали его на площадкѣ двое молодыхъ людей, одинъ изъ нихъ худенькій съ черными, словно приклеенными, усиками.

— Ахъ, бѣда-то, вотъ ужъ бѣда, — бормоталь Коротковъ — это ужъ всѣмъ бѣдамъ бѣда.

Онъ выбѣжалъ на улицу, пробѣжалъ ее до конца, свернулъ въ переулокъ и очутился у подъѣзда небольшого зданія непріятной архитектуры. Сѣрый человекъ, косою и мрачный, глядя не на Короткова, а куда-то въ сторону, спросилъ;

— Куда ты лѣзешь?

— Я, товарищъ, Коротковъ, Въ Пэ, у котораго только что украли документы... Всѣ до единого... Меня забрать могутъ...

— И очень просто, — подтвердилъ человекъ на крыльцѣ.

— Такъ вотъ позвольте...

— Пушай Коротковъ самолично и придетъ.

— Такъ я же, товарищъ, Коротковъ.

— Удостовереніе дай.

— Украли его у меня только что, — застональ Коротковъ, — украли, товарищъ, молодой человекъ съ усиками.

— Съ усиками? Это, стало-быть, Колобковъ. Безпремѣнно онъ. Онъ въ нашемъ районѣ спеціально работаетъ. Ты его теперь по чайнымъ ищи.

— Товарищъ, я не могу, — заплакаль Коротковъ, — мнѣ въ Спимать нужно къ Кальсонеру. Пустите меня.

— Удостовереніе дай, что украли.

— Отъ кого?

— Отъ домового.

Коротковъ покинулъ крыльцо и побѣжалъ по улицѣ.

— „Въ Спимать или къ домовому?“ — подумаль онъ: „у домового пріемъ съ утра; въ Спимать, стало быть“.

Въ это мгновеніе, часы далеко пробили четыре раза на рыжей башнѣ и тотчасъ изъ всѣхъ дверей побѣжали люди съ портфелями. Наступили сумерки, и рѣдкій мокрый снѣгъ пошелъ съ неба.

— „Поздно“, — подумаль Коротковъ, „домой“

VI

Первая ночь.

Въ ушкѣ замка торчала бѣлая записка. Въ сумеркахъ Коротковъ прочиталь ее.

„Дорогой сосѣдь!

Я увѣжаю къ мамѣ въ Звенигородъ. Оставляю вамъ въ подарокъ вино. Пейте на здоровье — его никто не хочеть покупать. Они въ углу.

Ваша А. Пайкова“.

Косо улыбнувшись, Коротковъ прогремѣлъ замкомъ, въ двадцать рейсовъ перетащилъ къ себѣ въ комнату всѣ бутылки, стоящія въ углу коридора, зажегъ лампу и, какъ былъ, въ кѣпкѣ и пальто, повалился на кровать. Какъ зачарованный, около полу-часа онъ смотрѣлъ на портретъ Кромвеля, растворяющійся въ густыхъ сумеркахъ, потомъ вскочилъ и внезапно впалъ въ какой-то припадокъ буйнаго характера. Сорвавъ кѣпку, онъ швырнулъ ее въ уголъ, однимъ взмахомъ сбросилъ на полъ пачки со спичками и началъ топтать ихъ ногами.

— Вотъ! Вотъ! Вотъ! — провыль Коротковъ и съ хрустомъ давилъ чортовы коробки, смутно мечтая, что онъ давить голову Кальсонера.

При воспоминаніи объ яйцевидной головѣ, появилась вдругъ мысль о лицѣ бритомъ и бородатомъ, и тутъ Коротковъ остановился.

— Позвольте... какъ же это такъ?.. — прошепталъ онъ и провелъ рукой по глазамъ,—это что же? Чего же это я стою и занимаюсь пустяками, когда все это ужасно. Вѣдь, не двойной же онъ, въ самомъ дѣлѣ?

Страхъ поползъ черезъ черныя окна въ комнату, и Коротковъ, стараясь не глядѣть въ нихъ, закрылъ ихъ шторами. Но отъ этого не полегчало. Двойное лицо, то обрастая бородой, то внезапно обрываясь, выплывало по временамъ изъ угловъ, сверкая зеленоватыми глазами. Наконецъ, Коротковъ не выдержалъ и чувствуя, что мозгъ его хочетъ треснуть отъ напряженія, тихонечко заплакалъ.

Наплакавшись и получивъ облегченіе, онъ поѣлъ вчерашней скользкой картошки, потомъ опять, вернувшись къ проклятой загадкѣ, немного поплакалъ.

— Позвольте... — вдругъ пробормоталъ онъ, — чего же это я плачу, когда у меня есть вино?

Онъ залпомъ выпилъ полъ чайнаго стакана. Сладкая жидкость подѣйствовала черезъ пять минутъ, — мучительно заболѣлъ лѣвый високъ, и жгуче и тошно захотѣлось пить. Выпивъ три стакана воды, Коротковъ отъ боли въ вискѣ совершенно забылъ Кальсонера, со стономъ содралъ съ себя верхнюю одежду и, томно, закатывая глаза, повалился на постель. „Пирамидону бы...“ шепталъ онъ долго, пока мутный сонъ не сжалился надъ нимъ.

VII

Органъ и котъ.

Въ 10 часовъ утра слѣдующаго дня Коротковъ наскоро вскипятить чай, отпилъ безъ аппетита четверть стакана и, чувствуя, что предстоитъ трудный,

хлопотливый день, покинулъ свою комнату и перебѣжалъ въ туманѣ черезъ мокрый асфальтовый дворъ. На двери флигеля было написано: „Домовой“. Рука Короткова уже протянулась къ кнопкѣ, какъ глаза его прочитали: „По случаю смерти свидѣтельства не выдаются“.

— Ахъ ты, господи, — досадливо воскликнулъ Коротковъ, — что же это за неудачи на каждомъ шагу. — И добавилъ: — ну, тогда съ документами потомъ, а сейчасъ въ Спимать. Надо разузнать, какъ и что. Можетъ, Чекушинъ уже вернулся.

Пѣшкомъ, такъ какъ деньги всѣ были украдены, Коротковъ добрался до Спимата и, пройдя вестибюль, прямо направилъ свои стопы въ канцелярію. На порогѣ канцеляріи онъ пріостановился и пріоткрылъ ротъ. Ни одного знакомаго лица въ хрустальномъ залѣ не было. Ни Дрозда, ни Анны Евграфовны, словомъ — никого. За столами, напоминая уже не воронъ на проволокъ, а трехъ соколовъ Алексѣя Михайловича, сидѣли три совершенно одинаковыхъ бритыхъ блондина въ свѣтлосѣрыхъ клѣтчатыхъ костюмахъ и одна молодая женщина съ мечтательными глазами и бриллиантовыми серьгами въ ушахъ. Молодые люди не обратили на Короткова никакого вниманія, и продолжали скрипѣть въ гроссбухахъ, а женщина сдѣлала Короткову глазки. Когда же онъ въ отвѣтъ на это растерянно улыбнулся, та надменно улыбнулась и отвернулась. „Странно“, подумалъ Коротковъ и, запнувшись о порогъ, вышелъ изъ канцеляріи. У двери въ свою комнату онъ поколебался, вздохнулъ, глядя на старую милую надпись: „Дѣлопроизводитель“, открылъ дверь и вошелъ. Свѣтъ немедленно померкъ въ коротковскихъ глазахъ, и полъ легонечко качнулся подъ ногами. За коротковскимъ столомъ, растопыривъ локти и бѣшено строча перомъ, сидѣлъ своей собственной персоной Кальсонеръ. Гофрированные блестящіе волосы закрывали его грудь. Дыханіе перехватило у Короткова, пока онъ глядѣлъ на лакированную лысину

надъ зеленымъ сукномъ. Кальсонеръ первый нарушилъ молчаніе.

— Что вамъ угодно, товарищъ? — вѣжливо проворковалъ онъ фальцетомъ.

Коротковъ судорожно облизнулъ губы, набралъ въ узкую грудь большой кубъ воздуха и сказалъ чуть слышно:

— Кхмъ . . . я, товарищъ, здѣшній дѣлопроизводитель . . . То-есть . . . ну да, ежели помните приказъ..

Изумленіе измѣнило рѣзко верхнюю часть лица Кальсонера. Свѣтлыя его брови поднялись, и лобъ превратился въ гармонику.

— Извиняюсь, — вѣжливо отвѣтилъ онъ, — здѣшній дѣлопроизводитель — я.

Временная нѣмота поразила Короткова. Когда же она прошла, онъ сказалъ такія слова:

— А какъ же? Вчера, то-есть. Ахъ, ну да. Извините, пожалуйста. Впрочемъ, я спуталъ. Пожалуйста.

Онъ задомъ вышелъ изъ комнаты и въ коридорѣ сказалъ себѣ хрипло:

— Коротковъ, припомни-ка, какое сегодня число? И самъ же себѣ отвѣтилъ:

— Вторникъ, т.-е. пятница. Тысяча девятьсотъ.

Онъ повернулся и тотчасъ передъ нимъ вспыхнули на человѣческомъ шарѣ слоновой кости двѣ коридорныхъ лампочки и бритое лицо Кальсонера заслонило весь міръ.

— Хорошо! — грохнулъ тазъ, и судорога свела Короткова, — я жду васъ. Отлично. Радъ познакомиться.

Съ этими словами онъ пододвинулся къ Короткову и такъ пожалъ ему руку, что тотъ всталъ на одну ногу, словно аистъ на крышѣ.

— Штатъ я разверстаю, — быстро, отрывисто и вѣско заговорилъ Кальсонеръ, — Трое тамъ, — онъ указалъ на дверь въ канцелярію, — и, конечно, Манечка. Вы — мой помощникъ. Кальсонеръ — дѣлопроизводитель. Прежнихъ всѣхъ въ шею. И идіота Пан-

телеймона также. У меня есть свѣдѣнія, что онъ былъ лакеемъ въ Альпійской Розѣ. Я сейчасъ сбѣгаю въ отдѣлъ, а вы пока напишите съ Кальсонеромъ отношеніе насчетъ всѣхъ и въ особенности насчетъ этого, какъ его . . . Короткова. Кстати: вы немного похожи на этого мерзавца. Только у того глазъ подбитый.

— Я. Нѣтъ, — сказала Коротковъ, качаясь и съ отвисшей челюстью, — я не мерзавецъ. У меня украли всѣ документы. До одинаго.

— Всѣ? — выкрикнулъ Кальсонеръ, — вздоръ. Тѣмъ лучше.

Онъ впился въ руку тяжело задышавшаго Короткова и, пробѣжавъ по коридору, втащилъ его въ заштѣтный кабинетъ и бросилъ на пухлый кожаный стулъ, а самъ усѣлся за столъ. Коротковъ, все еще чувствуя странное колебаніе пола подъ ногами, съежился и, закрывъ глаза, забормоталъ: „Двадцатое было понедѣльникъ, значить вторникъ, двадцать первое. Нѣтъ. Что я? Двадцать первый годъ. Исходящій № 0,15, мѣсто для подписи тире Варфоломей Коротковъ. Это значить я. Вторникъ, среда, четвергъ, пятница, суббота, воскресенье, понедѣльникъ. И понедѣльникъ на Пэ и пятница на Пэ, а воскресенье . . . вскрсс . . . на Эсъ, какъ и среда . . .“

Кальсонеръ съ трескомъ расчеркнулся на бумагѣ, хлопнулъ по ней печатью и ткнулъ ему. Въ это мгновеніе яростно зазвонилъ телефонъ. Кальсонеръ ухватился за трубку и заоралъ въ нее:

— Ага! Такъ. Такъ. Сію минуту пріѣду.

Онъ кинулся къ вѣшалкѣ, сорвалъ съ нея фуражку, прикрылъ ею лысину и исчезъ въ дверяхъ съ прощальными словами:

— Ждите меня у Кальсонера.

Все рѣшительно помутилось въ глазахъ Короткова, когда онъ прочелъ написанное на бумажкѣ со штампомъ:

„Предъявитель сего суть дѣйствительно мой по-

мощникъ т. Василій Павловичъ Колобковъ, что дѣйствительно вѣрно. Кальсонеръ“.

— О-о! — простоналъ Коротковъ, роняя на полъ бумагу и фуражку, — что же это такое дѣлается?

Въ эту же минуту дверь спѣла визгливо, и Кальсонеръ вернулся въ своей бородѣ.

— Кальсонеръ уже удралъ? — тоненько и ласково спросилъ онъ у Короткова.

Свѣтъ кругомъ потухъ.

— А-а-а-а... — взвылъ, не вытерпѣвъ пытки. Коротковъ, и, не помня себя, подскочилъ къ Кальсонеру, оскаливъ зубы. Ужасъ изобразился на лицѣ Кальсонера до того, что оно сразу пожелтѣло. Задомъ навалившись на дверь, онъ съ грохотомъ отперъ ее, провалился въ коридоръ, не удержавшись, сѣлъ на корточки, но тотчасъ выпрямился и бросился бѣжать съ крикомъ:

— Курьеръ! Курьеръ! На помощь!

— Стойте. Стойте. Я васъ прошу, товарищъ... — опомнившись выкрикнулъ Коротковъ и бросился вслѣдъ.

Что-то загремѣло въ канцеляріи, и соколы вскочили, какъ по командѣ. Мечтательные глаза женщины взметнулись у машины.

— Будутъ стрѣлять. Будутъ стрѣлять! — пронесся ея истерическій крикъ.

Кальсонеръ выскочилъ въ вестибюль на площадку съ органомъ первымъ, секунду поколебался, куда бѣжать, рванулся и, круто срѣзавъ уголь, исчезъ за органомъ. Коротковъ бросился за нимъ, поскользнулся, и, навѣрно, разбилъ бы себѣ голову о перила, если бы не огромная кривая и черная ручка, торчащая изъ желтаго бока. Она подхватила полу Коротковского пальто, гнилой шевіотъ съ тихимъ пискомъ разползся и Коротковъ мягко сѣлъ на холодный полъ. Дверь бокового хода за органомъ со звономъ захлопнулась за Кальсонеромъ.

— Боже... — началъ Коротковъ и не кончилъ.

Въ грандіозномъ ящикѣ съ запыленными мѣдными трубами послышался странный звукъ, какъ будто лопнулъ стаканъ, затѣмъ пыльное, утробное ворчаніе, странный хроматическій пискъ и ударъ колоколовъ. Потомъ звучный мажорный аккордъ, бодрящая полнокровная струя, и весь желтый трехъярусный ящикъ заигралъ, пересыпая внутри залежи застоявшагося звука:

Шумѣлъ, горѣлъ пожаръ Московскій...

Въ черномъ квадратѣ двери внезапно появилось блѣдное лицо Пантелеймона. Мигъ, и съ нимъ произошла метаморфоза. Глазки его засверкали побѣднымъ блескомъ, онъ вытянулся, хлестнулъ правой рукой через лѣвую, какъ будто перекинулъ невидимую салфетку, сорвался съ мѣста и бокомъ, косо, какъ пристяжная, покатилъ по лѣстницѣ, округливъ руки такъ, словно въ нихъ былъ подносъ съ чашками.

~~Шумѣлъ~~ ~~горѣлъ~~

Ды-ымъ разстиался по рѣкѣ-ѣ.

— Что я надѣлалъ? — ужаснулся Коротковъ.

Машина, провернувъ первыя застоявшіяся волны, пошла ровно, тысячеголовымъ, львинымъ ревомъ и звономъ наполняя пустынные залы Спимата.

А на стѣнахъ воротъ Кремлевскихъ

Сквозь вой и грохотъ, и колокола прорвался сигналъ автомобиля, и тотчасъ Кальсонеръ возвратился черезъ главный входъ, — Кальсонеръ бритый, мстительный и грозный. Въ зловѣщемъ синеватомъ сіяніи онъ плавно сталъ подниматься по лѣстницѣ. Волосы зашевелились на Коротковѣ и, взвившись, онъ черезъ боковыя двери по кривой лѣстницѣ за органомъ выбѣжалъ на усѣянный щебнемъ дворъ, а затѣмъ на улицу. Какъ на угонкѣ полетѣлъ онъ по улицѣ, слушая, какъ вслѣдъ ему глухо рокотало зданіе Альпійской Розы:

Стоялъ онъ въ сѣромъ сюртукѣ...

На углу извозчикъ, взмахивая кнутомъ, бѣшено рвалъ клячу съ мѣста.

— Господи! господи! — бурно зарыдалъ Коротковъ, — опять онъ! Да что же это?

Кальсонеръ бородатый выросъ изъ мостовой возлѣ пролетки, вскочилъ въ нее и началъ лупить извозчика въ спину, приговаривая тоненькимъ голосомъ:

— Гони! Гони, негодяй!

Кляча рванула, стала лягать ногами, затѣмъ подъ жгучими ударами кнута понеслась, наполнивъ экипажнымъ грохотомъ улицу. Сквозь бурныя слезы Коротковъ видѣлъ, какъ лакированная шляпа слетѣла у извозчика, а изъ-подъ нея разлетѣлись въ разныя стороны вьющіяся денежные бумажки. Мальчишки со свистомъ погнались за ними. Извозчикъ, обернувшись, въ отчаяніи натянулъ вожжи, но Кальсонеръ бѣшено началъ тузить его въ спину съ воплемъ:

— Ъзжай! Ъзжай! Я заплачу.

Извозчикъ, выкрикнувъ отчаянно:

— Эхъ, ваше здоровье, погибать, что ли? — пустилъ клячу карьеромъ, и все исчезло за угломъ.

Рыдая, Коротковъ глянулъ на сѣрое небо, быстро несущееся надъ головой, пошатался и закричалъ болѣзненно:

— Довольно. Я такъ не оставляю! Я его разъясню. — Онъ прыгнулъ и прицѣпился къ дугѣ трамвая. Дуга пошатала его минутъ пять и сбросила у девятиэтажнаго зеленого зданія. Вбѣжавъ въ вестибюль, Коротковъ просунулъ голову въ четырехугольное отверстіе въ деревянной загородкѣ и спросилъ у громаднаго синяго чайника:

— Гдѣ бюро претензій товарищъ?

— 8-й этажъ, 9-й коридоръ, квартира 41-я, комната 302, — отвѣтилъ чайникъ женскимъ голосомъ.

— 8-й, 9-й, 41-я, триста... триста... сколько бишь... 302, — бормоталъ Коротковъ взбѣгая по широкой лѣстницѣ. — 8-й 9-й, 8-й стопъ, 40... нѣтъ

42... нѣтъ, 302, — мычалъ онъ, — ахъ, Боже, за-
былъ... да 40-я, сороковая...

Въ 8-мъ этажѣ онъ миновалъ три двери, увидалъ на четвертой черную цифру „40“ и вошелъ въ необъ-
ятный двухсвѣтный залъ съ колоннами. Въ углахъ его
лежали катушки рулонной бумаги, и весь полъ былъ
усянъ исписанными бумажными обрывками. Въ от-
дѣленіи маячилъ столикъ съ машинкой, и золотистая
женщина, тихо мурлыча пѣсенку, подперевъ щеку ку-
лакомъ, сидѣла за нимъ. Растерянно оглянувшись,
Коротковъ увидѣлъ, какъ съ эстрады за колоннами
сошла, тяжело ступая, массивная фигура мужчины въ
бѣломъ кунтушѣ. Сѣдоватые отвисшіе усы виднѣлись
на его мраморномъ лицѣ. Мужчина, улыбаясь не-
обыкновенно вѣжливой, безжизненной гипсовой улыб-
кой, подошелъ къ Короткову, нѣжно пожалъ ему руку
и молвилъ, шелкнувъ каблуками:

— Янъ Собѣсскій.

— Не можетъ быть... — отвѣтилъ пораженный
Коротковъ.

Мужчина пріятно улыбнулся.

— Представьте, многіе изумляются, — загово-
рилъ онъ съ неправильными удареніями, — но вы не
подумайте, товарищъ, что я имѣю что-либо общее съ
этимъ бандитомъ. О, нѣтъ. Горькое совпаденіе, боль-
ше ничего. Я уже подалъ заявленіе объ утвержденіи
моей новой фамилии — Соцвосскій. Это гораздо кра-
сивѣе, и не такъ опасно. Впрочемъ, если вамъ не-
пріятно, — мужчина обидчиво скривилъ ротъ, — я не
навязываюсь. Мы всегда найдемъ людей. Насъ
ищутъ.

— Помилуйте, что вы, — болѣзненно выкрик-
нулъ Коротковъ, чувствуя, что и тутъ начинается что-
то странное, какъ и вездѣ. Онъ оглянулся травлен-
нымъ взоромъ, боясь, что откуда-нибудь вынырнетъ
бритый ликъ и лысина-скорлупа, а потомъ добавилъ
суконнымъ языкомъ: — я очень радъ, да, очень...

Пестрый румянецъ чуть проступилъ на мрамор-

номъ человѣкъ; нѣжно поднимая руку Короткова, онъ повлекъ его къ столику, приговаривая:

— И я очень радъ. Но вотъ бѣда, вообразите: мнѣ даже негдѣ васъ посадить. Насъ держать въ загонѣ, несмотря на все наше значеніе (мужчина махнулъ рукой на катушки бумаги). Интриги... Но о, мы развернемся, не безпокойтесь... Гм... Чѣмъ же вы порадуете насъ новенькимъ? — ласково спросилъ онъ у блѣднаго Короткова. — Ахъ, да, виноватъ. виноватъ тысячу разъ, позвольте васъ познакомить, — онъ изящно махнулъ рукой въ сторону машинки, — Генриетта Потаповна Персимфансъ.

Женщина тотчасъ же пожала холодной рукой руку Короткова и посмотрѣла на него томно.

— Итакъ, — сладко продолжалъ хозяинъ, — чѣмъ же вы насъ порадуете? Фельетонъ? Очерки? — закативъ блѣлые глаза, протянулъ онъ, — вы не можете себѣ представить, до чего они нужны намъ.

„Царица небесная... что такое?“ — туманно подумалъ Коротковъ, потомъ заговорилъ, судорожно переводя духъ.

— У меня... э... произошло ужасное. Онъ... Я не понимаю. Вы не подумайте, ради Бога, что это галлюцинаціи... Кхм... ха-кха... (Коротковъ попытался искусственно засмѣяться, но это не вышло у него). Онъ живой. Увѣряю васъ... но я ничего не пойму, то съ бородой, а черезъ минуту безъ бороды. Я прямо не понимаю... И голосъ мѣняетъ... кромѣ того у меня украли всѣ документы до единого, а домовою, какъ на грѣхъ, умеръ. Этотъ Кальсонеръ...

— Такъ я и зналъ, — вскричалъ хозяинъ, — это они?

— Ахъ, Боже мой, ну, конечно, — отозвалась женщина, — ахъ, эти ужасные Кальсонеры.

— Вы знаете, — перебилъ хозяинъ взволнованно. — я изъ-за него сижу на полу. Вотъ-съ, полюбуйте-тесь. Ну, что онъ понимаетъ въ журналистикѣ?... — хозяинъ ухватилъ Короткова за пуговицу, — будьте

добры, скажите, что онъ понимаетъ? Два дня онъ пробылъ здѣсь, и совершенно меня замучилъ. Но, представьте, счастье. Я ѣздилъ къ Федору Васильевичу и тотъ, наконецъ, убралъ его. Я поставилъ вопросъ остро: я или онъ. Его перевели въ какой-то Спимать, или, чортъ его знаетъ, еще куда. Пусть воняетъ тамъ этими спичками! Но мебель, мебель, онъ успѣлъ передать въ это проклятое бюро. Всю. Не угодно ли? На чемъ я, позвольте узнать, буду писать? На чемъ будете писать вы? Ибо я не сомнѣваюсь, что вы будете нашъ, дорогѣй (хозяинъ обнялъ Короткова). Прекрасную атласную мебель Луи Каторзь этотъ прохвостъ безотвѣтственнымъ приѣмомъ спихнулъ въ это дурацкое бюро, которое завтра все равно закроютъ къ чортовой матери.

— Какое бюро? — глухо спросилъ Коротковъ.

— Ахъ, да эти претензіи или какъ ихъ тамъ, — съ досадой сказалъ хозяинъ.

— Какъ? — крикнулъ Коротковъ, — какъ? Гдѣ оно?

— Тамъ, — изумленно отвѣтилъ хозяинъ и ткнулъ рукой въ полъ. Коротковъ въ послѣдній разъ окинулъ безумными глазами бѣлый кунтушъ и черезъ минуту оказался въ коридорѣ. Подумавъ немного, онъ полетѣлъ налѣво, ища лѣстницы внизъ. Минуть пять онъ бѣжалъ, слѣдуя прихотливымъ изгибамъ коридора, и черезъ пять минутъ оказался у того мѣста, откуда выбѣжалъ. Дверь № 40.

— Ахъ, чортъ! — ахнулъ Коротковъ, потоптался и побѣжалъ вправо и черезъ 5 минутъ опять былъ тамъ же. № 40. Рванувъ дверь, Коротковъ вбѣжалъ въ залъ и убѣдился, что тотъ опустѣлъ. Лишь машинка безмолвно улыбалась бѣлыми зубами на столѣ. Коротковъ побѣжалъ къ колоннадѣ и тутъ увидалъ хозяина. Тотъ стоялъ на пьедесталѣ уже безъ улыбки съ обиженнымъ лицомъ.

— Извините, что я не попрощался . . . — началъ было Коротковъ и смолкъ. Хозяинъ стоялъ безъ уха

и носа, и лѣвая рука у него была отломана. Пятясь и холодѣя, Коротковъ выбѣжалъ опять въ коридоръ. Незамѣтная тайная дверь напротивъ вдругъ открылась, и изъ нея вышла сморщенная коричневая баба съ пустыми ведрами на коромыслѣ.

— Баба! Баба! — тревожно закричалъ Коротковъ, — гдѣ бюро?

— Не знаю, батюшка, не знаю кормилецъ, — отвѣтила баба, — да ты не бѣгай, миленькій, все одно не найдешь. Развѣ мыслимо — десять этажовъ.

— У-у... д-дура, — стиснувъ зубы рыкнулъ Коротковъ и бросился въ дверь. Она захлопнулась за нимъ и Коротковъ оказался въ тупомъ полутемномъ пространствѣ безъ выхода. Бросаясь въ стѣны и царапаясь, какъ засыпанный въ шахтѣ, онъ, наконецъ, навалился на бѣлое пятно, и оно выпустило его на какую-то лѣстницу. Дробно стуча, онъ побѣжалъ внизъ. Шаги послышались ему навстрѣчу снизу. Тоскливое безпокойство ждало сердце Короткова, и онъ сталъ останавливаться. Еще мигъ, — и показалась блестящая фуражка, мелькнуло сѣрое одѣяло и длинная борода. Коротковъ качнулся и вцѣпился въ перила руками. Одновременно скрестились взоры, и оба завyli тонкими голосами страха и боли. Коротковъ задомъ сталъ отступать вверхъ, Кальсонеръ попятился внизъ, полный неизбывнаго ужаса.

— Пойдите, — прохрипѣлъ Коротковъ, — минутку... вы только объясните...

— Спасите! — заревѣлъ Кальсонеръ, мѣняя тонкій голосъ на первый свой мѣдный басъ. Оступившись, онъ съ громомъ упалъ внизъ затылкомъ: ударъ не прошелъ ему даромъ. Обернувшись въ чернаго кота съ фосфорными глазами, онъ вылетѣлъ обратно, стремительно и бархатно пересѣкъ площадку, сжался въ комокъ и, прыгнувъ на подоконникъ, исчезъ въ разбитомъ стеклѣ и паутинѣ. Бѣлая пелена на мигъ заволокла коротковскій мозгъ, но тотчасъ свалилась и наступило необыкновенное проясненіе.

— Теперь все понятно, — прошепталъ Коротковъ и тихонько разсмѣялся, — ага, понялъ. Вотъ оно что. Коты! Все понятно. Коты!

Онъ началъ смѣяться все громче, громче, пока вся лѣстница не наполнилась гулкими раскатами.

VIII

Вторая ночь.

Въ сумерки товарищъ Коротковъ, сидя на байковой кровати, выпилъ три бутылки вина, чтобы все забыть и успокоиться. Голова теперь у него болѣла вся: правый и лѣвый високъ, затылокъ и даже вѣки. Легкая муть поднималась со дна желудка, ходила внутри волнами и два раза тов. Короткова рвало въ тазъ.

— Я вотъ такъ сдѣлаю, — слабо шепталъ Коротковъ, свѣсивъ внизъ голову, — завтра я постараюсь не встрѣчаться съ нимъ. Но такъ какъ онъ вертится всюду, то я пережду: въ переулочкѣ или въ тупичкѣ. Онъ себѣ мимо и пройдетъ. А если онъ погонится за мной, я убѣгу. Онъ и отстанетъ. Иди себѣ, молю, своей дорогой. И я ужъ больше не хочу въ Спимать. Богъ съ тобой. Служи себѣ и завѣдующимъ и дѣлопроизводителемъ, и трамвайныхъ денегъ я не хочу. Обойдусь и безъ нихъ. Только ты ужъ меня, пожалуйста, оставь въ покоѣ. Коть ты или не котъ, съ бородой или безъ бороды, — ты самъ по себѣ, я самъ по себѣ. Я себѣ другое мѣстечко найду и буду служить тихо и мирно. Ни я никого не трогаю, ни меня никто. И претензій на тебя никакихъ подавать не буду. Завтра только выправлю себѣ документы — и шабашъ. . .

Въ отдаленіи глухо начали бить часы. Бамъ... бамъ... — Это у Пеструхиныхъ, — подумаль Коротковъ и сталь считать. Десять... одиннадцать... полночь, 13, 14, 15 ... 40...

— Сорокъ разъ пробили часики,—горько усмѣхнулся Коротковъ, а потомъ опять заплакалъ. Потомъ его опять судорожно и тяжко стошнило церковнымъ виномъ.

— Крѣпкое, охъ, крѣпкое вино, — выговориль Коротковъ и со стономъ откинулся на подушку. Прошло часа два, и непотушенная лампа освѣщала блѣдное лицо на подушкѣ и растрепанные волосы.

IX.

Машинная жуть.

Осенній день встрѣтилъ тов. Короткова расплывчато и странно. Боязливо озираясь на лѣстницѣ, онъ взобрался на 8-й этажъ, повернулъ наобумъ направо и радостно вздрогнулъ. Нарисованная рука указывала ему на надпись „Комнаты 302—349“. Слѣдуя пальцу спасительной руки, онъ добрался до двери съ надписью „302—бюро претензій“. Осторожно заглянувъ въ нее, чтобы не столкнуться съ кѣмъ не надо, Коротковъ вошелъ и очутился передъ семью женщинами за машинками. Поколебавшись немного, онъ подошелъ къ крайней — смуглой и матовой, поклонился и хотѣлъ что-то сказать, но брюнетка вдругъ перебила его. Взоры всѣхъ женщинъ устремились на Короткова.

— Выйдемъ въ коридоръ, — рѣзко сказала матовая и судорожно поправила прическу.

„Боже мой, опять, опять что-то...“ — тоскливо

мелькнуло въ головѣ Короткова. Тяжело вздохнувъ, онъ повиновался. Шесть оставшихся взволнованно зашущукали вслѣдъ.

Брюнетка вывела Короткова и въ полутьмѣ пустого коридора сказала:

— Вы ужасны... Изъ-за васъ я не спала всю ночь и рѣшилась. Будь по-вашему. Я отдамся вамъ.

Коротковъ посмотрѣлъ на смуглое съ огромными глазами лицо, отъ котораго пахло ландышемъ, издавъ какой-то гортанный звукъ и ничего не сказавъ. Брюнетка закинула голову, страдальчески оскалила зубы, схватила руки Короткова, притянула его къ себѣ и зашептала:

— Что жъ ты молчишь, соблазнитель? Ты покорилъ меня своею храбростью, мой змій. Цѣлуй же меня, цѣлуй скорѣе, пока нѣтъ никого изъ контрольной комисси.

Опять странный звукъ вылетѣлъ изъ рта Короткова. Онъ пошатнулся, ощутилъ на своихъ губахъ что-то сладкое и мягкое, и огромные зрачки оказались у самыхъ глазъ Короткова.

— Я отдамся тебѣ... — шепнуло у самага рта Короткова.

— Мнѣ не надо, — сипло отвѣтилъ онъ, — у меня украли документы.

— Такъ-съ, вдругъ раздалось сзади.

Коротковъ обернулся и увидаль люстриноваго старичка.

— А-ахъ! — вскрикнула брюнетка и, закрывъ лицо руками, убѣжала въ дверь.

— Хи, — сказала старичокъ, — здорово. Куда не придешь, вы, господинъ Колобковъ. Ну, и хватъ же вы. Да что тамъ, цѣлуй не цѣлуй, не выцѣлуετε командировку. Мнѣ старичку дали, мнѣ и ѣхать. Вотъ что-съ.

Съ этими словами онъ показавъ Короткову сухенькій маленькій шишъ.

— А заявленьицѣ я на васъ подамъ, — злобно

продолжалъ люстринь, — да-сь. Растили трехъ въ главномъ отдѣлѣ, теперь, стало быть, до подотдѣловъ добираетесь? Что ихъ ангелочки теперь плачуть, это вамъ все равно? Горюють они теперь, бѣдныя дѣвочки, да ау, поздно-сь. Не воротишь дѣвичьей чести. Не воротишь.

Старичокъ вытащилъ большой носовой платокъ съ оранжевыми букетами, заплакалъ и засморкался.

— Изъ рукъ старичка подъемные крохи желаете выдрать, господинъ Колобковъ? Что жъ... — Старичокъ затрясся и зарыдалъ, уронилъ портфель, — берите, кушайте. Пушай безпартійный, сочувствующій старичокъ съ голоду помираеть... Пушай, мошь. Туда ему и дорога, старой собакѣ. Ну, только попомните, господинъ Колобковъ, — голосъ старичка сталъ пророчески грознымъ и налился колоколами, — не пойдутъ они вамъ въ прокъ, денежки эти сатанинскія. Коломъ въ горлѣ они у васъ стануть, — и старичокъ разлился въ буйныхъ рыданіяхъ.

Истерика овладѣла Коротковымъ; внезапно и неожиданно для самаго себя, онъ мелко затопалъ ногами.

— Къ чортовой матери! — тонко закричалъ онъ и его больной голосъ разнесся по сводамъ, — я не Колобковъ. Отлѣзь отъ меня! Не Колобковъ. Не ѣду! Не ѣду!

Онъ началъ рвать на себѣ воротничокъ.

Старичокъ мгновенно высохъ, отъ ужаса задрожалъ.

-- Слѣдующій! — каркнула дверь. Коротковъ смолкъ и кинулся въ нее, свернулъ влѣво, миновавъ машинки, и очутился передъ рослымъ, изящнымъ блондиномъ въ синемъ костюмѣ. Блондинъ кивнулъ Короткову головой и сказала:

— Покороче, товарищъ. Разомъ. Въ два счста. Полтава или Иркутскъ?

— Документы украли, — украли, — дико озираясь, отвѣтилъ растерзанный Коротковъ, — и котъ поя-

вился. Не имѣть права. Я никогда въ жизни не дрался, это спички. Преслѣдовать не имѣть права. Я не посмотрю, что онъ Кальсонерь. У меня украли до...

— Ну, это вздоръ, — отвѣтилъ синій, — обмундированіе дадимъ, и рубахи, и простыни. Если въ Иркутскъ, такъ даже и полушубокъ подержанный. Короче.

Онъ музыкально звукнулъ ключомъ въ замкъ, выдвинулъ ящикъ и, заглянувъ въ него, привѣтливо сказалъ:

— Пожалте, Сергѣй Николаевичъ.

И тотчасъ изъ ясеневого ящика выглянула причесанная, свѣтлая, какъ лень, голова и синіе бѣгающіе глаза. За ними изогнулась, какъ змѣиная, шея, хрустнулъ крахмальный воротничокъ, показался пиджакъ, руки, брюки, и черезъ секунду законченный секретарь, съ пискомъ „Доброе утро“, вылѣзъ на красное сукно. Онъ встряхнулся, какъ выкупавшійся песь, соскочилъ, заправилъ поглубже манжеты, вынулъ изъ карманчика патентованное перо и въ ту же минуту застрочилъ.

Коротковъ отшатнулся, протянулъ руку и жалобно сказалъ синему:

— Смотрите, смотрите, онъ вылѣзъ изъ стола. Что же это такое?...

— Естественно вылѣзъ, — отвѣтилъ синій, — не лежать же ему весь день. Пора. Время. Хронометражъ.

— Но какъ? Какъ? — зазвенѣлъ Коротковъ.

— Ахъ, ты, господи, — взволновался синій, — не задерживайте, товарищъ.

Брюнеткина голова вынырнула изъ двери и крикнула возбужденно и радостно:

— Я уже заслала его документы въ Полтаву. И я ѣду съ нимъ. У меня тетка въ Полтавѣ подъ 43 гра-дусомъ широты и 5-мъ долготы.

— Ну и чудесно, — отвѣтила блондинь, — а то мнѣ надоѣла эта волянка.

— Я не хочу! — вскричалъ Коротковъ, блуждая взоромъ. — Она будетъ мнѣ отдаваться, а я терпѣть этого не могу. Не хочу! Верните документы. Священную мою фамилію. Возстановите!

— Товарищъ, это въ отдѣлѣ брачущихся, — записалъ секретарь, — мы ничего не можемъ сдѣлать.

— О, дурашка! — воскликнула брюнетка, взглянувъ опять, — соглашайся! Соглашайся! — кричала она суфлерскимъ шопотомъ. Голова ея то скрывалась, то появлялась.

— Товарищъ! — зарыдалъ Коротковъ, размазывая по лицу слезы. — Товарищъ! Умоляю тебя, дай документы. Будь другомъ. Будь, прошу тебя всѣми фибрами души, и я уйду въ монастырь.

— Товарищъ! Безъ истерики. Конкретно и абстрактно изложите письменно, срочно и секретно — Полтава или Иркутскъ? Не отнимайте время у занятаго человѣка! По коридорамъ не ходить! Не плевать! Не курить! Размѣномъ денегъ не затруднять! — выйдя изъ себя загремѣлъ блондинь.

— Рукопожатія отмѣняются! — кукарекнулъ секретарь.

— Да здравствуютъ объятія! — страстно шепнула брюнетка и, какъ дуновение, пронеслась по комнатѣ, обдавъ ландышемъ шею Короткова.

— Сказано въ заповѣди тринадцатой: не входи безъ доклада къ ближнему твоему, — прошамкалъ люстриновый и пролетѣлъ по воздуху, взмахивая полами крылатки. . . — Я и не вхожу, не вхожу-сь, — а бумажку все-таки подброшу, вотъ такъ, хлопъ! . . . подпишешь любую — и на скамьѣ подсудимыхъ. — Онъ выкинулъ изъ широкаго черного рукава пачку бѣлыхъ листовъ, и они разлетѣлись и усѣяли столы, какъ чайки скалы на берегу.

Муть заходила въ комнатѣ и окна стали качаться.

— Товарищъ блондинъ! — плакаль истомленный Коротковъ, — застрѣли ты меня на мѣсть, но выправь ты мнѣ какой ни на есть документикъ. Руку я тебѣ поцѣлую.

Въ мути блондинъ сталъ пухнуть и вырастать, не переставая ни на минуту бѣшено подписывать старичковы листки и швырять ихъ секретарю, который ловилъ ихъ съ радостнымъ урчаніемъ.

— Чортъ съ нимъ! — загремѣлъ блондинъ, — чортъ съ нимъ. Машинистки, гей!

Онъ махнулъ огромной рукой, стѣна передъ глазами Короткова распалась, и тридцать машинъ на столахъ, звякнувъ звоночками, заиграли фоксъ-тротъ. Колыша бедрами, сладострастно поводя плечами, взбрасывая кремовыми ногами бѣлую пѣну, парадомъ-алле двинулись тридцать женщинъ и пошли вокругъ столовъ.

Бѣлыя змѣи бумаги полѣзли въ пасти машинъ, стали свиваться, раскраиваться, сшиваться. Вылѣзли бѣлые брюки съ фіолетовыми лампасами. „Предъявитель сего есть дѣйствительно предъявитель, а не какаянибудь шантрапа“.

— Надѣвай! — грохнулъ блондинъ въ туманѣ.

— И-и-и-и — тоненько заскулилъ Коротковъ и сталъ биться головой объ уголь блондинова стола. Головъ полегчало на минутку и чье-то лицо въ слезахъ метнулось передъ Коротковымъ.

— Валерьянки! — крикнулъ кто-то на потолокъ.

Крылатка, какъ черная птица, закрыла свѣтъ, старичокъ зашепталъ тревожно:

— Теперь одно спасеніе — къ Дыркину въ пятое отдѣленіе. Ходу! Ходу!

Запахло эфиромъ, потомъ руки нѣжно вынесли Короткова въ полутемный коридоръ. Крылатка обняла Короткова и повлекла, шепча и хихикая: — Ну, я ужъ имъ удружилъ: такое подсыпалъ на столы, что каждому изъ нихъ достанется не меньше пяти лѣтъ съ пораженіемъ на полъ сраженія. Ходу! Ходу!

Крылатка порхнула въ сторону, потянуло вѣтромъ и сыростью изъ сѣтки, уходящей въ пропасть.

Х.

Страшный Дыркинъ

Зеркальная кабина стала падать внизъ, и двое Коротковыхъ упали внизъ. Второго Короткова первый и главный забылъ въ зеркалѣ кабины и вышелъ одинъ въ прохладный вестибюль. Очень толстый и розовый въ цилиндрѣ встрѣтилъ Короткова словами:

— И чудесно. Вотъ я васъ и арестую.

— Меня нельзя арестовать, — отвѣтилъ Коротковъ и засмѣялся сатанинскимъ смѣхомъ, — потому что я неизвѣстно кто. Конечно. Ни арестовать, ни женить меня нельзя. А въ Полтаву я не поѣду.

Толстый человекъ задрожалъ въ ужасѣ, поглядѣлъ въ зрачки Короткову и сталъ осѣдать назадъ.

— Арестуй-ка, — пискнулъ Коротковъ и показалъ толстяку дрожащій блѣдный языкъ, пахнущій валерьянкой, — какъ ты арестуешь, ежели вмѣсто документовъ — фига? Можетъ-быть, я Гогенцоллернъ.

— Господи Иисусе, — сказалъ толстякъ, трясущейся рукой перекрестился и превратился изъ розоваго въ желтаго.

— Кальсонеръ не попадался? — отрывисто спросилъ Коротковъ и оглянулся. — Отвѣчай, толстунъ.

— Никакъ нѣтъ, — отвѣтилъ толстякъ, мѣняя розовую окраску на сѣренькую.

— Какъ же теперь быть? А?

— Къ Дыркину, не иначе, — пролепеталъ толстякъ, — къ нему самое лучшее. Только грозень. Ухъ, грозень! И не подходи. Двое ужъ отъ него сверху вылетѣли. Телефонъ сломалъ нынче.

— Ладно, — отвѣтили Коротковъ и заливчатски сплюнуль, — намъ теперь все равно. Подымай!

— Ножку не ушибите, товарищъ уполномоченный, — нѣжно сказала толстякъ, подсаживая Короткова въ лифтъ.

На верхней площадкѣ попался маленькій лѣтъ шестнадцати и страшно закричалъ:

— Куда ты? Стой!

— Не бей, дяденька, — сказала толстякъ, съезжившись и закрывъ голову руками, — къ самому Дыркину.

— Проходи, — крикнуль маленький.

Толстякъ зашепталъ:

— Вы ужъ идите, ваше сіятельство, а я здѣсь на скамеечкѣ васъ подожду. Больно жутко. . .

Коротковъ попалъ въ темную переднюю, а изъ нея въ пустынный залъ, въ которомъ былъ распротертъ голубой вытертый коверъ.

Передъ дверью съ надписью „Дыркинъ“ Коротковъ немного поколебался, но потомъ вошелъ и оказался въ уютно обставленномъ кабинетѣ съ огромнымъ малиновымъ столомъ и часами на стѣнѣ. Маленькій пухлый Дыркинъ вскочилъ на пружинѣ изъ-за стола и, вздыбивъ усы, рявкнуль:

— М-молчать! . . — хотъ Коротковъ еще ровно ничего не сказалъ.

Въ ту же минуту въ кабинетъ появился блѣдный юноша съ портфелемъ. Лицо Дыркина мгновенно покрылось улыбовыми морщинами.

— А-а! — вскричалъ онъ сладко, — Артуръ Артурычъ. Наше вамъ.

— Слушай, Дыркинъ, — заговорилъ юноша металлическимъ голосомъ, — ты написалъ Пузыреву, что будто бы я учредилъ въ эмеритурной кассѣ свою единоличную диктатуру и поперъ эмеритурныя майскія деньги? Ты? Отвѣчай, паршивая сволочь.

— Я? . . — забормоталъ Дыркинъ, колдовски превращаясь изъ грознаго Дыркина въ Дыркина доб-

ряка,—я, Артуръ Диктатурычъ... Я, конечно... Вы это напрасно...

— Ахъ, ты мерзавецъ, мерзавецъ, — раздѣльно сказала юноша, покачалъ головой и, взмахнувъ портфелемъ, треснулъ имъ Дыркина по уху, словно блинъ выложилъ на тарелку.

Коротковъ машинально охнулъ и застылъ.

— То же будетъ и тебѣ, и всякому негодю, который позволить себѣ совать носъ въ мои дѣла, — внушительно сказала юноша, и, погрозивъ на прощанье Короткову краснымъ кулакомъ, вышла.

Минуты двѣ въ кабинетѣ стояло молчаніе и лишь подвѣски на канделябрахъ звякали отъ проѣхавшаго гдѣ-то грузовика.

— Вотъ, молодой человекъ, — горько усмѣхнувшись, сказала добрый и униженный Дыркинъ, — вотъ и награда за усердіе. Ночей не досыпаешь, не доѣдаешь, не допиваешь, а результатъ всегда одинъ — по мордѣ. Можетъ быть и вы съ тѣмъ же пришли? Что жъ... Бейте Дыркина, бейте. Морда у него, видно, казенная. Можетъ быть, вамъ рукой больно? Такъ вы канделябрикъ возьмите.

И Дыркинъ соблазнительно выставилъ пухлыя щеки изъ-за письменнаго стола. Ничего не понимая, Коротковъ, косо и застѣнчиво улынулся, взялъ канделябръ за ножку и съ хрустомъ ударилъ Дыркина по головѣ свѣчами. Изъ носа у того закапала на сукно кровь и онъ, крикнувъ „караулъ“, убѣжалъ черезъ внутреннюю дверь.

— Ку-ку! — радостно крикнула лѣсная кукушка и выскочила изъ нюренбергскаго разрисованнаго домика на стѣнѣ.

— Ку-клуксъ-канъ! — закричала она, и превратилась въ лысую голову, — запишемъ, какъ вы работниковъ лупите!

Ярость овладѣла Коротковымъ. Онъ взмахнулъ канделябромъ и ударилъ имъ часы. Они отвѣтили громомъ и брызгами золотыхъ стрѣлокъ. Кальсонеръ вы-

скочилъ изъ часовъ, превратился въ бѣлаго пѣтушка съ надписью „исходящій“ и юркнулъ въ дверь. Тотчасъ за внутренними дверьми разлился вопль Дыркина: „лови его, разбойника!“ и тяжкіе шаги людей полетѣли со всѣхъ сторонъ. Коротковъ повернулся и бросился бѣжать.

XI

Парфорсное кино и бездна.

Съ площадки толстякъ скакнулъ въ кабину, забросился сѣтками и ухнулъ внизъ, а по огромной, изгрызенной лѣстницѣ побѣжали въ такомъ порядкѣ: первымъ, черный цилиндръ толстяка, за нимъ — бѣлый исходящій пѣтухъ, за пѣтухомъ — канделябрь, пролетѣвшій въ верхкѣ надъ острой бѣлой головкой, затѣмъ Коротковъ, шестнадцатилѣтній съ револьверомъ въ рукѣ и еще какіе-то люди, топочущіе подкованными сапогами. Лѣстница застонала бронзовымъ звономъ и тревожно захлопали двери на площадкахъ.

Кто-то свѣсилъ съ верхняго этажа внизъ и крикнулъ въ рупоръ:

— Какая секція ререѣзжаетъ? Несгораемую каску забыли!

Женскій голосъ внизу {отвѣтилъ:

— Бандиты!!

Въ огромныя двери на улицу Коротковъ, обогнавъ цилиндръ и канделябрь, выскочилъ первымъ и, заглотавъ огромную порцію раскаленнаго воздуха, полетѣлъ на улицу. Бѣлый пѣтушокъ провалился сквозь землю, оставивъ сѣрный запахъ, черная крылатка соткалась изъ воздуха и поплелась рядомъ съ Коротковымъ съ крикомъ тонкимъ и протяжнымъ:

— Артельщикова бьютъ, товарищи!

По пути Короткова прохожіе сворачивали въ стороны и вползали въ подворотни, вспыхивали и гасли короткіе свистки. Кто-то бѣшено порскалъ, улюлюкалъ, и загорались тревожные, сильные крики: „Держи“. Съ дробнымъ грохотомъ опускались желѣзныя шторы, и какой-то хромой, сидя на трамвайной линіи, визжалъ:

— Началось!

Выстрѣлы летѣли теперь за Коротковымъ частые, веселые, какъ елочныя хлопушки, и пули жикали то сбоку, то сверху. Рычащій, какъ кузнечный мѣхъ, Коротковъ стремился къ гиганту — одиннадцатэтажному зданію, выходящему бокомъ на улицу и фасадомъ въ тѣсный переулокъ. На самумъ углу, — стеклянная вывѣска съ надписью „Restoran i pivo“ треснула звѣздой, и пожилой извозчикъ пересѣлъ съ козелъ на мостовую съ томнымъ выраженіемъ лица и словами:

— Здорово! Что жъ вы, братцы, въ кого попало, стало-быть? . .

Выбѣжавшій изъ переулка человекъ сдѣлалъ попытку ухватить Короткова за полу пиджака и пола осталась у него въ рукахъ. Коротковъ завернулъ за уголъ, пролетѣлъ нѣсколько саженой и вбѣжалъ въ зеркальное пространство вестибюля. Мальчикъ въ галунахъ и золоченыхъ пуговкахъ отскочилъ отъ лифта заплакалъ.

— Садись, дядя. Садись! — проревѣлъ онъ, — только не бей сироту!

Коротковъ вонзился въ коробку лифта, сѣлъ на зеленый диванъ напротивъ другого Короткова и задышалъ, какъ рыба на пескѣ. Мальчишка, всхлипывая, влѣзъ за нимъ, закрылъ дверь, ухватился за веревку и лифтъ поѣхалъ вверхъ. И тотчасъ внизу, въ вестибюлѣ, загремѣли выстрѣлы и завертѣлись стеклянныя двери.

Лифтъ мягко и тошно шель вверхъ, мальчишка,

успокоившись, утиралъ носъ одной рукой, а другой перебиралъ веревку.

— Деньги покралъ, дяденька? — съ любопытствомъ спросилъ онъ, всматриваясь въ растерзаннаго Короткова.

— Кальсонера . . . атакуемъ . . . — задыхаясь отвѣчалъ Коротковъ, — да онъ въ наступленіе перешелъ ..

— Тебѣ, дяденька, лучше всего на самый верхъ, гдѣ бильярдные, — посоветовалъ мальчишка, — тамъ рышѣ отсидишься, если съ маузеромъ.

— Давай наверхъ . . . — согласился Коротковъ.

Черезъ минуту лифтъ плавно остановился, мальчишка распахнулъ двери, и, шмыгнувъ носомъ, сказала: — Вылазь дяденька, сыпь на крышу.

Коротковъ выпрыгнулъ, осмотрѣлся и прислушался. Снизу донесся нарастающій, поднимающійся гулъ, сбоку — стукъ костяныхъ шаровъ черезъ стеклянную перегородку, за которой мелькали встревоженные лица. Мальчишка шмыгнулъ въ лифтъ, заперся и провалился внизъ.

Орлинымъ взоромъ окинувъ позицію, Коротковъ поколебался мгновение и съ боевымъ кличемъ: „впередь!“ вбѣжалъ въ бильярдную. Замелькали зеленыя площадки съ лоснящимися бѣлыми шарами и блѣдныя лица. Снизу совсѣмъ близко бухнулъ въ оглушительномъ эхо выстрѣлъ и со звономъ гдѣ-то посыпались стекла. словно по сигналу, игроки побросали кии и гуськомъ, топоча, кинулись въ боковыя двери. Коротковъ, метнувшись, заперъ за ними дверь на крюкъ, съ трескомъ заперъ входную стеклянную дверь, ведущую съ лѣстницы въ бильярдную, и въ мигъ вооружился шарами. Прошло нѣсколько секундъ и возлѣ лифта выросла первая голова за стекломъ. Шаръ вылетѣлъ изъ рукъ Короткова, со свистомъ прошелъ черезъ стекло и голова мгновенно исчезла. На ея мѣстѣ сверкнулъ блѣдный огонь и выросла вторая голова, за ней — третья. Шары полетѣли одинъ за другимъ и стекла полопались въ перегородкѣ. Пере-

катывающейся стукъ покрылъ лѣстницу и въ отвѣтъ ему, какъ оглушительная зингеровская швейка, завылъ и затрясъ все зданіе пулеметь. Стекла и рамы вырѣзало въ верхней части, какъ ножомъ, и тучей пудры понеслась штукатурка по всей бильярдной.

Коротковъ понялъ, что позицію удержать нельзя. Разбѣжавшись, закрывъ голову руками, онъ ударилъ ногами въ трѣгью стеклянную стѣну, за которой начиналась плоская асфальтированная кровля громады. Стѣна треснула и высыпалась. Коротковъ подъ бушующимъ огнемъ успѣлъ выкинуть на крышу пять пирамидъ и онѣ разбѣжались по асфальту, какъ отрубленные головы. Вслѣдъ за ними выскочилъ Коротковъ и очень во-время, потому что пулеметь взялъ ниже и вырѣзалъ всю нижнюю часть рамы.

— Сдавайся! — смутно донеслось до него.

Передъ Коротковымъ сразу открылось худосочное солнце надъ самой головой, блѣдненькое небо, вѣтерокъ и промерзшій асфальтъ. Снизу и снаружи городъ даль знать тревожнымъ, смягченнымъ гуломъ. Попрыгавъ на асфальтъ и оглянувшись, подхвативъ три шара, Коротковъ подскочилъ къ парапету, влѣзъ на него и глянулъ внизъ. Сердце его замерло. Открылись передъ нимъ кровли домовъ, казавшихся приплюснутыми и маленькими, площадь, по которой ползли трамваи, и жучки-народъ, и тотчасъ Коротковъ разглядѣлъ сѣренькія фигурки, проплясавшія къ подъѣзду по щели переулка, а за ними тяжелую игрушку, усѣянную золотыми сіяющими головками.

— Окружили! — ахнулъ Коротковъ, — пожарные.

Перегнувшись черезъ парпетъ, онъ прицѣлился и пустил одинъ за другимъ три шара. Они взвились, затѣмъ, описавъ дугу, ухнули внизъ. Коротковъ подхватилъ еще одну тройку, опять влѣзъ и, размахнувшись, выпустилъ и ихъ. Шары сверкнули, какъ серебряные, потомъ, снизившись, превратились въ черные, потомъ опять засверкали и исчезли. Короткову показалось, что жучки забѣгали встревожен-

но на залитой солнцемъ площади. Коротковъ наклонился, чтобы подхватить еще порцію снарядовъ, но не успѣлъ. Съ несмолкающимъ хрустомъ и трескомъ стекло въ проломѣ бильярдной показались люди. Они сыпались, какъ горохъ, выскакивая на крышу. Вылетѣли сѣрыя фуражки, сѣрыя шинели, а черезъ верхнее стекло, не касаясь земли, вылетѣлъ люстриновый старичокъ. Затѣмъ стѣна совсѣмъ распалась, и грозно выкатился на роликахъ страшный бритый Кальсонеръ со стариннымъ мушкетеномъ въ рукахъ.

— Сдавайся! — завыло спереди, сзади и сверху, и все покрылъ невыносимый оглушающій кастрюльный басъ.

— Конечно, — слабо прокричалъ Коротковъ, — конечно. Бой проигранъ. Та-та-та! — запѣлъ онъ губами трубный отбой.

Отвага смерти хлынула ему въ душу. Цѣпляясь и балансируя, Коротковъ взобрался на столбъ парапета, покачнулся на немъ, вытянулся во весь ростъ и крикнулъ:

— Лучше смерть, чѣмъ позоръ!

Преслѣдователи были въ двухъ шагахъ. Уже Коротковъ видѣлъ протянутыя руки, уже выскочило пламя изо рта Кальсонера. Солнечная бездна поминала Короткова такъ, что у него захватило духъ. Съ пронзительнымъ побѣднымъ кликомъ онъ подпрыгнулъ и взлетѣлъ вверхъ. Въ мигъ перерѣзало ему дыханіе. Неясно, очень неясно онъ видѣлъ, какъ сѣрое съ черными дырами, какъ отъ взрыва, взлетѣло мимо него вверхъ. Затѣмъ очень ясно увидѣлъ, что сѣрое упало внизъ, а самъ онъ поднялся вверхъ къ узкой щели переулка, которая оказалась надъ нимъ. Затѣмъ кровавое солнце со звономъ лопнуло у него въ головѣ, и больше онъ ровно ничего не видалъ.

Домъ № 13.

Такъ было. Каждый вечеръ мышасто - сѣрая пятиэтажная громада загоралась сто семидесятью окнами на асфальтированный дворъ съ каменной дѣвушкой у фонтана. И зеленоликая, нѣмая, обнаженная, съ кувшиномъ на плечѣ, все лѣто глядѣлась то-но въ кругло-бездонное зеркало. Зимой же снѣжный вѣнецъ ложился на взбитые каменные волосы. На гигантскомъ гладкомъ полукругѣ у подъѣздовъ еже-вечерно клокотали и содрогались машины, на кончи-кахъ оглоблей лихачей сіяли фонарики-сударики. Ахъ, до чего былъ извѣстный домъ. Шикарный домъ Эльпите...

Однажды, напримѣръ, въ десять вечера, стосиль-ная машина, грянувъ веселый мажорный сигналъ, стала у перваго параднаго. Два сыщика, словно тѣни, выскочили изъ земли и метнулись въ тѣнь, а одинъ прошмыгнулъ въ черныя ворота, а тамъ по скользкимъ ступенямъ въ дворницкій подвалъ. От-крылась дверца лакированной каретки, и, закутанный въ шубу, высадился дорогой гость.

Въ квартирѣ № 3 генерала-отъ-кавалеріи де-Баррейнь онъ до трехъ гостилъ.

До трѣхъ, припавъ къ подножію сѣрой каріатиды, истомленный волчьей жизнью, бодрствовалъ шпионъ. Другой до трехъ на полутемномъ маршѣ лѣстницы курилъ, слушая приглушенный коврами то звонъ вен-герской рапсодіи, *capriccioso*—то цыганскіе буйные взрывы:

Сегодня пьемъ! Завтра пьемъ!
Пьемъ мы всю недѣлю — эхъ!
Разъ... еще разъ...

До трехъ сидѣлъ третій на ситцево-лоскутной дряни въ конурѣ старшаго дворника. И конусы рѣзкаго бѣлаго свѣта до трехъ горѣли на полукругѣ. И изъ этажа въ этажъ по невидимому телефону бѣжалъ шепчущій горделивый слухъ: Распутинъ здѣсь. Распутинъ. Смуглый обладатель сейфа, торговецъ живымъ товаромъ, Борисъ Самойловичъ Христи, гениальнѣйшій изъ всѣхъ московскихъ управляющихъ, послѣ ночи у де-Баррейнь, сталь, какъ будто, еще загадочнѣе, еще надменнѣе.

Искры стальной гордости появились у него въ черныхъ глазахъ и на квартиры жестоко набавили.

А въ № 2 Христи, да что Христи... Самъ Эльпидь снималъ, въ бурю ли, въ снѣгъ ли, каракулевою шапку, сталкиваясь съ выходящей изъ зеркальной каретки женщиной въ шеншиляхъ. И улыбался. Счета женщины гасилъ человекъ столь вознесенный, что у него не было фамилии. Подписывался именемъ съ хитрымъ росчеркомъ... Да что говорить. Былъ домъ... Большие люди — большая жизнь.

Въ зимніе вечера, когда бѣсъ, прикинувшись вьюгой, кувырчался и вылъ подъ желѣзными желобами крышъ, проворные дворники гнали передъ собой щитами сугробы, до асфальта расчищали дворъ. Четыре лифта ходили беззвучно вверхъ и внизъ. Утромъ и вечеромъ, словно, по волшебству, сѣрмя гармоніи трубъ во всѣхъ 75 квартирахъ наливались тепломъ. Въ кронштейнахъ на площадкахъ горѣли лампы... Въ нѣдрахъ квартиръ бѣлая ванны, въ важныхъ полутемныхъ переднихъ тусклый блескъ телефонныхъ аппаратовъ... Ковры... Въ кабинетахъ беззвучно торжественно. Массивныя кожаныя кресла. И до самыхъ верхнихъ площадокъ жили крупные массивные люди. Директоръ банка, умница, государ-

ственный человекъ съ лицомъ Сень-Бри изъ „Гугентовъ“, лишь чуть испорченнымъ какими-то странноватыми, не то больными, не то уголовными глазами, фабрикантъ (афинскія ночи со съемками при магнии), золотистыя выкормленныя женщины, всемірный феноменальный басъ-солистъ, еще генераль, еще... И мелочь: присяжные повѣренные въ визиткахъ, доктора по абортамъ...

Большое было время...

И ничего не стало. *Sic transit gloria mundi!*

Страшно жить, когда падаютъ царства. И самая память стала угасать. Да было ли это, Господи?.. Генераль-отъ-кавалеріи!.. Слово какое!

Да... А вещи остались. Вывезти никому не дали.

Эльпить самъ ушелъ, въ чемъ былъ.

Вотъ тогда у воротъ, рядомъ съ фонаремъ (огненный „№ 13“), прилипла бѣлая таблица и странная надпись на ней: „Рабкоммуна“. Во всѣхъ 75 квартирахъ оказался невиданный людъ. Піанино умолкли, но граммофоны были живы и часто пѣли зловѣщими голосами. Поперекъ гостиныхъ протянулись веревки, а на нихъ сырое бѣлье. Примусы шипѣли по-змѣиному, и днемъ, и ночью плыль по лѣстницамъ щиплющій чадъ. Изъ всѣхъ кронштейновъ лампы исчезли, и наступалъ ежевечерно мракъ. Въ немъ спотыкались тѣни съ узломъ и тоскливо вскрикивали:

— Мань, а Ма-ань! Гдѣ же ты? Чортъ те возьми!

Въ квартирѣ 50 въ двухъ комнатахъ вытопили паркетъ. Лифты... Да, впрочемъ, что тутъ рассказывать...

Но было чудо: Эльпить-Рабкоммуну топили.

Дѣло въ томъ, что въ полуподвальной квартирѣ, въ двухъ комнатахъ, остался... Христи.

Тѣ три человѣка, которымъ досталась львиная доля Эльпитовскихъ ковровъ, и которые вывѣсили на двери де-Баррейна въ бельэтажѣ лоскутокъ: „Правленіе“, поняли, что безъ Христи домъ Рабкоммуны не простоитъ и мѣсяца. Разсыплется. И матово-чернаго дѣльца въ фуражкѣ съ лакированнымъ козырькомъ оставили за зелеными занавѣсками въ полуподвалѣ. Чудовищное соединеніе: съ одной стороны, шумное, заскорузное правленіе, съ другой — „смотритель“! Это Христи-то! Но это было прочнѣйшее въ мірѣ соединеніе. Христи былъ именно тотъ человѣкъ, который не менѣе правленія желалъ, чтобы Рабкоммуна стояла бы невредимо мышастой громадой, а не упала бы въ прахъ.

И вотъ, Христи не только не обидѣли, но положили ему жалованье. Ну, правда, ничтожное. Около $\frac{1}{10}$ того, что платилъ ему Эльпиту, безъ всякихъ признаковъ жизни сидящій въ двухъ комнатушкахъ на другомъ концѣ Москвы.

— Чортъ съ ними, съ унитазами, чортъ съ проводами! — страстно говорилъ Эльпиту, сжимая кулаки. — Но лишь бы топить. Сохранить главное. Борись Самойловичъ, сберегите мнѣ домъ, пока все это кончится, и я сумѣю васъ отблагодарить! Что? Вѣрьте мнѣ!

Христи вѣрилъ, кивалъ стриженной сѣдьющей головой и уѣзжалъ послѣ доклада хмурый и озабоченный. Подъѣзжая видѣлъ въ воротахъ правленіе и закрывалъ глаза отъ ненависти, блѣднѣлъ. Но это только мигъ. А потомъ улыбался. Онъ умѣлъ терпѣть.

А главное — топить. И вотъ, добывали ордера, нефть возили. Трубы нагрѣвались. 12°, 12°! Если тамъ, откуда получали нефть, что-то заѣдало, крупно платился Эльпиту. У него горѣли глаза.

— Ну, хорошо... Я заплачу. Дайте обоимъ и секретарю. Что? Перестать? О, нѣтъ, нѣтъ! Ни на минуту...

Христи былъ геніаленъ. Въ среднемъ корпусѣ, въ пятомъ этажѣ, на квартиру, въ которой когда-то студія была, табу наложилъ.

— Нилушкина Егора туда вселить...

— Нѣтъ ужъ, товарищи, будьте добры. Мнѣ безъ хозяйственного склада нельзя. Для дома, вѣдь, для васъ же.

Въ сущности, былъ хламъ. Какія-то глупыя декорации, арматура. Но... Но были и тридцать бидоновъ съ бензиномъ Эльпитовскимъ и еще что-то въ сверткахъ, что хранилъ Христи до лучшихъ дней.

И жила сѣрая Рабкоммуна № 13 подъ недреманнымъ окомъ. Правда, въ лѣвомъ крылѣ то-и-дѣло угасалъ свѣтъ... Монтеръ, начавшій пить съ января 18-го года, вытертый, какъ войлокъ, озвѣрѣвшій монтеръ, бабамъ кричалъ:

— А, чтобъ вы издохли! Дверью больше хлопайте у щита! Что я вамъ каторжный? Сверхурочные.

И бабы злобно-тоскливо вопили во мракъ:

— Мань! А Ма-ань! Гдѣ ты?

Опять къ монтеру ходили:

— Сво-о-лочь ты! Пьяндыга. Христи пожалуемся.

И отъ одного имени Христи свѣтъ волшебю загорался.

Да съ, Христи былъ человекъ.

Мучилъ онъ правленіе до тѣхъ поръ, пока оно не выдѣлило изъ своей среды Нилушкина Егора, съ титуломъ „санитарный наблюдающій“. Нилушкинъ Егоръ два раза въ недѣлю обходилъ всѣ 75 квартиръ. Грохоталъ кулаками въ запертыя двери, а въ незапертыя входилъ безъ церемоніи, хоть будь тутъ голая

бабы, пролѣзалъ подъ сырыми подштанниками и кричалъ силло и страшно :

— Которые тутъ гадють, всѣхъ въ 24 часа!
И съ уличенныхъ бралъ дань.

И вотъ жили, жили, анъ въ февралѣ, въ самый морозъ, зашло вновь съ нефтью. И Эльпитъ ничего не могъ сдѣлать. Взятку взяли, но сказали :

— Дадимъ черезъ недѣлю.

Христи на докладѣ у Эльпита промолвилъ тяжко :

— Ой... Я такъ усталъ! Если бы вы знали, Адольфъ Іосифовичъ, какъ я усталъ. Когда же все это кончится?

И тутъ, дѣйствительно, можно было видѣть, что у Христи тоскливые стали, замученные глаза. У стального Христи.

Эльпитъ страстно отвѣтилъ :

— Борисъ Самойловичъ! Вы вѣрите мнѣ? Ну, такъ вотъ вамъ: это послѣдняя зима. И такъ же легко, какъ я эту папироску выкурю, я ихъ вышвырну будущимъ лѣтомъ къ чортовой матери. Что? Вѣрите мнѣ. Но только я васъ прошу, очень прошу, ужъ эту недѣлю вы сами, сами посмотрите. Боже сохрани — печки! Эта вентиляція... Я такъ боюсь. Но и стекла чтобы не рѣзали. Вѣдь не сдохнуть же они за недѣлю? Ну, можетъ, шесть дней. Я самъ завтра съѣзжу къ Ивану Иванычу.

Въ Рабкомунѣ вечеромъ, Христи, выдыхая бѣловатый паръ, говорилъ :

— Ну, что жъ... Ну, потерпимъ. Четыре — пять дней. Но безъ печекъ...

И правленіе соглашалось :

— Конечно. Мыслимо ли? Это не дымоходы. Долго ли до бѣды.

И Христи самъ ходилъ, самъ ходилъ каждый день, въ особенности, въ пятый этажъ. Зорко глядѣлъ, чтобы не наставили черныхъ буржукъ, не вы-

вели бы трубъ въ отверстия, что предательски-привѣтливо глядѣли въ углахъ комнатъ подъ самымъ потолкомъ.

И Нилушкинъ Егоръ ходилъ.

— Ежели мнѣ которые... Это вамъ не дымоходы. Въ двадцать четыре часа.

На шестой день пытка стала нестерпимой. Бичъ дома, Пыляева Аннушка, простоволосая кричала въ пролетъ удаляющемуся Нилушкину Егору:

— Сволочи! Зажирѣли за нашими спинами! Только и знаютъ — самогонъ лакаютъ. А какъ обзаботиться топить — ихъ нѣту! У-у, треклятыя души! Да съ мѣста не сойти, затоплю сѣдни. Права такого нѣту, не дозволяютъ! Косой чортъ (это про Христи)! Ему одно: какъ бы домъ не закоптить... Хозяина дожидается, намъ все извѣстно!.. По его, рабочій человекъ хоть издохни!..

И Нилушкинъ Егоръ, отступая со ступеньки на ступеньку, растерянно бормоталъ:

— Ахъ зануда баба... Ну, и зануда жъ!

Но все же оборачивался и гулко отстрѣливался. Я те затоплю! Въ двадцать четыре...

Сверху:

— Сук-кинъ сынъ! Я до Карпова дойду! Что? Морозить рабочаго человекъ!

Не осуждайте. Пытка — морозъ. Озвѣрѣеть всякій...

.

... Въ два часа ночи, когда Христи спалъ, когда Нилушкинъ спалъ, когда во всѣхъ комнатахъ подъ тряпьемъ и шубами, свернувшись, какъ собаченки, спали люди, въ квартирѣ 50, комн. 5 стало какъ въ раю. За черными окнами была бѣсовская метель,

а въ маленькой печечкѣ танцоваль огненный маленькій принцъ, сжигая паркетные квадратики.

— Ахъ, тяга хороша! — восхищалась Пыляева Аннушка, поглядывая то на чайничекъ, постукивающій крышкой, то на черное кольцо, уходящее въ отверстие, — замѣчательная тяга! Вотъ псы, прости господи! Жалко имъ, что ли? Ну, да ладно. Шито и крыто.

И принцъ плясаль, и искры неслись по черной трубѣ и улетали въ загадочную пасть... А тамъ въ черные извивы узкаго вентиляціоннаго хода, обитаго войлокомъ... Да на чердакъ...

.

Первыми блеснули дрожащіе факелы Арбатской... Христи одной рукой рваль телефонную трубку съ крючка, другой оборваль зеленую занавѣску...

... Пречистенскую даешь! Царица небесная! Товарищи!! Девятьсотъ тридцать человекъ проснулось одновременно. Увидѣли — змѣйнымъ дрожаніемъ окржавились стекла. Угодники-святители! Вой! Двери забили, какъ пулеметы, въ перебой... Барышня! Охъ, барышня!!! Одинъ — охъ-двадцать два... восемнадцать. 18... Краснопресненскую даешь!!.

... Каскадами съ пятаго этажа по ступенямъ хлынуло. Въ пролетахъ, въ лифтахъ Ніагара до подвала. По-мо-ги-те!.. Хамовническую даешь!!.

Эхъ, молодцы пожарные! Безстрашные рыцари въ золотокровавыхъ шлемахъ, въ парусинѣ. Развивчивали лѣстницы, сѣрые шланги поползли какъ удавы. Въ Бога! Въ мать!! Рвали крюками желѣзные листы. Топорами били страшно, какъ въ бою. Свистѣли струи вправо, влѣво, въ небо. Мать! Мать!! А громъ, громъ, громъ. На двадцатой минутѣ Городская съ искрами, съ огнями, съ касками...

Но бензинъ, голубчики, бензинъ! Бензинъ! Про-
пали головушки горькія, бензинъ! Рядомъ съ Пыля-
евой Аннушкой, съ комнатою 5. Ударило: разъ. Еще:
р-разъ!

... Еще много, много разъ ...

А тамъ совсѣмъ уже грозно заигралъ, да не ма-
ленькій принцъ. а огненный король, рапсодію. Да не
саргіссіо, а страшно — brioso. Сретенская съ пе-
реулка — дае-ешь!! Качай, качай! А огонь Сре-
тенской — салютъ! Ахнуло такъ, что въ лѣвомъ
крылѣ во мгновение ока ни стекла. Въ среднемъ кор-
пусѣ бездна огненная, а надъ бездной какъ траурные
плащи бабочки полетѣли желѣзные листы.

Мѣдные шлемы ударили штурмомъ на лѣвое
крыло, а въ среднемъ бѣсъ раздулъ такъ, что въ 4
этажѣ въ 49 номерѣ бабкѣ Павловнѣ, что тянучками
торговала, ходу-то и нѣтъ! И, взывъ предсмертно,
вылетѣла бабка изъ окна, сверкнувъ желтыми голыми
ногами. Скорую помощь! 1-22-31!! Кровавую ле-
пешку лѣчить! Угодники Божіе! Ванюшка сгорѣлъ!
Ванюшка!! Гдѣ папанька? Ой! Ой! Машинку-то,
машинку! Швейную, батюшки! Узлы изъ оконъ на
асфальтъ бу-ухъ! Стой! Не кидай! Товарищи!..
А съ пятого этажа, въ правомъ крыльцѣ, въ узлѣ та-
релокъ одиннадцать штукъ фаянсъ буржуйской быв-
шей, какъ чвякнуло! И былъ Нилушкинъ Егоръ, и
нѣтъ Нилушкина Егора. Въмѣсто Нилушкиной головы
мѣсиво, въмѣсто фаянса — черепки въ простынѣ. То-
варищи! Ой! Таньку забыли!.. Оцѣпить съ пере-
улка! Осади! Назадъ! Въ мать; въ Бога!

Токомъ ударило одного изъ безстрашныхъ рыца-
рей въ подвалѣ. Славной смертью другой погибъ въ
бензиновомъ ручѣ, летѣвшемъ въ яростныхъ легкихъ
огняхъ внизъ. Балку оторвало, ударило и третьему
перебило позвоночный столбъ.

Съ самоваромъ въ одной рукѣ, въ другой икона,
въ серебряной ризѣ. Въ однѣхъ рубахахъ. Визгъ,

визгъ. Въ визгъ топоры гремятъ, гремятъ. Осади!!
Потолокъ! Какъ саданетъ, какъ рухнетъ съ третьяго
во второй, со второго въ первый этажъ.

И тутъ уже адъ. Чистый адъ. Изъ средняго
хлещетъ такъ, что волосы дыбомъ встаютъ. Стекла
последнія, самыя отдаленныя — бенць! Бенць!

Трубки въ дыму давятся, качаются, напоромъ
бранспойты изъ рукъ рветъ. Резервь даешь!! Да
что — резервь! Уже къ среднему на десять сажений
не подходи! Глаза лопнуть...

.

Въ первый разъ въ жизни Христи плакалъ. Съ-
дѣющій, стальной Христи. У сырого ствола въ пали-
садникъ въ переулкѣ, гдѣ было свѣтло, хоть мелкое
письмо читай. Шуба свисала съ плеча, и голая грудь
была видна у Христи. Да не было холодно. И стало
у Христи такое лицо, словно онъ самъ горѣлъ въ ог-
нѣ, но былъ нѣмъ и ничего не могъ выкрикнуть.
Все смотрѣлъ, не отрываясь, туда, гдѣ сквозь метав-
шіяся черныя тѣни виднѣлись пламенѣвшія неподвиж-
ныя лица каріатидъ. Слезы медленно сползали по
синеватымъ щекамъ. Онъ не смахивалъ ихъ и все
смотрѣлъ, да смотрѣлъ.

Разъ только онъ мотнулъ головой, когда Эльпить
тронулъ за плечо и хрипло сказалъ:

— Ну, что ужъ больше... Ёдемъ, Борисъ Са-
мойловичъ. Простудитесь. Ёдемъ.

Но Христи еще разъ качнулъ головой.

— Поѣзжайте... Я сейчасъ.

Эльпить утонулъ среди тѣней, среди факеловъ,
шлепая по распустившемуся снѣгу, пробираясь къ из-
возчику. Христи остался, только перевелъ взглядъ
на блѣднѣвшее небо, на которомъ колыхался, распла-
ставшись, жаркій оранжевый звѣрь...

... На звѣря смотрѣла и Пыляева Аннушка. Съ
загушенными вздохами и стонами бѣжала она тихи-

ми снѣжными переулками и лицо у нея отъ сажи и слезъ какъ у вѣдьмы было.

То шептала чепуху какую-то:

— Засудять . . . Засудять, головушка горькая...

То всхлипывала.

Ужъ давно, давно остались позади и вой, и крикъ, и голые люди, и страшныя вспышки на шлемахъ. Тихо было въ переулкѣ и чуть порошилъ снѣжокъ. Но звѣриное брюхо все висѣло на небѣ. Все дрожало и переливалось. И такъ изстрадалась, истомилась Пыляева Аннушка отъ черной мысли „бѣда“, отъ этого огненнаго брюха-отсвѣта, что торжествующе разливалось по небу . . . такъ изстрадалась, что пришло къ ней тупое успокоеніе, а главное, въ головѣ въ первый разъ въ жизни просвѣтлѣло.

Остановившись, чтобы отдышаться, ткнулась она на ступеньку, съла. И слезы высохли.

Подперла голову и отчетливо помыслила въ первый разъ въ жизни такъ:

— Люди мы темные. Темные люди. Учить насъ надо, дураковъ . . .

Отдышавшись, поднялась, пошла уже медленно, на звѣря не оглядывалась, только все по лицу размазывала сажу, носомъ шмыгала.

А звѣрь, какъ поблѣднѣло небо, и самъ сталъ блѣднѣть, туманиться. Туманился, туманился, съежился, свился чернымъ дымомъ и совсѣмъ исчезъ.

И на небѣ не осталось никакого знака, что сгорѣлъ знаменитый № 13 домъ Эльпите-Рабкоммуна.

Походенія Чичикова.

Поэма въ 2-хъ пунктахъ съ прологомъ и эпилогомъ.

— Держи, держи, дуракъ! — кричалъ Чичиковъ Селифану.

— Вотъ я тебя палашомъ! — кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдъ-егерь, съ усами въ аршинъ. — Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ.

Прологъ

Диковинный сонъ... Будто бы въ царствѣ тѣней, надъ входомъ въ которое мерцаетъ неугасимая лампада съ надписью „Мертвыя души“, шутникъ-сатана открылъ двери. Зашевелилось мертвое царство и потянулась изъ него безконечная вереница.

Маниловъ въ шубѣ, на большихъ медвѣдяхъ, Ноздревъ въ чужомъ экипажѣ, Держиморда на пожарной трубѣ, Селифанъ, Петрушка, Фетинья...

А самымъ послѣднимъ тронулся онъ — Павелъ Ивановичъ Чичиковъ въ знаменитой своей бричкѣ.

И двинулась вся ватага на Совѣтскую Русь и произошли въ ней тогда изумительныя происшествія. А какія — тому слѣдуютъ пункты...

Пересѣвъ въ Москвѣ изъ брички въ автомобиль и летя въ немъ по московскимъ буеракамъ, Чичиковъ ругательски ругалъ Гоголя:

— Чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обоими глазами по пузырю въ копну величиною! Испакостилъ, изгадилъ репутацію такъ, что некуда носа показать. Вѣдь, ежели узнаютъ, что я— Чичиковъ, натурально, въ два счета выкинуть къ чортовой матери! Да еще хорошо, какъ только выкинуть, а то еще, храни Богъ, на Лубянкѣ насидишься. А все Гоголь; чтобъ ни ему, ни его роднѣ...

И размышляя такимъ образомъ, вѣхалъ въ ворота той самой гостиницы, изъ которой сто лѣтъ тому назадъ вѣхалъ.

Все рѣшительно въ ней было попрежнему: изъ щелей выглядывали тараканы и даже ихъ какъ-будто больше сдѣлалось, но были и нѣкоторыя измѣненія. Такъ, на примѣръ, вмѣсто вывѣски „гостиница“ висѣлъ плакатъ съ надписью: „общезитіе № такой-то“ и, само собой, грязь и гадость была такая, о которой Гоголь даже понятія не имѣлъ.

— Комнату!

— Ордеръ пожалте!

Ни одной секунды не смутился геніальный Павелъ Ивановичъ.

— Управляющаго!

— Трахъ! — управляющій старый знакомый: дядя Лысый Пимень, который нѣкогда держаль „Акульку“, а теперь открыль на Тверской кафе на русскую ногу съ нѣмецкими затѣями: аршадами, бальзамами и, конечно, съ проститутками. Гость и управляющій облобызались, шушукнулись, и дѣло уладилось въ мигъ безъ всякаго ордера. Закусилъ Павелъ Ивановичъ, чѣмъ Богъ послалъ, и полетѣлъ устраиваться на службу.

II

Являлся всюду и всѣхъ очароваль поклонами нѣсколько на бокъ и колоссальной эрудиціей, которой всегда отличался.

— Пишите анкету.

Дали Павлу Ивановичу анкетный листь въ аршинъ длины, и на немъ сто вопросовъ самыхъ каверзныхъ: откуда, да гдѣ былъ, да почему?..

Пяти минутъ не просидѣлъ Павелъ Ивановичъ и исписаль анкету кругомъ. Дрогнула только у него рука, когда подавалъ ее.

— Ну, — подумаль, — прочитають сейчасъ, что я за сокровище, и...

И ничего ровно не случилось.

Во-первыхъ, никто анкету не читаль, во-вторыхъ попала она въ руки къ барышнѣ регистраторшѣ, которая распорядилась ею по обычаю: провела вмѣсто входящаго по исходящему и затѣмъ немедленно ее куда-то засунула, такъ что анкета какъ въ воду канула.

Ухмыльнулся Чичиковъ и началъ служить.

III

А дальше пошло легче и легче. Прежде всего оглянулся Чичиковъ и видить, куда ни плюнь, свой сидить. Полетѣлъ въ учрежденіе, гдѣ пайки де выдаютъ, и слышитъ:

— Знаю я васъ, скалдырниковъ: возьмете живого кота, обдерете, да и даете на паекъ! А вы дайте мнѣ бараній бокъ съ кашей. Потому что лягушку вашу пайковую, мнѣ хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ее въ ротъ и гнилой селедки тоже не возьму!

Глянулъ — Собакевичъ.

Тотъ, какъ пріѣхаль, первымъ долгомъ двинулся паекъ требовать. И вѣдь получилъ! Съѣлъ и надбавки попросилъ. Дали. Мало! Тогда ему второй отвалили; былъ простой — дали ударный. Мало! Дали какой-то бронированный. Сlopаль и еще потребовалъ. И со скандаломъ потребовалъ! Обругалъ всѣхъ хриstopродавцами, сказалъ, что мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ и что есть одинъ только порядочный человекъ дѣлопроизводитель, да и тотъ, если сказать правду, свинья!

Дали академическій.

Чичиковъ лишь увидѣлъ, какъ Собакевичъ пайками орудуетъ, моментально и самъ устроился. Но конечно, превзошелъ и Собакевича. На себя получилъ, на несуществующую жену съ ребенкомъ, на Селифана, на Петрушку, на того самага дядю, о которомъ Бетрищеву рассказывалъ, на старуху-мать, которой на свѣтѣ не было. И всѣмъ академическіе. Такъ что продукты къ нему стали возить на грузовикѣ.

А наладивши такимъ образомъ вопросъ съ питаніемъ, двинулся въ другія учрежденія, получать мѣста.

Пролетая какъ то разъ въ автомобиль по Кузнецкому, встрѣтилъ Ноздрева. Тотъ первымъ долгомъ сообщилъ, что онъ уже продалъ и цѣпочку и часы. И точно, ни часовъ, ни цѣпочки на немъ не было. Но Ноздревъ не унывалъ. Рассказалъ, какъ повезло ему на лотереѣ, когда онъ выигралъ полфунта постнаго масла, ламповое стекло и подметки на дѣтскіе ботинки, но какъ ему потомъ не повезло и

онъ, канальство, еще своихъ шестьсотъ миллионъ доложилъ. Разказалъ, какъ предложилъ Внѣшторгу поставить за границу партію настоящихъ кавказскихъ кинжаловъ. И поставилъ. И заработалъ бы на этомъ тьму, если бъ не мерзавцы англичане, которые увидѣли, что на кинжалахъ надпись „Мастеръ Савелій Сибиряковъ“ и всѣ ихъ забраковали. Затащилъ Чичикова къ себѣ въ номеръ и напоилъ изумительнымъ, якобы изъ Франціи полученнымъ коньякомъ, въ которомъ, однако, былъ слышенъ самогонъ во всей его силѣ. И, наконецъ, до того довраля, что сталъ увѣрять, что ему выдали восемьсотъ аршинъ мануфактуры, голубой автомобиль съ золотомъ и ордеръ на помѣщеніе въ зданіи съ колоннами.

Когда же зять его Мижуевъ выразилъ сомнѣніе, обругалъ его, но не Софрономъ, а просто сволочью.

Однимъ словомъ, надоѣлъ Чичикову до того, что тотъ не зналъ, какъ и ноги отъ него унести.

Но рассказы Ноздрева навели его на мысль и самому заняться внѣшней торговлей.

IV

Такъ онъ и сдѣлалъ. И опять анкету написалъ и началъ дѣйствовать и показалъ себя во всемъ блескѣ. Барановъ въ двойныхъ тулупахъ водилъ черезъ границу, а подъ тулупами брабантскія кружева; брилліанты возилъ въ колесахъ, дышлахъ, въ ушахъ и нивѣсть въ какихъ мѣстахъ.

И въ самомъ скоромъ времени очутились у него пятисотъ апельсиновъ капиталу.

Но онъ не унялся, а подалъ куда слѣдуетъ заявленіе, что желаетъ снять въ аренду нѣкое предпріятіе и расписалъ необыкновенными красками, какія отъ этого государству будутъ выгоды.

Въ учрежденіи только рты растегнули — выгода, дѣйствительно, выходила калоссальная. Попросили ука-

зять підприємціє. Извольте. На Тверскомъ бульварѣ, какъ разъ противъ Страстнаго монастыря, перейдя улицу и называется — Пампушь на Твербуль. Послали запросъ куда слѣдуетъ: есть ли тамъ такая штука. Огвѣтили: есть и всей Москвѣ извѣстна. Прекрасно.

— Подайте техническую смѣту.

У Чичикова смѣта уже за пазухой.

Дали въ аренду.

Тогда Чичиковъ, не теряя времени полетѣлъ куда слѣдуетъ:

— Авансъ пожалте.

— Представьте вѣдомость въ трехъ экземплярахъ съ надлежащими подписями и приложеніемъ печатей.

Двухъ часовъ не прошло, представилъ и вѣдомость. По всей формѣ. Печатей столько, какъ въ небѣ звѣздъ. И подписи налицо.

— За завѣдующаго — Неуважай-Корыто, за секретаря — Кувшинное Рыло, за предсѣдателя тарифно-расцѣвочной комиссіи — Елизавета Воробей.

— Вѣрно. Получите ордеръ.

Кассиръ только крякнулъ, глянувъ на итогъ.

Расписался Чичиковъ и на трехъ извозчикахъ увезъ дензнаки.

А затѣмъ въ другое учрежденіе:

— Пожалте подтоварную ссуду.

— Покажите товары.

— Сдѣлайте одолженіе. Агента позвольте.

— Дать агента!

Тьфу! И агентъ знакомый: Ротозѣй Емельянь.

Забралъ его Чичиковъ и повезъ. Привезъ въ первый попавшійся подвалъ и показываетъ. Видитъ Емельянь — лежитъ несмѣтное количество продуктовъ.

— М-да. . . И все ваше?

— Все мое.

— Ну, — говоритъ Емельянь, — поздравляю васъ въ такомъ случаѣ. Вы даже не милльонщикъ, а трильонщикъ.

А Ноздревъ, который тутъ же съ ними увязался, еще подлилъ масла въ огонь:

— Видишь, — говоритъ, — автомобиль въ ворота съ сапогами ѣдетъ? Такъ это тоже его сапоги.

А потомъ вошелъ въ азартъ, потащилъ Емельяна на улицу и показываетъ:

— Видишь магазины? Такъ это всѣ его магазины. Все что по эту сторону улицы — все его. А что по ту сторону — тоже его. Трамвай видишь? Его: Фонари? . . . Его. Видишь? Видишь?

И вертитъ его во всѣ стороны.

Такъ что Емельянъ взмолился:

— Вѣрю! Вижу. . . только отпусти душу на покаяніе. Поѣхали обратно въ учрежденіе.

Тамъ спрашиваютъ:

— Ну что?

Емельянъ только рукой махнулъ:

— Это, — говоритъ, — неопишимо!

— Ну, разъ неопишимо — выдать ему $n+1$ миллиардовъ.

V

Дальше же карьера Чичикова приняла головокружительный характеръ. Уму непостижимо, что онъ вытворялъ. Основалъ трестъ для выдѣлки желѣза изъ деревянныхъ опилокъ и тоже ссуду получилъ. Вошелъ пайщикомъ въ огромный кооперативъ и всю Москву накормилъ колбасой изъ дохлаго мяса. Помѣщица Коробочка, услышавъ, что теперь въ Москвѣ „все разрѣшено“, пожелала недвижимостъ приобрѣсти; онъ вошелъ въ компанію съ Замухрышкинымъ и Утѣшительнымъ и продалъ ей Манежъ, что противъ Университета. Взялъ подрядъ на электрификацію города, отъ котораго въ три года никуда не доскачешь, и, войдя въ контактъ съ бывшимъ городничимъ, разметалъ какой-то заборъ, поставилъ вѣхи, чтобы было похоже на планировку, а насчетъ денегъ, отпущен-

ныхъ на электрификацію, написалъ, что ихъ у него отняли банды капитана Копѣйкина. Словомъ, произвелъ чудеса.

И по Москвѣ вскорѣ загудѣлъ слухъ, что Чичиковъ — трильонщикъ. Учрежденія начали рвать его къ себѣ нарасхватъ въ спецы. Уже Чичиковъ снялъ за 5 милліардовъ квартиру въ пять комнатъ, уже Чичиковъ обѣдалъ и ужиналъ въ „Амфиръ“.

VI

Но вдругъ произошелъ крахъ.

Погубилъ же Чичикова, какъ правильно предсказалъ Гоголь, Ноздревъ, а прикончила Коробочка. Безъ всякаго желанія сдѣлать ему пакость, а просто въ пьяномъ видѣ, Ноздревъ разболталъ на бѣгахъ и про деревянные опилки, и о томъ, что Чичиковъ снялъ въ аренду несуществующее предпріятіе, и все это заключилъ словами, что Чичиковъ жуликъ, и что онъ бы его разстрѣлялъ.

Задумалась публика, и какъ искра побѣжала крылатая молва.

А тутъ еще дура Коробочка вперлась въ учрежденіе разспрашивать, когда ей можно будетъ въ Манежѣ булочную открыть. Тщетно урѣяли ее, что Манежъ казенное зданіе и что ни купить его, ни что-нибудь открывать въ немъ нельзя, — глупая баба ничего не понимала.

А слухи о Чичиковѣ становились все хуже и хуже. Начали недоумѣвать, что такое за птица этотъ Чичиковъ, и откуда онъ взялся. Появились сплетни, одна другой зловѣщѣе, одна другой чудовищнѣй. Безпокойство вселилось въ сердца. Зазвенѣли телефоны, начались совѣщанія. Комиссія построенія въ комиссію наблюденія, комиссія наблюденія въ Жилотдѣлъ, Жилотдѣлъ въ Наркомздравъ, Наркомздравъ въ Главкуст-

промъ, Главкустпромъ въ Наркомпросъ, Наркомпросъ въ Пролеткультъ и т. д.

Кинулись къ Ноздреву. Это, конечно, было глупо. Всѣ знали, что Ноздревъ лгунъ, что Ноздреву нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ. Но Ноздрева призвали и онъ отвѣтилъ по всѣмъ пунктамъ.

Объявилъ, что Чичиковъ дѣйствительно взялъ въ аренду несуществующее предпріятіе, и что онъ, Ноздревъ, не видитъ причины, почему бы не взять, ежели всѣ берутъ? На вопросъ: ужъ не бѣлогвардейскій ли шпионъ Чичиковъ, отвѣтилъ, что шпионъ и что его недавно хотѣли даже разстрѣлять, но почему-то не разстрѣляли. На вопросъ: не дѣлатель ли Чичиковъ фальшивыхъ бумажекъ, отвѣтилъ, что дѣлатель и даже рассказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что правительство хочетъ выпускать новые знаки, Чичиковъ снялъ квартиру на Марьиной рождѣ и выпустилъ оттуда фальшивыхъ знаковъ на 18 милліардовъ и при этомъ на два дня раньше, чѣмъ вышли настоящіе, а когда туда нагрянули и опечатали квартиру, Чичиковъ въ одну ночь перемѣшалъ фальшивые знаки съ настоящими, такъ что потомъ самъ чортъ не могъ разобраться, какіе знаки фальшивые, а какіе настоящіе. На вопросъ: точно ли Чичиковъ обмѣнялъ свои милліарды на брилліанты, чтобы бѣжать за границу, Ноздревъ отвѣтилъ, что это правда, и что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ, а если бы не онъ, ничего бы и не вышло.

Послѣ рассказовъ Ноздрева полнѣйшее уныніе овладѣло всѣми. Видятъ никакой возможности узнать, что такое Чичиковъ, нѣтъ. И неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не нашелся среди всей компаніи одинъ. Правда, Гоголя онъ тоже какъ и всѣ и въ руки не бралъ, но обладалъ маленькой дозой здраваго смысла.

Онъ и воскликнулъ:

— А знаете, кто такой Чичиковъ?

И когда всѣ хоромъ грянули:

— Кто?!

Онъ произнесъ гробовымъ голосомъ:

— Мошенникъ.

VII.

Тутъ только и осѣнило всѣхъ. Кинулись искать анкету. Нѣту. По входящему. Нѣту. Въ шкапу — нѣту. Къ регистраторшѣ. — Откуда я знаю? У Иванъ Григорьича.

Къ Иванъ Григорьичу:

— Гдѣ?

— Не мое дѣло. Спросите у секретаря и т. д.
и т. д.

И вдругъ неожиданно въ корзинѣ для ненужныхъ бумагъ — она.

Стали читать и обомлѣли.

Имя? Павелъ. Отчество? Ивановичъ. Фамилія? Чичиковъ. Званіе? Гоголевскій персонажъ. Чѣмъ занимался до революціи? Скупкой мертвыхъ душъ. Отношеніе къ воинской повинности? Ни то, ни се, ни чортъ знаетъ что. Къ какой партіи принадлежитъ? Сочувствующій (а кому — неизвѣстно). Былъ ли подъ судомъ? Волнистый зигзагъ. Адресъ? Поворотя во дворъ, въ третьемъ этажѣ направо, спросить въ справочномъ бюро штабъ-офицершу Подточину, а та знаетъ.

Собственноручная подпись? Обмокни!!

Прочитали и окаменѣли.

Крикнули инструктора Бобчинскаго:

— Катись на Тверской бульваръ въ арендуемое имъ предпріятіе и во дворъ, гдѣ его товары, можетъ тамъ что откроется!

Возвращается Бобчинскій. Глаза круглые.

— Чрезвычайное происшествіе!

— Ну!!

— Никакого предпріятія тамъ нѣту. Это онъ адресъ памятника Пушкину указаль. И запасъ не его, а „Ара“.

Тутъ всѣ взвыли :

— Святители угодники! Вотъ такъ гусь! А мы ему миллиарды!! Выходить, теперича, ловить его надо!

И стали ловить.

VIII.

Пальцемъ въ кнопку ткнули :

— Кулъера.

Отворилась дверь и предсталь Петрушка. Онъ отъ Чичикова уже давно отошелъ и поступилъ курьеромъ въ учрежденіе.

— Берите немедленно этотъ пакетъ и немедленно отправляйтесь.

Петрушка сказалъ :

— Слушаю-сь.

Немедленно взялъ пакетъ, немедленно отправился и немедленно его потерялъ.

Позвонили Селифану въ гаражъ :

— Машину. Срочно.

— Чичась.

Селифанъ встрепенулся, закрылъ моторъ теплыми штанами, натянулъ на себя куртку, вскочилъ на сидѣнье, засвистѣлъ, загудѣлъ и полетѣлъ.

Какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды?!

Любилъ ее и Селифанъ, и поэтому при самомъ въѣздѣ на Лубянку пришлось ему выбрать между трамваемъ и зеркальнымъ окномъ магазина. Селифанъ въ теченіе одной терціи времени избралъ второе, отъ трамвая увернулся и, какъ вихрь, съ воплемъ: „спасите!“ въѣхаль въ магазинъ черезъ окно.

Тутъ даже у Тентетникова, который завѣдывалъ всѣми Селифанами и Петрушками, лопнуло терпѣніе: Уволить обоихъ къ свиньямъ!

Уволили. Послали на биржу труда. Оттуда командировали: на мѣсто Петрушки — Плюшкинскаго Прошку, на мѣсто Селифана — Григорія Доѣзжай-не-Доѣдешъ. А дѣло тѣмъ временемъ кипѣло дальше!

— Авансовую вѣдомость!

— Извольте.

— Попросить сюда Неуважая-Корыто.

Оказалось, попросить невозможно. Неуважая мѣсяца два тому назадъ вычистили изъ партіи, а уже изъ Москвы онъ и самъ вычистился сейчасъ же послѣ этого, такъ какъ дѣлать ему въ ней было больше рѣшительно нечего.

— Кувшинное Рыло?

Ухаль къуда-то на куличку инструктировать Губ-отдѣлъ.

Принялись тогда за Елизавета Воробья. Нѣтъ такого! Есть, правда, машинистка Елизавета, но не Воробей. Есть помощникъ замѣстителя младшаго дѣлопроизводителя замзавподотдѣлъ Воробей, но онъ не Елизавета!

Прицѣпились къ машинисткѣ:

— Вы?!

— Ничего подобнаго! Почему это я? Здѣсь Елизавета съ твердымъ знакомъ, а развѣ я съ твердымъ? Совсѣмъ наоборотъ...

И въ слезы. Оставили въ покоѣ.

А тѣмъ временемъ, пока возились съ Воробьемъ, правозаступникъ Самосвистовъ далъ знать Чичикову стороной, что по дѣлу началась возня и, понятное дѣло, Чичикова и слѣдъ простыль.

И напрасно гоняли машину по адресу: поворотя направо, никакого, конечно, справочнаго бюро не оказалось, а была тамъ заброшенная и разрушенная столовая общественнаго питанія. И вышла къ при-

ѡхавшимъ уборщица Фетинья и сказала, что никого нѣтути.

Рядомъ, правда, поворота налево, нашли справочное бюро, но сидѣла тамъ не штабъ-офицерша, а какая-то Подстега Сидоровна и, само собой разумѣется, не знала не только чичиковскаго адреса, но даже и своего собственнаго.

IX

Тогда напало на всѣхъ отчаяніе. Дѣло запуталось до того, что и чортъ бы въ немъ никакого вкуса не отыскалъ. Несуществующая аренда перемѣшалась съ опилками, брабантскія кружева съ электрификаціей, Коробочкина покупка съ брилліантами. Влипъ въ дѣло Ноздревъ, оказались замѣшанными и сочувствующій Ротозѣй Емельянь и безпартійный Воръ Антошка, открылась какая-то панама съ пайками Собакевича. И пошла писать губернія!

Самосвистовъ работаль не покладая рукъ и впуталь въ общую кашу и путешествія по сундукамъ и дѣло о подложныхъ счетахъ за разѣзды (по одному ему оказалось замѣшано до 50.000 лицъ) и проч., и проч. Словомъ, началось чортъ знаетъ что. И тѣ, у кого милліарды изъ-подъ носа выписали, и тѣ, кто ихъ должны были отыскать, метались въ ужасъ и передъ глазами былъ только одинъ непреложный фактъ:

— Милліарды были и исчезли.

Наконецъ, всталъ какой-то Дядя Митяй и сказалъ:

— Вотъ что, братцы... Видно, не миновать намъ слѣдственную комиссію назначить.

X

И вотъ тутъ (чего во снѣ не увидишь!) вынырнула, какъ нѣкій богъ на машинѣ, я и сказалъ:

— Поручите мнѣ.

Изумились:

— А вы... того... сумѣете?

А я:

— Будьте покойны.

Поколебались. Потомъ краснымъ черниломъ:

— Поручить.

— Тутъ я и началъ (въ жизнь не видѣлъ пріятнѣ сна!).

Полетѣли со всѣхъ сторонъ ко мнѣ 35 тысячъ мотоциклистовъ:

— Не угодно ли чего?

А я имъ:

— Ничего не угодно. Не отрывайтесь отъ вашихъ дѣлъ. Я самъ справлюсь. Единолично.

Набралъ воздуху и гаркнулъ такъ, что дрогнули стекла:

— Подать мнѣ сюда Ляпкина-Тяпкина! Срочно! По телефону подать!

— Такъ что подать невозможно... Телефонъ сломался.

— А-а! Сломался! Проводъ оборвался? Такъ чтобъ онъ даромъ не мотался, повѣсить на немъ того, кто докладываетъ!!

Батюшки! Что тутъ началось!

— Помилуйте-съ... что вы-съ... Сію... хе-хе... минутку... Эй! Мастеровъ! Проволоки! Сейчасъ починять!

Въ два счета починили и подали.

И я рванулъ дальше:

— Тяпкинъ? М-мерзавецъ! Ляпкинъ? Взять его прохвоста! Подать мнѣ списки! Что? Не готовы? Приготовить въ пять минутъ, или вы сами очутитесь въ спискахъ покойниковъ! Э-э-то кто?! Жена Манилова — регистраторша? Въ шею! Улинька Бетрищева — машинистка? Въ шею! Собакевичъ? Взять его! У васъ служить негодяй Мурзофейкинъ? Шуллеръ Утѣшительный? Взять!! И того, что ихъ назначилъ—тоже! Схватить егѳ! И его! И этого!

И того! Фетинью вонь! Поэта Тряпичкина, Селифана и Петрушку въ учетное отдѣленіе! Ноздрева въ подваль... Въ минуту! Въ секунду!! Кто подписалъ вѣдомость? Подать его каналью!! Со дна моря достать!!

Громъ пошелъ по пеклу...

— Вотъ чортъ налетѣлъ! И откуда такого достали?!

А я:

— Чичикова мнѣ сюда!!

— Н... н... невозможно сыскать. Они скрымшишь...

— Ахъ, скрымшишь? Чудесно! Такъ вы сядете на его мѣсто.

— Помил...

— Молчать!!

— Сію минуточку... Сію... Повремените секундочку. Ищутъ-съ.

И черезъ два мгновенія нашли!

И напрасно Чичиковъ валялся у меня въ ногахъ и рвалъ на себѣ волосы и френчъ и увѣрялъ, что у него нетрудоспособная мать.

— Мать?! — гремѣлъ я, — мать?... Гдѣ миллиарды? Гдѣ народныя деньги?! Воръ!! Взрѣзать его, мерзавца! У него брилліанты въ животѣ!

Вскрыли его. Тутъ они.

— Всѣ?

— Всѣ-съ.

— Камень на шею и въ прорубь!

И стало тихо и чисто.

И я по телефону:

— Чисто.

А мнѣ въ отвѣтъ:

— Спасибо. Просите, чего хотите.

Такъ я и взметнулся около телефона. И чуть было не выложилъ въ трубку всѣ смѣтныя предположенія, которыя давно уже терзали меня:

„Брюки... фунтъ сахару... лампу въ 25 свѣчей...

Но вдругъ вспомнилъ, что порядочный литераторъ долженъ быть безкорыстенъ, увяль и пробормоталъ въ трубку:

— Ничего, кромѣ сочиненій Гоголя въ переплетѣ, каковыя сочиненія мной недавно проданы на толчкѣ.

И... бацъ! У меня на столѣ золотообрѣзный Гоголь!

Обрадовался я Николаю Васильевичу, который не разъ утѣшалъ меня въ хмурья безсонныя ночи, до того, что рявкнулъ:

— Ура!

И...

Э п и л о г ъ .

... конечно, проснулся. И ничего: ни Чичикова, ни Ноздрева и, главное, ни Гоголя...

— Э-хе-хе, — подумалъ я себѣ и сталъ одѣваться, и вновь пошла передъ мной по-будничному щеголять жизнь.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Иронія и фантастика. Вступительная статья Петра Пильскаго	5
Роковыя яйца	11
Дьяволіада	105
Домъ № 13	153
Походженія Чичикова	167

Издательство „ЛИТЕРАТУРА“

Рига (Латвія), Церковная (Vazņīcas ielā) 4-а. Тел. 29218.

Почт. ящ. 465; тек. сч. на почтѣ 512.

Отзывы прессы объ изданіяхъ „Нашей Библиотеки“.

Всѣ заграничныя и мѣстныя газеты удѣляютъ намъ мѣсто. Приводимъ нѣкоторые отзывы мѣстныхъ и заграничныхъ газетъ:

1. Клодъ Фарреръ

„Послѣдній Богъ.“ Романъ. 224 страницы.

Дѣйствіе романа „Послѣдній Богъ“ развивается, главнымъ образомъ, въ Парижѣ и попутно Клодъ Фарреръ создаетъ ядовитую сатиру на нравы великосвѣтскаго общества. Фабула романа приковываетъ вниманіе читателя отъ первой до послѣдней страницы.

Газ. „Сегодня“ № 75. 1297 г. Рига.

2. Марсель Прево

„Я и его любовница. Другъ и жена“ 2 романа. 214 стр.

Въ этихъ романахъ Марсель Прево со свойственной ему глубиной психологическаго анализа и огромной изобразительной силой описываетъ конфликтъ между любовью и дружбой, въ обоихъ случаяхъ производящій къ тяжелой трагедіи.

Газ. „Сегодня“ № 75. 1927 г. Рига.

3. Вильгельмъ Шпейеръ

„Дѣвушка съ львиной головой.“ Романъ. 212 стр.

Романъ о современной авантюристкѣ, дѣвушкѣ, въ которой причудливо переплетаются жажда богатства, стремленіе отомстить за оскорбленную любовь, душевное благородство и смѣшеніе понятій о дозволенномъ и недозволенномъ.

Газ. „Сегодня“ № 129. 1927 г. Рига.

4. Овадій Савичъ

„Синій шелкъ“ Повѣсти. 240 стр.

Можно возражать противъ подхода Савича къ окрѣпшаему его, но нельзя не восторгаться его талантомъ, изумительной наблюдательностью, остротой пера. Его по-

вѣсти увлекають читателя и заставляють его страдать и радоваться вмѣстѣ съ его героями.

Газ. „Сегодня“ № 129. 1927 г. Рига.

5. Анита Луусъ.

„Блондинки въ большомъ спросѣ“. Романъ 190 стр.

Секретъ очарованія этой книги въ тонкомъ психологическомъ подходѣ къ душѣ молодой дѣвушки — коротки, въ юморѣ стиля и остроуміи выдумки.

Газ. „Сегодня“ № 129. 1927 г. Рига.

6. Пантелеймонъ Романовъ.

Разказы (распр.) 224 стр.

Собранные въ сборникъ „Наша Библиотека“ разказы П. Романова полны то неподдѣльнаго юмора, то ѣдкой ироніи и обличающаго сарказма.

Газ. „Сегодня“ № 161. 1927 г. Рига.

7. Уильямъ Локкъ.

„Перелла“. Романъ (распр.) 224 стр.

„Перелла“ — одинъ изъ лучшихъ романовъ Локка, этого любимца англійской и европейской читающей публики, какъ по стилю, такъ и по формѣ является характернымъ для автора.

Газ. „Сегодня“ № 161. 1927 г. Рига.

8. З. Бунина.

„Волчій Логъ“. Романъ (распр.) 212 стр.

Романъ Буниной „Волчій Логъ“ попытка объективно изобразить бытъ и нравы большевицкой деревни . . .

Книга производитъ впечатлѣніе правдивости и поэтому читается съ большимъ интересомъ.

Газ. „Сегодня“ № 161. 1927 г. Рига.

9. Гвидо да Верона.

„Женщина, которая изобрѣла любовь“. Ром. 224 стр.

Романъ Гвидо да Верона произвелъ много шума за границей и былъ чрезвычайно быстро переведенъ на большинство европейскихъ языковъ. Очень хорошо удалось автору почти всѣ сцены съ участіемъ ростовщика, отца героини романа, и дона Массимо, ея неудачливаго поклонника.

Газ. „Сегодня“ № 161. 1927 г. Рига.

10. Людвигъ Вольфъ.

„Смѣлый, Чарли!“ Романъ. 190 стр.

Изд. „Литература“ выпустило романъ Л. Вольфа —

„Смѣльѣй, Чарли!“. Этотъ романъ завоевавшій себѣ успѣхъ въ Европѣ, читается съ большимъ интересомъ.

Газъ „Сегодня“ № 185. 1927 г. Рига.

II. Вяч. Шишковъ.

„Роковой выстрѣлъ“. Юмористич. рассказы съ предисловіемъ В. Гадалина и портретомъ автора раб. худ.

А. П. Апсита. 208 стр.

Въ сборникъ „Роковой выстрѣлъ“, многіе рассказы пришли именно изъ его цикла „шутейныхъ“, и „шутейными“ они названы потому, что въ нихъ слабыя стороны и курьезы современной русской дѣйствительности отражены въ свѣтѣ добраго и шутилаго смѣха.

Газ. „Наша Газета“ № 150. 1927 г. Ревель.

Въ виду большого интереса, проявленнаго въ кругахъ русскихъ читателей къ сов. Россіи, сборнику можно съ увѣренностью предсказать большой успѣхъ. Послѣднему, несомнѣнно, будетъ содѣйствовать также вышность сборника, его изящная отдѣлка и дешевизна.

Газ. „Сегодня“ № 185. 1927 г. Рига.

12. Джонъ Гэлсуорси.

„Сильнѣе смерти“. Романъ (распр.) 224 стр.

... Романъ изв. англійскаго писателя Гэлсуорси „Сильнѣе смерти“, увлекательное и удивительно стройное произведеніе, можетъ быть и типично англійское, но въ то же время интересное для читателей всѣхъ націй...

Газ. „Сегодня“ № 221 1927 г. Рига.

13. Михаилъ Зоценко.

„Царскіе сапоги“. Юмористическіе рассказы съ предисловіемъ В. Гадалина и портретомъ автора раб. худ.

А. П. Апсита. (распр.) 200 стр.

Въ лицѣ Мих. Зоценко мы имѣемъ зорькаго, насмѣшливаго наблюдателя современной совѣтской Россіи, иногда лирическаго, мягкаго, иногда безпощаднаго. Собранные въ сборникъ „Царскіе сапоги“ его послѣдніе рассказы очень характерны для его творчества.

Газ. „Наша Газета“ № 147. 1927 г. Ревель.

Мих. Зоценко талантливъ. Его юморъ ищетъ новыя темы, легко находить и подмѣчаетъ смѣшныя стороны новаго „совѣтскаго“ быта...

... книга „Царскіе сапоги“, выпущенная изд. „Литература“ включаетъ въ себя цѣлый рядъ до сихъ поръ неизданныхъ вещей М. Зоценко. Безъ улыбки, безъ удальства нельзя читать новыя наброски, блестящіе его обычнымъ юморомъ — „Дамскія штучки“, „Суета суеть“,

„Бутылка“, „Спѣвное дѣло“, „Свадьба“ — рисуютъ совѣтскія похороны, совѣтскую семью, совѣтскій бракъ, общую разруху и обѣднѣніе.

Газ. „Сегодня“ № 203. 1927 г. Рига.

14. Ник. Брешко-Брешковскій.

„Ночи Варшавы“. Романъ съ портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита. 244 стр.

Романъ этотъ охватываетъ событія міровой войны и революціи на югѣ Россіи въ Одессѣ и годы строительства Польши. Въ немъ изображается трагедія души молодой русской женщины, души мятежной, больной, растоптанной грубыми прикосновениями... Проходятъ жуткія ночи большого города. кажущіяся безконечными одинокому затерянному существу, которому все кругомъ чужое и чуждое...

Газ. „Сегодня“ № 215. 1927 г. Рига.

15. Пантелеймонъ Романовъ.

„Вопросы пола“. Рассказы. Со вступительной статьей Петра Пильскаго и портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита, 208 стр.

Въ книгѣ „Вопросы пола“ Пант. Романовъ рисуетъ людей, живущихъ безъ любви, подмѣняющихъ живую прочную связь грубой физиологіей и зоологіей. Въ этихъ рассказахъ и очеркахъ наряду съ чеховски-нѣжнымъ лиризмомъ всплываютъ грубыя черты натурализма нашихъ дней. Его „рассказы любви“ написаны въ простой и сильной, столь свойственной Романову, формѣ съ глубокимъ проникновениемъ въ психику изображаемыхъ пошлыхъ, мелкихъ и глуповатыхъ людей.

Газ. „Наша Газета“ № 153. 1927 г. Ревель.

„Вспросы пола“ содержатъ серію повѣстей и рассказовъ, художественно разрабатывающихъ болезную въ СССР тему о взаимоотношеніи половъ. Чуткій писатель трактуетъ эту тему въ формѣ, которая, не шокируя, захватываетъ читателя.

Газ. „Сегодня“, № 221. 1927 г. Рига.

16. Эдгаръ Райсъ Барроузъ.

„И поцѣлуй на устахъ“. Романъ. (Распр.) 208° стр.

... романъ „И поцѣлуй на устахъ“, принадлежащій автору много нашумѣвшаго романа „Тарзанъ“, полонъ приключеніями. Въ немъ описываются похождения Билли Байрна, скрывающагося въ Мексикѣ отъ полиціи и попавшаго къ злѣйшему врагу американцевъ Пезитѣ. Въ романѣ есть рядъ отдѣльныхъ очерковъ, эпизодовъ.

полных увлекательности, юмора, блеска трагедии. Романъ читается, какъ увлекательная книга юности, согрѣтая любовью къ молодой дѣвушкѣ, чувствомъ товарищества, солидарности; картины жизни вѣчно воюющаго мексиканскаго народа написаны ярко и образно.

Газ. „Сегодня“ № 239. 1927 г. Рига.

17. Леонидъ Леоновъ.

„Барсуки“. Романъ со вступительной статьей В. Гадалина и портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита. 312 стр.

Много шумѣвшій и вышедшій тремя изданіями въ совѣтской Россіи романъ „Барсуки“ принадлежит молодому талантливому беллетристу Леониду Леонову.

Дѣйствіе романа разворачивается вначалѣ въ Москвѣ, въ Зарядьѣ а затѣмъ въ типичныхъ средне-русскихъ деревняхъ. Одна изъ нихъ Воры — деревня антисовѣтская, другая „Бусаки“ — деревня совѣтская. Нѣкоторые эпизоды романа разыгрываются въ лѣсу, гдѣ крестьянскіе повстанцы „Барсуки“ — летучая братія, имѣетъ свой станъ.

Романъ написанъ прекраснымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ.

Еженедѣльная газ. „Воскресенье“ № 3. 1927 г. Рига.

Романъ „Барсуки“ создалъ Леониду Леонову большую популярность въ русской литературѣ. Въ короткій промежутокъ этотъ романъ выдержалъ три изданія въ сов. Россіи.

... Леонидъ Леоновъ повидимому лично наблюдалъ всю эту страшную описанную въ „Барсукахъ“ эпопею. Прекрасенъ языкъ „Барсуковъ“, авторъ освѣжаетъ его умѣло элементами хорошей простонародной рѣчи — скороговорками, прибаутками.

Газ. „Сегодня“ № 265. 1927 г. Рига.

18. Мих. Булгаковъ.

„Бѣлая гвардія“ („Дни Турбиныхъ“). Романъ со вступительной статьей Петра Пильскаго и портретомъ автора раб. худ. А. П. Апсита (распр.) 224 стр.

Мих. Булгаковъ своимъ романомъ „Бѣлая гвардія“ и одноименной пьесой, идущей въ театрахъ съ большимъ успѣхомъ, сталъ какъ то сразу въ разрядъ любимыхъ русскихъ писателей.

... Петръ Пильскій въ прекрасной вступительной статьѣ къ роману говоритъ, что „литературный богъ благословилъ Булгакова счастливой темой“ и это вѣрно. Романъ Булгакова надѣлалъ много шума. Секретъ успѣха и

романа и пьесы. Булгакова заключается въ его правдивости Романъ читается съ большимъ интересомъ.

Газ. „Сегодня“ № 265. 1927 г. Рига.

... Съ этимъ романомъ мы, русскіе эмигранты, должны ознакомиться, не только, какъ съ произведеніемъ талантливымъ, оставляющимъ громадное впечатлѣніе въ душѣ читателя, но какъ съ произведеніемъ, въ которомъ подсовѣтскій писатель безстрашно подошелъ къ такой „шкотливой“, съ совѣтской точки зрѣнія, темѣ, и написалъ о ней безъ всякой предвзятости.

Газ. „За свободу“ № 284. 1927 г. Варшава.

19. Антони Гопъ.

„Сердце принцессы“. Романъ 160 стр.

Очередная новинка издательства „Литература“, переводный романъ „Сердце принцессы“ популярнаго англійскаго писателя Антони Гопъ.

Передъ читателями проходитъ цѣлый рядъ приключеній красавицы принцессы Озры. —

... „Сердце принцессы“ — типичнѣйшій англійскій романъ, но въ тоже время представляетъ большой интересъ и для русскихъ читателей.

Еженедѣльн. газ. „Воскресенье“ № 5. 1927 г. Рига.

20. П. Хрущовъ.

„Тайна и кровь“. Романъ съ предисловіемъ А. И. Куприна. 238 стр.

Вотъ авторъ, который не боится темы, — онъ выдаетъ ее сразу, не тянетъ, не топчется на мѣстѣ. Онъ идетъ черезъ жизнь своихъ героевъ гигантскими шагами. Онъ страстенъ, нетерпѣливъ и очень смѣлъ. Поражающе смѣлъ. У него рѣдкая духовная энергія.

Романъ П. Хрущова производитъ впечатлѣніе удивительное — будто онъ написанъ въ полчаса, сразу, въ одинъ присѣсть.

Романъ развивается безостановочно, но и ни на одной главѣ читатель не можетъ остановить себя.

Въ своей порывистости П. Хрущовъ не даетъ ни на одну секунду передышки читателю. Они оба не идутъ по землѣ, а летятъ по ней.

Книга захватываетъ, несетъ, опьяняетъ, заставляетъ жить чужой жизнью. Страшной, жизнью, вѣчно стоящей на краю пропасти. Смотрящей въ бездну.

А. И. Купринъ въ своемъ предисловіи къ роману говорить:

Въ романѣ „Тайна и Кровь“ множество лицъ, мѣстъ и событій, прекрасно нарисованныхъ, хорошо освѣ-

щенныхъ. Весь романъ — въ энергичномъ движеніи, но движеніе слишкомъ утороплено, — хочется порою его остановить или замедлить, или даже вернуть назадъ, чтобы получше присмотрѣться. Роману **не хватаетъ** — диковинно сказать! — **вялости, медленности.**

Такимъ образомъ, — продолжаетъ Купринъ, — мнѣ ясно, что посредственный, но опытный романистъ, взявъ за основу произведеніе П. Хрущова, наводнилъ бы его диалогами, отяжелилъ разсужденіями, разбавилъ общими мѣстами, растянулъ описаніями природы и выпустилъ бы на рынокъ емкую книгу въ 320 страницъ. Безсовѣстный литературный закройщикъ умудрился бы сдѣлать изъ того же материала четыре толстенныхъ тома...

Газ. „Наша Газета“ № 223. 1927 г. Ревель.

Сквозь своеобразную канву приключенческаго романа несомнѣнно талантливыи П. Хрущовъ смѣлыми мазками набросалъ яркое полотно изъ дѣятельности бѣлой контръ-развѣдки.

Дѣйствіе романа развертывается въ Петербургѣ, изображая подлинную борьбу бѣлыхъ офицерскихъ организацій съ коммунистами.

. . . Каждая глава романа П. Хрущова является какъ бы законченнымъ напряженнымъ цѣлымъ.

Еженедѣльная газ. „Воскресенье“ № 6.

21. Мих. Булгаковъ.

„Роковыя яйца“. Повѣсти со вступительной статьей Петра Пильскаго. 192 стр.

Мих. Булгаковъ, авторъ прошедшаго съ исключительнымъ успѣхомъ романа „Бѣлая гвардія“. Въ новой своей книгѣ „Роковыя яйца“ онъ выступаетъ съ фантастическими повѣстями, которыя также имѣютъ большой успѣхъ въ сов. Россіи.

Петръ Пильскій въ блестящей вступительной статьѣ къ новой книгѣ Булгакова между прочимъ пишетъ:

— У Мих. Булгакова большой **литературно-мишическій талантъ**. Онъ умѣетъ улыбаться слегка и въ то же время выразительно. Его усмѣшка улавливается, но не дерзить. Онъ ирониченъ, но не смѣшивъ, умѣетъ ласково насмѣхаться и непременно издѣваться, въ немъ сильна лукавая осторожность, — въ искусствѣ она называется почетнымъ и похвальнымъ именемъ: чувство мѣры.